

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

В Ы П У С К
16 (79)

Ю.Я. ПЕРЕПЕЛКИН
ЧАСТНАЯ
СОБСТВЕННОСТЬ
В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ЕГИПТЯН
СТАРОГО ЦАРСТВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА • ЛЕНИНГРАД

1 9 6 6

Ответственный редактор

член-корреспондент АН СССР

Н. В. ПИГУЛЕВСКАЯ

ВВЕДЕНИЕ

Старое царство в Египте, оставившее каменные громады пирамид и отстоящее от наших дней на четыре—четыре с половиною тысячелетия, представляет в его хозяйственной жизни древнейшую пору, доступную разностороннему изучению.

В этой книге, служащей как бы вступлением к большому исследованию о производственных отношениях Старого царства, внимание сосредоточено на одном вопросе: представлении о частной собственности, существовавшем в этом древнейшем государстве. Вряд ли нужно доказывать, что подобная работа может быть полезной для понимания источников такой глубокой древности.

В основу изысканий, изложенных в данной работе, легли надписи почти неизменно времени V—VI царских домов — на скалах, в жилищах, в храмах, главным же образом в гробницах больших и малых должностных лиц, хотя отправною точкою, как это ни странно, служат заклинания внутри пирамид фараонов. Если наскальные надписи дают нам несколько любопытных званий, а развалины жилищ — содержательные обозначения их самих и их обитателей, то остатки храмовых стен и плит сохранили важные для наших целей правительственные указы, сведения о государственном словоупотреблении. Бесконечно богаче нужными нам данными гробницы частных лиц. Здесь имеются как надписи о самих сооружениях, так и звания их владельцев, их жизнеописания, завещания, распоряжения о поминальной службе. Но всего чаще исследуемые обозначения бывают заключены в пояснениях к изображениям на гробничных стенах, где представлены родня и слуги умершего, доставка ему продовольственных приношений и гробничной обстановки, а также производство того и другого на селе и в мастерских.

Непосредственным предметом нашего изучения явились представления кроющиеся за выражением д.т в его общественно осмысленном употреблении. В таком своем применении слово д.т (условно произносимое нами как «джет») получало в науке самые различные толкования, подробно же оно не было обследовано, хотя им и пестрят староегипетские памятники.

После краткого обзора этого вопроса в науке рассмотрено словоупотребление пирамидных надписей, которое послужит отправной точкой для дальнейших изысканий, основанных преимущественно на надписях частных гробниц. Эти изыскания направлены сперва на употребление слова д.т вне особо употребительного сочетания «дом д.т» — для определения людей, животных, селений, зданий, заведений, а затем как прямого обозначения тех или иных лиц. То же выполнено в отношении устойчивого сочетания «дом д.т», обозначающего обычно хозяйство частного лица; изучено это сочетание и как определение к названиям существ и пред-

метов и как обозначение отдельных людей. Под конец мы обобщим произведенные изыскания в виде нескольких заключительных выводов.

Будем надеяться, что в итоге представится возможным понять слово д.т в его общественно осмысленном употреблении повсеместно как «плоть». Отнесением к чьей-либо «плоти» выражалась как личная принадлежность к обладателю «плоти» в силу родства или службы, так и принадлежность к нему как владельцу. При этом в обоих случаях принадлежность к чьей-либо «плоти» четко противопоставлялась как отношению частного порядка принадлежности государству. Частное противопоставлялось государственному, но в пределах самого частного к частной «плоти» могли относиться как всякого рода движимость и недвижимость, так и лица, никакими невольниками явно не бывшие. Перед нами своеобразное соединение в одном обозначении, на наш взгляд, разных понятий. И эту особенность староегипетского словоупотребления необходимо постоянно иметь в виду при определении рода и степени принадлежности кого-либо или чего-либо, отнесенного к чьей-либо «плоти».

Своеобразный способ выражения принадлежности путем отнесения к «плоти» хозяина не был единственным способом обозначения собственности в Старом царстве. Однако другие способы обозначения не только реже встречаются в надписях, но и не заключают противопоставления собственности как частной — собственности государственной. Эти иные обозначения найдут свое место в другом (подготавливаемом к изданию) исследовании пишущего эти строки — о производственных отношениях Старого царства.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Глава 1. ПОЛОЖЕНИЕ ВОПРОСА

Среди слов, употребительных в староегипетских надписях для выражения общественных отношений, одно из самых обычных слово д.т (d.t). Чаще всего оно стоит в тесном сочетании со словом пр «дом», образуя с ним одно целое выражение: пр д.т «дом д.т» или пр н(й) д.т «дом, что от д.т».

Количественно сочетание с «домом» превышает все прочие случаи общественно осмысленного д.т, вместе взятые, хотя и эти последние очень многочисленны. Но как ни часто встречается в надписях слово д.т, одно или в сочетании с «домом», оно до сих пор не было обследовано подробно и понимается разными лицами по-разному, в зависимости от более или менее случайных впечатлений. В итоге наметилось три толкования, из которых второе убедительнее первого, а третье убедительнее второго.

Первое и самое давнее толкование, не утратившее приверженцев поныне, отождествляет загадочное д.т с однозвучным по согласному составу словом д.т «вечность» и соответственно понимает «дом д.т» как «дом вечности» в смысле гробницы или вечного, переходящего по наследству владения. С этим переводом, однако, плохо вяжется то, что д.т придается в качестве определения таким совсем не вечным существам, как заупокойные жрецы, управители, работники, и вдобавок само снабжается притяжательными местоимениями. Только сильно напрыгая воображение, можно вложить какое-нибудь содержание в такие обозначения, как «писцы вечности его» или «властели вечности его», приложенные к писцам, ведущим учет в мастерских вельможи, или к управителям, доставляющим ему поступления с подведомственных им владений. Да и само распространенное выражение «дом вечности его» выглядит не менее странно.

Поэтому неудивительно, что возобладало толкование д.т как «выделенное имение» — в первую очередь на помин души. Это — второе — толкование является ныне господствующим и находит себе видимую поддержку, с одной стороны, в написании д.т с сопроводительным знаком земли, заимствованным, как думают, отсюда и в написании слова «вечность»; с другой стороны, в возможности, вместе с К. Зете,¹ произвести д.т «выделенное имение» как «нечто отказанное» от глагола вд «приказывать = передавать».

¹ K. Sethe. Das Zahlwort «fünf». Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde, 62. Band, Leipzig, 1927, S. 61, Anm. 1.

Однако и второе толкование наталкивается на непреодолимые трудности, убедительно выраженные недавно Б. Грдзелофом.¹ Отбытие покойника из дома на кладбище оказывается «выходом из дома д.т на запад добрый». Областной князь, повествуя о своем благодетельном управлении, говорит о себе: «Отмеривал (я) ячмень верховый из дома (моего) д.т голодному, которого находил (я) в области этой»; «Что до человека всякого, которого находил в области этой (с) зерновой ссудой другого за ним, я был тем, кто возмещал ее владыке (т. е. хозяину) ее из дома (моего) д.т». Другой сановник, рассказывая о том, как в молодости он состоял при своем брате, говорит: «Считал (я) для него вещи в доме д.т его (в) продолжение 20 лет». «Дом д.т» может быть здесь повсюду только жилым домом или домом-хозяйством живого лица, а никак не заупокойным владением. Основываясь на таком словоупотреблении, Б. Грдзелоф умозаключает, что «дом д.т» означало «частный дом», а «д.т» — «частную недвижимость». Производя д.т вместе с К. Зэте от вд «приказывать», Б. Грдзелоф понимает д.т как «присужденное» (раз навсегда), как частную собственность, притом, ввиду определителя земли за словом, как собственность земельную. Он ссылается при этом на два любопытных вд — со знаком земли позади, как у д.т, но с двусогласным знаком вд спереди, как у глагола «приказывать», — содержащихся в древнем труднопонимаемом жизнеописании Мтн. Однако и третье толкование имеет свои неудобства, заметные уже у самого Б. Грдзелофа. Выражение «дети его, что от д.т», построенное в точности так, как другие обороты с д.т, Б. Грдзелофу приходится переводить как «его дети земельного владения» (*ses enfants du domaine*), поскольку д.т почитается за частную земельную собственность, но, конечно, толковать о действительных детях умершего (см. UAR 229) как «о детях его, что от недвижимости» можно только с большими усилиями воображения.

Для частного случая, когда д.т употребляется не как определение, а как прямое обозначение именно подчиненных людей, В. В. Струве² было предложено понимание д.т как «тело» = «раб», в духе греческого *σῶμα*, имеющего оба значения, но, так как это понимание никак не было увязано с прочими случаями общественно осмысленного д.т, его нельзя считать четвертым толкованием этого выражения в целом.

То же можно сказать об объяснении звания д.т Абд эль-Мохсен Бакиром. Ссылаясь на словарь, по которому нй-д.т такого-то значит «что от тела» такого-то и может означать «собственный» такого-то,³ Абд эль-Мохсен Бакир считает, что обозначение людей как д.т или нй-д.т происходит от слова д.т «тело», откуда и значение «собственный». По мнению ученого, звание д.т обозначало «тело» в человеческом образе, т. е. людей как вещи, а звание нй-д.т.ф, известное Абд эль-Мохсен Бакиру по надписям Среднего царства, значило «принадлежащий к его телу», иначе — «его собственный человек», и обозначало чью-то вещь в человеческом образе, т. е. раба.⁴

Толкование д.т в смысле «собственности» встречается в переводах египетских надписей и в случае других употреблений этого слова, помимо званий, однако без надлежащего обоснования.

¹ B. Grdseloff. Deux inscriptions juridiques de l'Ancien empire. Annales du Service des antiquités de l'Égypte, tome 42, Le Caire, 1943, pp. 45—49.

² В. В. Струве. Проблема зарождения, развития и разложения рабовладельческих обществ древнего Востока. ИГАИМК, вып. 77, М.—Л., 1934, стр. 67.

³ A. Erman, H. Grapow. Wörterbuch der ägyptischen Sprache, 5. Band. Leipzig, 1931, S. 504.

⁴ Abd el-Mohsen Bakir. Slavery in Pharaonic Egypt. Supplément aux Annales du Service des antiquités de l'Égypte, cahier № 18, Le Caire, 1952, pp. 35—38.

При явном расхождении ученых во мнениях остается только изучить вопрос сполна и сначала, — с учетом, по мере возможности, всей совокупности данных и доискиваясь основных значений слова. С них последовательно будет и начать изучение, а проследить их развитие удобно будет по надписям, пользующимся д.т в самых различных смыслах, — по заупокойным заклинаниям, начертанным внутри пирамид последнего царя V царского дома, Унноса, и четырех царей VI царского дома: Атоте, Ми-рэ Пйопе I, Ме-не-рэ Менте-суфа I и Нефр-ке-рэ Пйопе II.

Глава 2. СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПИРАМИД

Помимо д.т «змея» и д.т «вечность», в пирамидных надписях содержится множество д.т, обнаруживающих, однако, настолько тесное родство между собою по смыслу, что их нельзя не считать последовательными ступенями развития одного и того же слова. Большинство этих д.т правильно соединены в словаре в единое слово, но развитие значений от природного до общественного там не показано, и это надо будет сделать здесь.

Коренное значение этого д.т, несомненно, чисто природное — «плоть», даже с оттенком «туловище», в отличие от конечностей: «Возлетел он, возлетел он (разночтения: «Возлетел, возлетел Ме-не-рэ», «Возлетел Нефр-ке-рэ, возлетел Нефр-ке-рэ») из руки вашей, люди, как птицы: изъял он (разночтения: «Ме-не-рэ», «Нефр-ке-рэ») руки свои из рук ваших как сокол (разночтения: «гусь»), взял он (разночтения: «взял он себе», «взял Нефр-ке-рэ») *плоть* свою из руки вашей как ястреб» (АР II 312—313).

«Одета *плоть* твоя («ты» = мертвый царь), приходишь ты к ним (= «братьям твоим богам») (АР I 128).

«О, Нефр-ке-рэ этот! Одета *плоть* твоя, приходишь ты ко (мне)» (АР II 516).

Но несомненно д.т значит также «плоть» вообще, тело в целом, без особого оттенка «туловище»:

«*Плоть* твоя («ты» = Усире) — *плоть* Унноса (или: «Нефр-ке-рэ») этого, мясо твое — мясо Унноса (или: «Нефр-ке-рэ») этого, кости твои — кости Унноса этого» (АР I 111).

«*Плоть* твоя — Пйопе этот, бог... *Плоть* ваша — Пйопе, боги» (АР II 262).

«Услышь его, слово это, Рэ, которое сказывает тебе Ме-не-рэ (разночтения: «сказываемое тебе», «которое Ми-рэ сказывает тебе»). *Плоть* твоя — Ме-не-рэ (или: Пйопе, Ми-рэ), Рэ: (да) животворишь ты (разночтение: «оживотвори») *плоть* твою в нем (разночтение: «в Пйопе», «[в Ми-рэ]», Рэ» (АР II 298—299).

В последних примерах «плоть» близка уже к понятию «самости»: царь — *плоть* от *плоти* своего бога, от собственной того *плоти*, часть его самого. Не менее заметен оттенок «самости» в употребительном выражении: «быть властну в *плоти* своей» = владеть своим телом, прийдя в себя:

«(Как) пробуждается Усире, (как) просыпается бог изнемогший, (как) встает бог, (как) становится властным бог в *плоти* своей, — (так)

пробуждается Нефр-ке-рэ этот, (так) просыпается бог изнемогший, (так) встает бог, (так) становится властным бог в *плоти* своей» (АР II 510).

«Поднимись с утверждения (?) твоего (=с того, на чем ты утверждался?)! Восходишь ты на небо. Рождает тебя небо, как (созвездие) Орион. Властен ты в *плоти* твоей. Защищаешь ты себя от руки противника твоего» (АР II 515; «ты» = Нефр-ке-рэ).

«О, Пйопе (или: «Нефр-ке-рэ») этот! Встань (и да) сядешь ты на кресло Усире! Мясо твое (в) целом — Атум, лицо твое — (лик) шакал(а). Полагаешь (т. е. обращаешь) ты уста твои к Рэ. Побивает он зло по сказанному тобою, жалуется он слово твое.

«Встань ты! Не кончишься ты, не погибнешь ты. Живет Пйопе этот. Охватывает мать твоя Нэ тебя, соединяется она с тобою. Берет Кэб руку твою, пришедшего в мире к отцам твоим. Властен ты в *плоти* твоей. Одета *плоть* твоя. Выходишь ты как Хор, что в Тэ (на стыке неба и преисподней на востоке), предстоящий не знающим гибели (т. е. незаходящим звездам)» (АР II 225—226).

«(Как) разверсты обе горы, (и) объявляется бог (и) властен бог в *плоти* своей, — (так) разверсты обе горы, (и) объявляется Нефр-ке-рэ этот (и) властен Нефр-ке-рэ этот в *плоти* своей» (АР II 502).

«(Если) плохо Усире, (то) плохо (и) Нефр-ке-рэ этому, плохо тельцу двух девятков (богов).

«(Если) разрешен бог (и) властен бог в *плоти* своей, (то) разрешен (и) Нефр-ке-рэ этот (и) властен Нефр-ке-рэ этот в *плоти* своей» (АР II 513).

«Умщение, умщение!... (Как) пребываешь ты спереди Хора (разночтение: «на Хоре»), (так) помещено ты спереди Нефр-ке-рэ (или: «Унноса»). Уладило ты ему тобою, ублажаешь ты его тобою. Даешь ты быть властну ему в *плоти* своей, влагаешь ты ужас (перед) ним в очи блаженных всех, что будут смотреть на него, всякого, кто услышит имя его тоже» (АР I 29—30).

«Властен ты (=Уннос или Нефр-ке-рэ) в *плоти* твоей, нет того, что на ноге твоей (=уз?)» (АР I 121).

Сюда же, наверно, относится и изречение, напоминающее второе и третье из вышеприведенных, но с разрушенным «быть властным»:

«О, Нефр-ке-рэ этот! Встань! Прийди в мире ты к Рэ, посланец (??) бога большого! Да уходишь ты в небо, (да) выходишь наружу из небосклона. Направляет тебя Кэб, выказавшегося душою как [бог, внушительного как бог, властного в *плоти* твоей, — бог как будто бы то, душа как будто бы то, предстоятель живых, власть как будто бы то, предстоятель блаженных» (АР II 510—511).

(Разрушенное «быть властну» восстанавливается почти с достоверностью, особенно ввиду созвучного и по смыслу родственного слова «власть» в конце).

Значение «самости» уже отчетливо присуще «плоти» в следующем заклинании:

«О, Нефр-ке-рэ (или «Ме-не-рэ», «Пйопе») этот! Даны тебе уста твои (разночтение: «Даны тебе жизнь, счастье (?) всяческие навечно, тебе (I) уста (?) твои (?)») Рэ. Ты говоришь, *плоть* твоя (т. е. сам ты). Принял ты образ бога. Большой ты в (нем?) у богов, предстоятелей пруда» (АР I 417—418).

Естественно, слово «плоть» с таким явственным привкусом «самости» могло прилагаться к частям тела для определения их как «собственных».

При принесении жертвы, отождествленной с «очами Хора», приносящий заверяет мертвого царя, приравненного Усире:

«О, Нефр-ке-рэ этот! Я — сын твой, я — Хор. Пришел (я), доставил (я) тебе очи Хора, что от *плоти* его (т. е. очи Хора самого, очи Хора собственные)» (АР I 38).

Поднося жертву молоком, царя заверяют:

«Вот, головка (т. е. сосок), что от груди Хора, что от *плоти* его (т. е. груди Хора самого, груди Хора собственной). Возьми себе в уста твои — молока крынка» (АР I 21).

Подобные утверждения делаются не только о жертвах, отождествляемых с частями тела, но и непосредственно о частях тела как таковых:

«Сказывание слов со стороны Нэ: Атоте, дала (я) тебе сестру твою Эсе: охватывает она тебя, дает она тебе сердце твое, что от *плоти* твоей (т. е. сердце, принадлежащее самому тебе, сердце твое собственное)».

«Сказывание слов со стороны Нэ: Атоте, дала (я) тебе сестру твою Небт-хо: охватывает она тебя, дает она тебе сердце твое, что от *плоти* твоей» (АР I 2).

Не менее естественным было употребление оборота «что от *плоти* такого-то» для указания прямого родства, когда хотели подчеркнуть, что тот-то является родным — *собственным* сыном того-то:

«Ра-Атум, пришел к тебе сын твой, пришел к тебе Уннос. Возвел ты (к себе) его, заключил ты его в объятия твои. Сын твой это, что от *плоти* твоей, навечно» (АР I 89—90).

«Атум, возвел ты Унноса этого, заключил ты его в объятия твои. Сын твой это, что от *плоти* твоей, навечно» (АР I 122).

Из определения «что от *плоти* такого-то», употребленного для выражения телесной принадлежности той или иной части тела или того или иного лица тому-то, развивается словоупотребление более отвлеченного порядка — для передачи непосредственной принадлежности в более отрешенном смысле. Двойник мыслился тесно связанным с человеком, но частью его тела он не был и даже представлялся существующим вне его. Тем не менее и к двойнику прилагается то же определение принадлежности:

«Принимает его Хор (или: «Принимает Хор Нефр-ке-рэ — жив он вечно!») на два пальца своих, очищает он Унноса этого в пруде шакала, отрешает он (от нечистоты) двойника Унноса этого в пруде того, что в Тэ (т. е. на стыке востока неба и преисподней), обметает он мясо двойника Унноса этого, что от *плоти* его (т. е. двойника Унноса самого, двойника Унносова собственного)...

«(Когда) светлеют обе земли (т. е. Египет), открывает он лицо богов (т. е. открывает идола), доставляет он двойника (по-египетски «двойник» и «пища» одинаково «ко») Унноса этого (или: «Нефр-ке-рэ»), что от *плоти* его, во двор большой» (АР I 193—194).

Таким образом, действительная принадлежность чего-либо или кого-либо тому или иному лицу может быть выражена путем приурочения или отнесения к его *плоти*, к его самости даже тогда, когда относимое не является непосредственно частью ее по местонахождению или происхождению. Правда, двойник является составной частью или, точнее, сопричастником человеческого существа, но в пирамидах содержатся и такие изречения, где отнесение к «плоти» такого-то лица выражает собственность его на вещи, не входящие в состав человеческого тела или человека в расширенном смысле. В связи с жертвоприношением мертвому царю говорится:

«Рэ! (Когда) утреннеешь ты (т. е. рано поднимаешься) в небе, утреннеешь ты (т. е. рано поднимаешься) для Унноса, владыки (т. е.

владельца) вещи всякой. (Как) тем, что от *плоти* твоей, (является) вещь всякая (т. е. как тебе самому принадлежит все), (так) тем, что от двойника Унноса, (является) вещь всякая (т. е. так двойнику Унноса принадлежит все), (так) тем, что от *плоти* его, (является) вещь всякая (т. е. так и ему самому принадлежит все)» (АР I 24).

Здесь, следовательно, выражение «что от *плоти* такого-то» приложено к «вещам всяким» и в их числе к приносимым жертвенным дарам.

Подноты ради произведенного обзора следует упомянуть еще о своеобразном двойственном д.т д.т, употребительном в пирамидах всегда с предшествующим обоим предлогом «и»: и д.т д.т «на д.т д.т». Надо думать, что от простого и д.т «на вечность» распространенное выражение отличалось большей торжественностью или выразительностью. Обыкновенно им заканчиваются или целые заклинания, или более или менее самостоятельные их разделы, или особо сильные утверждения.

и д.т д.т в конце цельных заклинаний находится: АР I 62—63, 419, 471, 507; АР II 384.

и д.т д.т в конце разделов находится: АР II 370 (следует самостоятельное заупокойное пожелание: «(Да) умиротворится (и) даст царь, (да) умиротворится (и) даст Кэб» и т. д.), 371 (в конце только что упомянутого заупокойного пожелания), 373 (следует новое обращение: «О, Атум!» и т. д.), 375 (следует новое обращение: «О, Хор!» и т. д.), 378 два примера, 379, 380 два примера, 381, 382 два примера, 383, 384 (последние десять примеров — одинаково построенные краткие заклинания, каждое на имя особого египетского божества; по сути дела, таким же кратким заклинанием, только замыкающим цепь предшествующих десяти, является упомянутое выше в качестве концовки цельного заклинания — АР II 384).

и д.т д.т в подчеркнуто сильных утверждениях содержится: АР I 433 («Умойся, (и да) умоется двойник твой (и да) сядет двойник твой (и да) ест он хлеб с тобою *незыблемо на д.т д.т*»); АР II 244—245 («Поднимись, блаженный этот, Пйопе этот! Сядь (и да) кушаешь ты (и да) сядет двойник твой (и) ест он хлеб с тобою *незыблемо на д.т д.т*»).

Возможно, что сильное утверждение имелось в виду и в тех нескольких случаях, где нет таких явных его признаков, как предпосланное «незыблемо»: АР II 369 («Умиротворяются боги все вещью всякою, сказываемою Нефр-ке-рэ этим, добро ему от которой *на д.т д.т*»), 373—374 («О, Атум! Помести нхнх твое на Нефр-ке-рэ этого (и) на пирамиду его эту, работу эту Нефр-ке-рэ, (и да) сохранишь ты (от того), чтобы объявилась вещь какая-либо против него злая *в д.т д.т*, подобно тому как ты поместил нхнх твое на Шов (и) Тфэне»), 377 («О, девятка богов большая, что в Оне! (Да) дадите вы быть крепким Нефр-ке-рэ, (да) дадите вы быть крепкой пирамиде этой Нефр-ке-рэ, работе его этой *на д.т д.т*, как крепко имя Атума, что впереди девятки богов большой!»).

Что первое из двух д.т не значит «вечность» и и д.т д.т в целом не будет «на вечность вечности» — вроде «на веки веков» или «на веки вечные», — доказывает правописание. Первое д.т в подавляющем большинстве случаев (АР I 419 дважды, 433, 471, 507 два раза; АР II 369, 370, 371 два раза, 373, 374, 375 два раза, 377, 378 три раза, 379, 380 три раза, 381, 382 три раза, 383 два раза, 384 четыре раза) написано двумя буквенными знаками: змеею д и хлебом т, притом как в пирамиде Ми-рэ Пйопе I, так и в пирамидах его преемников — Ме-

не-рэ Менте-суфа I и Нефр-ке-рэ Пйопе II. В пирамиде фараона Атоте встречается раз написание тремя знаками: змеєю, хлебом, черточкой (АР I 63), и такое же правописание засвидетельствовано раз в пирамиде Ми-рэ (АР II 245). В пирамидах Ме-не-рэ и Нефр-ке-рэ, в каждой по разу, встречается написание одними змеєю и черточкою, без хлеба (АР I 419, 433). Напротив, второе д.т.во всех перечисленных случаях написано неизменно змеєю, хлебом, землею или — в пяти местах в пирамиде Нефр-ке-рэ — змеєю, хлебом, водою (буквенным знаком для звука «н») (эти случаи: АР II 369, 370, 371, 381, 384 два раза). Следовательно, второе д.т. написано всегда тремя знаками: змеєю д, хлебом т и длинным «лежачим» знаком — землею или водою н. Глядя на резкое и постоянное различие в правописании первого и второго д.т., невольно думается, что за этим кроется различие и по значению. Второе д.т. пишется так, как пирамиды обыкновенно пишут слово «вечность» (АР I и II повсеместно). Только три раза в них «вечность» написана змеєю д, хлебом т и черточкою (АР II 471 два раза, 503), да и то, возможно, в двух (если не во всех трех) случаях это произошло под впечатлением от правописания двойственного д.т. д.т., именно его первого члена. Там, где в конце заклинания Ме-не-рэ и Нефр-ке-рэ ставят одно н д.т. «на вечность» в необыкновенном написании, Ми-рэ дает н д.т. д.т. (первые два исключения — АР II 471). Третье исключение (АР II 503) содержится в заклинании, известном только в списке Нефр-ке-рэ; но поскольку это н д.т. замыкает заклинание, как то охотно делает двойственное н д.т. д.т. и делают оба первых исключения, которым у Ми-рэ достоверно отвечает н д.т. д.т., — и как раз Нефр-ке-рэ повинен в одном из этих исключений, — вполне возможно, что в другом списке на месте третьего исключения оказалось бы н д.т. д.т. Но если правописание второго члена двойственного д.т. д.т. говорит в пользу чтения «вечность», правописание первого члена не менее решительно сближает его со словом «плоть». Последнее в пирамидах пишется обыкновенно двумя буквенными знаками — змеєю д и хлебом т (АР I 2 два раза, 21, 24 два раза, 29 два раза, 38, 89, 111 два раза, 121 два раза, 122 два раза, 128 три раза, 194, 232, 418, 490; АР II 212 четыре раза, 226 два раза, 262 два раза, 299 два раза, 313 три раза, 502, 510 два раза, 511, 513 два раза, 515, 516), — совершенно так же, как пишется обычно первый член двойственного д.т. д.т. Далее, совсем как в этом первом д.т., в слове «плоть» иногда добавляют к двум буквенным знакам черточку (АР I 111 два раза, 372 два или три раза, 418, 490; АР II 112 два раза, 155, 219, 226 два раза, 262 два раза, 299 два раза, 412) или, опуская хлеб т, ограничиваются змеєю и черточкой (АР I 128 два раза, 194, 502). Только раз слово «плоть» написано в пирамидах как «вечность»: змеєю, хлебом и длинным «лежачим» знаком — в данном случае волнистой водою (АР I 194). Насколько для «плоти» отличительным было правописание без этого длинного «лежачего» знака, а для «вечности», наоборот, с ним, наглядно показывают те заклинания, где «плоть» и «вечность» употреблены рядом. В выражении «сын твой это, что от плоти твоей на вечность» пирамида Унноса дважды пишет «плоть» змеєю и хлебом, а «вечность» змеєю, хлебом, землей (АР I 89, 122).

Таким образом, трудно понять н д.т. д.т. пирамид иначе, как «на плоть вечности», т. е. «на самость вечности», «на самое вечность», «на саму вечность». Словарь приводит это выражение под словом д.т. «плоть» (в самом конце) и, следовательно, усматривает здесь как-то это слово, только как — из перевода «ewig, ewiglich» уловить невоз-

можно.¹ Если толкование н д.т д.т как «на плоть вечности» правильно, то было бы засвидетельствовано весьма отвлеченное употребление «плоти» в смысле «самости» вечности, которое хорошо бы дополняло приведенные выше случаи расширенного толкования «плоти» и тем самым не было бы лишено некоторого значения для последующих выкладок.

Для этих последних, однако, куда существеннее те наблюдения над правописанием, которые были сделаны в ходе обсуждения двойственного д.т д.т. Если принятым правописанием слова «плоть» было написание без длинного «лежащего» знака — земли или волнистой воды, — свойственного «вечности», т. е. змеею и хлебом, реже змеею, хлебом и черточкой, изредка змеею и черточкой, то нашлось все-таки и одно исключение, где змеею, хлебом и волнистой водой написано не слово «вечность», а слово «плоть», притом в связи совершенно недвусмысленной: «Обметает он (=Хор) мясо двойника Унноса этого, что от плоти его» (АР I 194; ср. в том же заклинании дальше: «Доставляет он двойника Унноса этого, что от плоти его, во двор большой», — с «плотью», написанной по-обычному, змеею и хлебом; у Нефр-ке-рэ в последнем месте (первое разрушено): «доставляет он двойника Нефр-ке-рэ, что от плоти его ---», с написанием «плоти» змеею и черточкой (АР I 194); полный перевод этого отрывка см. выше, в конце примеров различных употреблений слова «плоть»).

Глава 3. ВНЕШНЕЕ СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ Д.Т ПИРАМИД И ПРОЧИХ НАДПИСЕЙ

Совсем как в пирамидах, наряду со словом «вечность», только куда чаще, чем в них, и уже явно в общественном осмыслении встречаются в частных гробницах разные д.т, поддающиеся тому же единообразному истолкованию, что и пирамидные их тезки. Изредка такое д.т попадает и вне гробниц и их обстановки, в надписях, так или иначе связанных с частными лицами: на жилищах служащих поминального храма царицы, в царском указе в пользу сановника, увековеченном в городском храме.

Бросаются в глаза два существенных внешних отличия этих д.т от д.т пирамидных.

Первое отличие касается правописания. Большинство частногробничных д.т написано в точности как слово «вечность»: змеею, хлебом, землею или — значительно реже, хотя в общем достаточно часто — змеею, хлебом, волнистой водой. Наряду с таким правописанием, и притом только немногим реже, встречается написание, точь в точь совпадающее с обычным в пирамидах для слова «плоть», — одними змеею и хлебом. Другое, много более редкое правописание пирамид для «плоти», — змея, хлеб и черточка — изредка попадает и в частных гробницах. Третье, очень редкое написание «плоти» в пирамидах — змеею и черточкой — в частных гробницах, насколько знаю, не имеет себе соответствия, хотя в них (тоже совсем редко), если только точны издания, попадаются написания одной змеей (М XXIV, начало IV ц. д.; DAA II XLIII a). Сходство, впрочем, идет еще дальше: как в пирамидах, так и

¹ A. Erman, H. Grapow. Wörterbuch der ägyptischen Sprache, 5. Band. Leipzig, 1931, S. 506.

в частных гробницах правописание змея, хлеб и черточка ограничено VI царским домом. Подобно тому как оно неоднократно встречается в пирамидах Уср-ке-рэ, Ми-рэ, Ме-не-рэ и Нефр-ке-рэ и ни разу среди многочисленных д.т в пирамиде Унноса, так оно налицо в гробницах Мрр.в-к' (MM II CXLIX=CL=GAR XXXVII), Пйпй-нх Среднего (RTM IV IX два раза), Йбй (RTDG I VII) и ни разу не попадалось мне в более ранних гробницах (вышеупомянутое пирамидное правописание для «плоти» — змея с черточкой — тоже ограничено VI царским домом: пирамидами Уср-ке-рэ и Нефр-ке-рэ). Таким образом, странное, под углом зрения пирамидного правописания «плоти», написание с длинным «лежащим» знаком в известной степени уравнивается в частных надписях вполне «плотски» написанными д.т. Впрочем, как было отмечено в конце раздела о «словоупотреблении пирамид», в последних — именно в пирамиде Унноса — имеется все-таки один случай написания «плоти» с длинным «лежащим» знаком. Хотя это единичное исключение и через несколько слов в тождественном обороте «плоть» написана по-обычному, оно, может быть, все-таки не лишено значения, так как речь идет о «плоти» не в прямом смысле, а о «плоти-самости», отнесением к которой только выражено, что речь идет о *собственном* двойнике.

Второе внешнее отличие частногробничных д.т от пирамидных состоит в ином их взаимоотношении с притяжательными местоимениями, когда эти д.т употреблены как определения. В пирамидах в таких случаях д.т всегда имеет за собою притяжательное местоимение: «очи Хора, что от плоти *его*» (AP I 38), «головка (т. е. сосок) груди Хора, что от плоти *его*» (AP I 21), «сердце твое, что от плоти *твоей*» (AP I 2 два раза), «мясо двойника Унноса этого, что от плоти *его*» (AP I 194), «двойник Унноса этого, что от плоти *его*» (AP I 194), «сын твой это, что от плоти *твоей* навечно» (AP I 90, 122). В частногробничных же надписях очень многие д.т явно лишены притяжательных местоимений. Так, особенно частые «дом д.т» и «брат д.т» в подавляющем большинстве случаев обходятся без них, что, впрочем, не мешает существовать наряду с подобными сочетаниями и таким, как «дом д.т *его*», «дом, что от д.т *его*», «брат *его*, что от д.т *его*». По правде говоря, впечатление, что частногробничные д.т охотно обходятся без притяжательных местоимений, создается именно этими двумя сочетаниями, «дом д.т» и «брат д.т», по причине их большой употребительности, в особенности первого из них, которым дословно испещрены гробничные стены. Но эта частота как раз и показывает, что оба сочетания, и в первую очередь «дом д.т», — застывшие, устойчивые выражения, в силу своей употребительности и привычности возможно краткие. Тем большего внимания заслуживает то, что даже «дом д.т» несколько раз имеет за вторым своим членом притяжательное местоимение, причем обычно тогда д.т написано как «плоть» в пирамидах.

С написанием д.т змеею и хлебом:

пр д.т.ф «дом д.т *его*» — гробницы 'х.т(й)-хтп (MAE 430), Хв.н-вх (ASAE XII 140), Мрр.в-к' (MM I XLI=GAR XCVI);

пр н(й) д.т.ф «дом, что от д.т *его*» — гробницы Йттй три раза (D XVI, XVII, XVIII), Мрй.й-р^c-мр(й)-птх-нх (UAR 217), Пйпй-нх Среднего (RTM IV XII).

С написанием д.т змеею, хлебом, землею:

пр д.т.ф «дом д.т *его*» — гробница Сндм-йб (UAR 65 = DAA LXXVI c).

Список мог бы еще несколько возрасти за счет надписей, где хозяин «дома д.т» говорит о себе в 1-м лице, но, поскольку притяжательное местоимение 1-го лица единственного числа в них вообще как

слабая согласная (.й) письменно не выражено, эти надписи лишены доказательности в ту или иную сторону.

Соответственно несоизмеримо большей редкости сочетания «брат д.т», нежели «дом д.т», «брат д.т» с притяжательным местоимением после последнего слова встретился мне только дважды, но оба раза с написанием д.т в духе пирамидной «плоти»: сн·ф н(й) д.т·ф «брат его, что от плоти его», с написанием д.т змеею и хлебом — гробница X^c·ф·р^c·нх (DAA II IX); с написанием д.т одной змеею — гробница 'х·мрв·т·нй·св·т (GAR LXIX).

Итак, даже у устойчивых сочетаний «дом д.т» и «брат д.т», вообще, как показывают надписи, не нуждающихся в определении д.т притяжательными местоимениями, бывают написания, где такое местоимение все-таки налицо. Но достаточно только отвлечься от этих двух выражений, которыми пестрят надписи, но которые, тем не менее, только два частных случая употребления д.т, чтобы сразу же убедиться, что в действительности скорее наличие притяжательного местоимения является правилом, а отсутствие его — исключением. При этом снова оказывается, что там, где местоимение выписано, в большинстве случаев налицо написание д.т по способу «плоти» в пирамидах, а там, где местоимения нет или оно не выражено в письме, — в случае 1-го лица единственного числа, — преобладает написание по способу «вечности». Существенно, однако, также, что написание по образцу «плоти» встречается и тогда, когда местоимение не выписано, а написание наподобие «вечности» — тогда, когда местоимение определено налицо. Нижеследующая сводка наглядно пояснит эти соотношения и одновременно покажет многообразие сочетаний д.т как определения с различными словами, из которых обсуждавшиеся только что «дом» и «брат», в сводку не включенные, составляют только два частных случая. Очень жаль, что надписи, говорящие в 1-м лице от имени хозяина д.т, за невыраженностью в письме соответствующего притяжательного местоимения, не могут быть использованы в полной мере; в сводке их данные выделены особо.

А) Д.т с выписанным притяжательным местоимением

а) Д.т написано змеею и хлебом

I) Гробница Мрр·в·к' в Саккара, VI царский дом: 1—3) «рабы двойниковы (т. е. заупокойные жрецы), что от д.т его» (MM I LXXXVIII; MM II CVIA, CXX); 4) «властели (т. е. управители), что от д.т его» (MM I XXIII).

II) Гробница 'нх·м^c·хр в Саккара, VI царский дом: 5—10) «рабы двойниковы, что от д.т его» (RTS II XLIV, XLV два раза, LIV, LVIII—LIX, LX—LXI).

III) Гробница Йбй в Дэр-эль-Гебрави, VI царский дом: 11) «писцы, что от д.т его» (RTDG I XIII); 12) «поля (или нечто вроде того), что от д.т его» (RTDG II VI).

IV) Гробница Мрй·й в Хагарсе: 13) «быки, мелкий скот, ослы, что от д.т его» (A XII).

V) Гробница Йххй в Саккара: 14—15) «рабы двойниковы, что от д.т его» (MKCI XIV, XXXI).

VI) Гробница Твтв в Саккара: 16) «рабы двойниковы его, что от д.т его» (TPC I 155).

VII) Гробница Хнв, Бйв и Пйй в Саккара: 17—19) «раб двойника, что от д.т его» (TPCP II 100 три раза).

VIII) Жилища служащих при заупокойном храме царицы Вдбтн, жены Пйопе II: 20—21) «жилище, что от д.т его» (UAR 273 = PO 22 два раза).

б) Д.т написано змеею, хлебом, землею

I) Гробница Н(й)-м^с.т-р^с в Гизе: 1—2) «гробница эта, (что от) д.т ее» (EG II 205 = LXXVIII 2 два раза).

II) Указ царя Хора «божественного душами» на имя Шм'й на стене храма Мина в Кебто (Коптосе): 3) «челядь, что от д.т твоего» (UAR 303); 4) «двор двойников (т. е. заупокойная часовня), что от д.т твоего» (UAR 302); 5) «двор двойников верхний, что от д.т твоего» (UAR 302); 6) «двор двойников ---, что от д.т твоего» (UAR 302); 7) «---, что от д.т твоего» (UAR 303).

в) Д.т написано змеею, хлебом, волнистой водой

I) Гробница Пхн-в(й)-к' в Саккара: 1) «городцы, что от что от (нт нт; ср. странное нв.вт тн н(й.в)т пр д.т МАЕ 248) д.т его» (DAA II XLVI).

II) Жилища служащих при заупокойном храме царицы Вдбтн в Саккара: 2) «жилище, что от д.т его» (UAR 274).

III) Обломок плиты из Эбота (Абидоса): 3) «рабы божьи (т. е. жрецы), рабы двойниковы (т. е. заупокойные жрецы), что от д.т их» (UAR 280).

Б) Д.т с возможным, но не выписанным притяжательным местоимением 1-го лица единственного числа

а) Д.т написано змеею и хлебом

I) Гробница М^срв(?) в Гизе, VI царский дом: 1) «рабы двойниковы (т. е. заупокойные жрецы), что от д.т его» (CFSDMRC III+25 = UAR 256).

б) Д.т написано змеею, хлебом, черточкой

I) Гробница Йбй в Дэр-эль-Гебрави, VI царский дом: 1) «челядь, что от д.т» (RTDG I VII).

в) Д.т написано змеею, хлебом, землею

I) Гробница неизвестного лица в Гизе, IV царский дом: 1—4) «раб двойника всякий д.т» (UAR 12—13 = DARMK I 113 = XXVIII четыре раза); 5) «рабы двойниковы д.т» (UAR 13 = DARMK I 113 = XXVIII); 6) «рабы двойниковы эти д.т» (UAR 11 = DARMK I 112 = XXVIII); 7) «городцы, что от д.т» (UAR 15 = DARMK I 113 = XXVIII); 8—10) «гробница д.т» (UAR 12—15 = DARMK I 113 = XXVIII четыре раза).

II) Гробница Хтп-н(й)-птх в Гизе, V—VI царский дом: 11) «гробница эта, что от д.т» (UAR 187 = DAA LXXII b).

III) Гробница Мрр.в-к' в Саккара, VI царский дом: 12) «гробница эта д.т» (MM II CCXII A = CCXIII B = UAR 88).

IV) Гробница Йбй в Дэр-эль-Гебрави, VI царский дом: 13) «посредством упряжек (быков), посредством челяди, что от д.т» (RTDG I XXIII = UAR 144).

V) Гробница Н(й)-м^с.т-р^с в Гизе: 14) «гробница эта д.т» (EG II 213 = LXXXI 2); 15) «гробница, что от д.т» (EG II вкладка около 220).

VI) Гробница Рмнв-к' в Гизе: 16) «гробница эта, что от д.т» (EG II 173 = LXI 2).

VII) Гробница Пн-мр.в в Гизе, конец V—VI царский дом: 17) «гробница д.т» (ASAE XLII 39).

VIII) Ложная дверь Йт-х³х³(?): 18—19) «купленники (т. е. невольники?), что от д.т» (ММОА II 785 = SPE I два раза).

г) Д.т написано змеею, хлебом, волнистою водою

I) Гробница Н(й)-к(?)^{-с}нх около Техне: 1) «дети д.т» (UAR 25).

II) Гробница Мрий-р^{-с}нфр около Эдфу: 2) «достояние д.т» (UAR 255 = ASAE XVII 136).

д) Д.т написано змеею, хлебом, не то землею, не то водою

I) Гробница Мх-в(й)-⁻³х.т(й) в Гизе: 1) «гробница эта, что от д.т» (MIO I 328); «раб двойника [всякий] д.т» (там же).

В) Д.т определенно без какого-либо притяжательного местоимения

а) Д.т написано змеею, хлебом, землею

I) Гробница Хтп-сш'т в Гизе: 1) «дитя его д.т» (DAA II XXIII).

II) Гробница Сшм-нфр в Саккара: 2) «городцы (и) дворы двойников, что от д.т» (MAE 398).

III) Гробница Нфр.с-рс в Гизе: 3) «раб двойников д.т» (G IX 65).

IV) Гробница Мр.в-к' в Гизе: 4) «гробница д.т» (G IX 78).

V) Гробничная притолока Й^{-с}т-йб: 5) «жена д.т» (DARMK I 200 = XLIII).

б) Д.т написано змеею, хлебом, волнистою водою

I) Гробница Д^{-с}в в Дэр-эль-Гебрави: 1) «(рабочий) отряд, что от д.т» (RTDG II VII).

II) Гробница Тп-м-^{-с}нх в Саккара: 1) «раб двойников д.т» (MAE 200 = DARMK I 89 = XX); 3) «дочь д.т» (там же).

III) Ложная дверь Мдв-нфр: 4) «дети его, что от д.т» (UAR 229 = EUIEA XIX 218 два раза).

Итак, различие между пирамидным д.т «плоть» и загадочным д.т частногробничных надписей как в отношении правописания, так и по отношению к притяжательным местоимениям существует вполне определенно; но хотя и значительное, оно все-таки не безусловно: пусть пирамидная «плоть» только в виде исключения может встретиться с длинным «лежащим» знаком на конце, — такое исключение тем не менее может иметь место; обратно, распространенное в частных гробницах написание с таким знаком уравнивается частым же в них опущением его; свойственное пирамидной «плоти» притяжательное местоимение, несмотря на всю способность частногробничных д.т обходиться без него, после них все-таки очень часто выписано, причем в таких случаях сходство с пирамидами охотно выдерживается до конца и наличию притяжательного местоимения соответствует написание в духе пирамидной «плоти» — без какого-либо длинного «лежащего» знака. Невольно поэтому приходит на ум, не одно ли и то же «плоть» пирамид и странное д.т частных гробниц и нельзя ли последнее растолковать по образцу первой?

ПРОСТОЕ Д.Т

Глава 1. Д.Т В ОПРЕДЕЛЕНИЯХ

а. Определения к обозначениям родства

Начнем с выражений, наиболее близких к пирамидному словоупотреблению: с обозначений родства. В пирамидах читается:

«Ра-Атум, пришел к тебе сын твой, пришел к тебе Уннос. Возвел ты его, окружил ты его объятиями твоими. Сын твой это, что от плоти твоей (н(й) д.т.к), навечно» (АР I 89—90);

«Атум, возвел ты Унноса этого, окружил ты его объятиями твоими. Сын твой это, что от плоти твоей (н(й) д.т.к), навечно» (АР I 122).

И вот оказывается, что загадочное д.т частных гробниц встречается точь-в-точь в таком же обороте. В гробнице Х^с.ф-р^с-нх в Гизе позади хозяина изображен «брат его, что от д.т его, друг дома большого (придворный чин) Йттй» (DAA II IX). В гробнице ³х-мрв.т-нй-св.т перед ним был представлен «брат его, что от д.т его, управитель дома . . . к²» (GAR LXIX). Строение этих выражений в точности пирамидное. Пирамиды: з².к . . . н(й) д.т.к «сын твой . . . , что от плоти твоей». Частные гробницы: сн.ф н(й) д.т.ф «брат его, что от д.т его».

В обоих случаях состав и порядок слов тождественны: степень родства с притяжательным местоимением+прилагательное принадлежности+д.т с притяжательным местоимением. Тождественно и правописание: пирамида Унноса и гробница Х^с.ф-р^с-нх пишут д.т одинаково — змеею и хлебом, у ³х-мрв.т-нй-св.т хлеб опущен, но все равно написание по способу «плоти», а не «вечности» — без земли или воды. Трудно, даже невозможно удержаться от заключения, что «брат его, что от д.т его» — не что иное, как самое простое «брат его, что от *плоти* его», т. е. брат его родной.

Сочетание «брата» и д.т часто встречается в гробницах подданных V царского дома, но, кроме двух приведенных, я не могу назвать иных примеров полного совпадения по строению и правописанию с пирамидными выражениями. Раза два попадает еще написание д.т по способу «плоти» — змеею и хлебом (дверца К²-м-хз.т, UAR 207; гробница Пн-мр.в, ASAE XLII 39), несколько раз — притяжательное местоимение после «брата» (гробницы Н(й)-м².т-р² певца, EG II LXXVIII; Пх.н-к².в-к², DAA II XLVI; Мр.в-к², G IX у 80=XI C; Вт² (?), DARMK I 167; плита Н(й)-к².в-птх, UAR 227; в первом случае «брат ее д.т», в остальных «брат его д.т»), но никогда больше мне не попадалось притяжательное местоимение после д.т. В скрытом виде местоимение могло присутствовать там, где, как в гробницах Тнтй (UAR 164) или Пн-мр.в (ASAE XLII 39), надписи были составлены в 1-м лице от имени хозяина д.т; здесь местоимение могло быть как за «братом», так и за д.т или за каждым из них одновременно, но именно потому, что оно не выписано, тут невоз-

можно никакое суждение. Не случайность, быть может, что те пять примеров, где местоимение после д.т проставлено, принадлежат к числу наиболее ранних. Обычный облик данного выражения в гробницах того времени носит уже все признаки устоявшегося, привычного и потому возможно краткого сочетания. Это — простое сн д.т «брат д.т» безо всякого указания, чей брат (гробницы Птх-хтп градоначальника, ТР XXXI два раза, XXXII два раза, XXXIV, XXXV пять раз, XXXVI, XXXVIII четыре раза; Птх-хтп придворного, МАЕ 315; ²х.т(й)-хтп, МРА II XXXIII; Схм-к², SM I VII два раза; З²т.в, DAAE XXVII b=AIMB I 29; Тнтй, DAA II XXX, XXXI; Пх.н-к².в-к², DAA II XLVII; ср. также GAR LIV из гробницы неизвестного лица). Насколько «брат д.т» стало, по меньшей мере в письме, неподвижным сочетанием, видно особенно хорошо на примере столичной (саккараской) гробницы Нтр-вср, именующей его жену не сн.т д.т «сестра д.т», а сн д.т, как если бы она была «братом д.т» (МАЕ 166=SM I XXIV)! В кратком «брат д.т» д.т написано почти всегда по способу «вечности», и такое написание бывает и там, где надпись говорит от имени хозяина д.т в 1-м лице, в письме не выраженном (гробница Тнтй, UAR 164). Единственные известные мне исключения — это уже упоминавшиеся дверца К²-м-хз.т (UAR 207) и гробница Пн-мр.в (ASAE XLII 39, речь в 1-м лице), где д.т написано одними змеею и хлебом. Написание д.т по способу «вечности» в кратком «брат д.т» имеет две разновидности: широко распространенную, с длинным «лежачим» знаком в виде земли, и более редкую, с этим знаком в виде волнистой воды. Первая разновидность представлена в гробницах Птх-хтп придворного (МАЕ 315), ²х.т(й)-хтп (МРА II XXXIII), Схм-к² (SM I VII два раза), З²т.в (DAAE XXVII b=AIMB I 29), Тнтй (DAA II XXX, XXXI), Пх.н-к².в-к² (DAA II XLVI), ср. также GAR LIV из гробницы неизвестного лица; она налицо и в гробнице Тнтй в надписи в 1-м лице (UAR 164). Вторая разновидность облюбована гробницею Птх-хтп градоначальника, в которой только она одна и встречается в данном выражении, притом не менее пятнадцати раз (ТР XXXI два раза, XXXII два раза, XXXIV, XXXV пять раз, XXXVI, XXXVIII четыре раза); помимо Птх-хтп, она встречалась мне в «брате д.т» только раз в одной из саккараских же гробниц — у Пх.н-к².в-к² (DAA II XLVII).

Несмотря на отличное правописание и отсутствие притяжательного местоимения, краткое сн д.т «брат д.т» никак нельзя оторвать от подробного сн.ф н(й) д.т.ф «брат его, что от д.т его» и никак нельзя предположить, что в первом выражении д.т обозначало нечто совсем иное, чем во втором. Помимо прямого сходства обоих оборотов, против подобного предположения говорило бы наличие посредствующих, промежуточных разновидностей, образующих как бы переход от полного к краткому в отношении как словесного состава, так и правописания. Я имею в виду уже упомянутые пять случаев с притяжательным местоимением после одного «брата» и видимым опущением «что от»: сн.ф д.т «брат его д.т», сн.с д.т «брат ее д.т» (гробницы Н(й)-м²с.т р^с певца, EG II LXXVIII; Пх.н-к². в-к², DAA II XLVI; Мр.в-к², G IX около 80=XI C; Вт²(?), DARMK I 167; плита Н(й)-к².в-птх, UAR 227) и написания д.т в сн д.т «брат д.т» одними змеею и хлебом (дверца К²-м-хз.т, UAR 207; гробница Пн-мр.в, ASAE XLII 39). Наконец, сами изображения говорят в пользу тождества полного и краткого выражений по вещественному их смыслу. «Брат его, что от д.т его» на гробнице ²х-мрв.т-нй-св.т (GAR LXIX) стоит такой же маленький перед хозяином ее, как и те «братья д.т», которые в других гробницах стоят (гробницы Птх-хтп градоначальника, ТР XXXI два раза, XXXII, XXXIV, XXXVIII; Пх.н-к².в-к², DAA II XLVI; ср. GAR LIV из гробницы неизвестного

лица) и сидят (гробницы Птх-хтп градоначальника, ТР XXXV пять раз; Пх.н-к².в-к², DAA II XLVII) перед владельцами усыпальниц, идут к сановнику в составе шестий (гробницы Птх-хтп градоначальника, ТР XXXVIII два раза; ²х.т(й)-хтп, MPAS II XXXIII; Схм-к², SMI VII два раза; Mr.в-к², CIX вкладка у 80=XI C) или сопровождают его (гробница Тнтй, DAA II XXXI). «Брат его, что от д.т его» на гробнице ²х-мрв.т-нй-св.т носит звание «управителя дома», и то же звание стоит и при некоторых из только что перечисленных изображений «братьев д.т»: «брат д.т, управитель дома, старшина деревообделочного заведения Твтй (?)» (гробница Птх-хтп градоначальника, ТР XXXV), «управитель житницы, брат д.т, управитель дома К²п» (там же, ТР XXXI два раза). Но если «брат д.т» неотделим от «брата его, что от д.т его», — а это выражение, по сходству его с пирамидными, нельзя понять иначе, как «брат его, что от *плоти* его», — придется и первое выражение перевести как «брат (от) плоти».

Такое толкование, однако, в корне противоречит принятым в науке, так как считается, что наименование «брат от д.т» отнюдь не указывает на родство. Если под д.т разумеют имение, выделенное на помин души, в «брате д.т» приходится видеть лицо, причастное к заупокойной службе,¹ или соучастника в пользовании гробницей и ее угодьями. Если д.т обозначает частную недвижимость, «брат д.т» оказывается совладельцем ее, — скажем, владеет частью ее на условиях несения с нее жреческой службы при гробнице собственника.² Нельзя сказать, чтобы эти толкования не находили известной поддержки в источниках. Так, важный сановник Тнтй увековечил над входом в свою гробницу следующее распоряжение (UAR 163—165):

«(Что) до возглашения (т. е. заупокойной жертвы), которому даст исходить для (меня) царь из дома: ячменя, полбы, одежды, (то) это жена (моя), что (относится) до вещи царевой, Тп-м-нфр.т—та, что будет давать исходить для (меня) возглашению (т. е. заупокойной жертве) из (того). Сущая в чести это (т. е. она) у (меня).

«(Что) же до второй (т. е. одной сот?), что из пашни [2] сот (сот пашни, греческая *ἀροῖρα* = свыше 2700 кв. м, 2 сот пашни = около 5500 кв. м), [что для (того) возглашения (т. е. заупокойной жертвы)], что для матери (моей), той, что (относится) до вещи царевой, Ббй, (то) она (т. е. вторая сот) для жены (моей), той, что (относится) до вещи царевой, Тп-м-нфр.т. Она та, что будет возглашать (т. е. приносить заупокойную жертву) с (нее, т. е. с этой сот) для (меня) с матерью (моей), той, что (относится) до вещи царевой, Ббй.

«Это я истребовавший то для (меня) у царя, сообразно (?) бытию (моему) в чести. Это я сын ее старший, наследник ее. Это я погребший ее на том, что под богом (т. е. на кладбище у подножия пирамиды царя).

«Раб двойника (т. е. заупокойный жрец) Нфр-хр — пашни [3?], ячменя 3 меры.

«Раб двойника Йвфй — пашни 3, ячменя 3 меры.

«Раб двойника Снб — пашни [3], ячменя 3 меры.

«Раб двойника Пр-сн — пашни [3], ячменя 3(?) меры.

«Будет исходить (т. е. поступать?) им из того, что под (т. е. доли) Тп-м-нфр.т. Сотворено то, что под нею, рабам двойника этим из (расчета??) сот (?) малая... царя(?).

¹ A. Ferman, H. Grapow. Wörterbuch der ägyptischen Sprache, 4. Band, Leipzig, 1930, S. 152; 5. Band, Leipzig, S. 510.

² B. Grdseloff. Deux inscriptions juridiques de l' Ancien empire. Annales du Service des antiquités de l' Égypte, tome 42, Le Caire, 1943, pp. 45—49.

«Если не будут они сидеть (т. е. обитать) во дворе двойника соответствующем, который у жены моей, [той, что (относится) до вещи царевой, Тп-]м-нфр.т, (то) будет возвращено в место, что жены (моей) Тп-м-нфр.т.

«(Что) до возгласения (т. е. заупокойной жертвы), что для матери (моей), той, что (относится) до вещи царевой, Ббй: ячменя (и) полбы, что из житницы, одежды, что из дома белого (т. е. казны), (то) это брат *д.т*, раб двойника (т. е. заупокойный жрец) К²-м-нфр.т тот, кто будет возглашать (т. е. приносить заупокойную жертву) из (того) для матери (моей), той, что (относится) до вещи царевой, Ббй с самим (мною).

«(Что) до второй, что из пашни 2 сот этих (т. е. второй из этих 2 сот пашни; сот, как сказано, свыше 2700 кв. м), что для (того) возгласения (т. е. заупокойной жертвы), что для матери (моей), той, что (относится) до вещи царевой, Ббй, (то) она (т. е. вторая сот) для брата *д.т*, раба двойника К²-м-нфр.т. Он тот, кто будет возглашать (т. е. приносить заупокойную жертву) с (нее) для матери (моей), той, что (относится) до вещи царевой, Ббй с самим (мною) вечно».

Вместо «брат *д.т*» можно было бы читать при желании «брат *д.т* (моего)», «брат (мой) (от) *д.т*», «брат (мой) (от) *д.т* (моего)», поскольку притяжательного местоимения 1-го лица надпись не выписывает, но при таком избытке возможностей предпочтительней более простая передача. «Брат *д.т*» в этом завещании является заупокойным жрецом и за отведенный ему надел пахотной земли обязан править поминки по завещателе и его матери.

В сходное положение ставит другого «брата *д.т*», тоже заупокойного жреца, завещание, начертанное в гробнице Пн-мр.в (ASAE XLII 39):

«Чиститель (т. е. обмыватель) царя, раб бога (т. е. жрец) Мен-ке-рэ (мертвого царя IV царского дома), управитель рабов двойника (т. е. заупокойных жрецов) Пн-мр.в сказывающий:

«Что до брата *д.т*, раба двойника (т. е. заупокойного жреца) Нфр-хти с детьми его, что от отца (и) матери, они рабы двойника (т. е. заупокойные жрецы) *д.т* (моего) в гробнице *д.т* (моего), что (на месте,) что под богом, (т. е. на кладбище у подножия пирамиды царя) «Небосклон(ный) житель?» Шуфе (Хеопс)»; будут доставлять они (мн)е передачу (жертвенную, т. е. приношения, переходящие по использованию от более высокопоставленного лица к менее высокопоставленному), что от государя (моего) верховного судьи, правителя Спм-нфр.

«(Что) д[о] пашни 1 х² (мера, равная $\frac{1}{3}$ сот? 1 сот = свыше 2700 кв. м), данного (мною) [ему] с детьми его этими, не даю (я) быть властными людям каким-либо в нем с детьми его этими. Не даю (я) быть властну сыну (моему) какому-либо в (том) с детьми (моими) какими-либо.

«(Приписка, сделанная более мелким почерком:) Да(но?) е(му?) па(ш)ни 5 т² (?) (мера, равная $\frac{1}{30}$ сот?) в возгласение (т. е. заупокойную жертву), что для той, что (относится) до вещи царевой, Мр.т-йт.с (жены завещателя (ASAE XLII 63), очевидно умершей по начертании основной части завещания¹)). Выражение, переведенное здесь кратко «брат *д.т*», поскольку надпись не выписывает притяжательного местоимения 1-го лица единственного числа, могло бы быть передано и с этим местоимением по одному из способов, указанных в связи с предыдущей надписью. Итак, и в этом завещании «брат *д.т*» оказывается одновременно заупокойным жрецом и, получив от завещателя должный земельный надел,

¹ Там же, стр. 42, 63.

обязан зато доставлять тому из соседней гробницы одного из верховных сановников («везирей») V царского дома милостиво передаваемые завещателю жертвы, по миновании там в них надобности.

С земельным наделом связан «брат д.т» и в надписи на гробничных дверях царского зодчего К²-м-хз.т (UAI 207). Надпись была начертана им на помин души собственной, отца и братьев, но из всех поименованных в ней братьев только одному Хтп-к² посвящена особая заметка, в которой он именуется «брат д.т» и указывается полученный им надел пахотной земли. Такое внимание к Хтп-к² объясняется самим памятником. Соорудитель говорит: «Сотворил (я) это для отца (моего), для братьев (моих) из любви (к) возгласению (т. е. желая, чтобы приносилась заупокойная жертва) для них со (мною) из достояния (моего)». Править эту заупокойную службу и был, очевидно, определен Хтп-к². Потому он один из всех братьев был изображен на дверях перед хозяином гробницы, притом малого размера, следовательно в подчиненном положении, и один назван в связи с земельным наделом, выделенным, надо думать, в обеспечение поминальной службы:

«Брат д.т (или «Брат, что от д.т»), управитель строителей Хтп-к² — дано ему в (области дерева) н^ср.т (т. е. в XX—XXI верхнеегипетской области) (селении) Грг.т-хм-дф² пашни 2 сот (т. е. около 5500 кв. м пахотной земли)».

При этом размеры надела в точности те же, что у пашни, выделенной на помин души в первом завещании.

Изображения на стенах гробниц наглядно показывают «братьев д.т» за поминальными занятиями. В числе других лиц они несут хозяину гробницы всевозможные приношения (гробница Птх-хтп градоначальника, TP XXXVI, XXXVIII четыре раза; ²х.т(й)-хтп, MPAS II XXXIII), причем раз сопроводительная надпись прямо называет несущих заупокойными жрецами — «рабами двойника» (первый из перечисленных примеров); иногда, также в сообществе с другими, «брат д.т» подносит умершему бедро жертвенного быка (гробница Мр.в-к², G IX, вкладка у 80=XI C). В гробнице градоначальника Птх-хтп «брат д.т» по имени Всх-к² дважды представлен подносящим ему птицу и оба раза при этом назван жрецом-заклинателем — «тем, что со списком праздничных жертв»; что таковым Всх-к² был не где-нибудь на стороне, а в гробнице Птх-хтп, доказывает то, что на одном из изображений Всх-к² приносит жертву хозяину в жреческом наряде (TP XXXIV, XXXVIII; жреческий наряд на первом изображении). На ложной двери Хв.ф-в(й)-нх «братья д.т» идут с приношениями особо от «рабов двойника» (HGN I LXV b).

Следует ли, однако, из всех этих надписей и изображений, что «братом д.т» мог стать всякий, кому землевладелец выделит участок земли и кто за это подрядится править по нем поминки? Достаточно ли было для «брата д.т» быть условным совладельцем собственника недвижимости безотносительно к какому-либо родству, или все-таки «брату д.т» надо было быть подлинным братом? Б. Грцзелоф, особенно подробно обосновавший представление об условности такого «братства», считает все же, поскольку в данном сочетании употребляется не иное какое, а именно слово «брат», что первоначально действительно «братьями д.т» были родные братья.¹ Можно ли, однако, утверждать, что потом дело изменилось?

Начнем с переведенных выше надписей. В первом завещании попечение о заупокойной службе по завещателе возлагается в основном

¹ Там же, стр. 48.

на двух лиц: на его жену и на «брата д.т». Положение их явно отлично от положения заупокойных жрецов — «рабов двойника». Последние тоже названы в завещании, но только как второстепенные лица, обеспечиваемые из надела супруги. «Брат д.т» не чета им и в другом отношении. «Рабы двойника», буде они выселятся из «двора двойника», лишаются своего обеспечения, и последнее возвращается в ведение жены, так что пользование вещественными благами завещателя обусловлено для заупокойных жрецов жительством при гробнице. Никакого такого условия не поставлено «брату д.т», как не поставлено его и вдове умершего. «Брат д.т» хотя и назван «рабом двойника» и, подобно прочим заупокойным жрецам, обеспечен завещателем, тем не менее приравнен не к ним, а к вдове, и потому очень похоже на то, что он тоже был родственником, иными словами — не нареченным только, а подлинным братом.

Из второго завещания нельзя ничего вычитать касательно родственных связей «брата д.т» с завещателем, но нет там и ничего, что противоречило бы их допущению. Зато в надписях на дверце «брат д.т», наделенный пашнею, — достоверно один из братьев хозяина гробницы.

Если обратимся теперь к изображениям, то сразу заметим, что «братья д.т» охотно изображаются в обществе несомненных родственников умершего. На гробнице ²х-мрв.т-нй-св.т ее хозяину предстоит вверху «брат его, что от д.т его», являющийся одновременно и «управителем дома», а пониже, один над другим, сановнику представляют его подчиненных трое мужчин, из которых к каждому приписано лишь «брат его» с последующим именем (GAR LXIX). На изображении в гробнице Пх.н-к².в-к² (DAA II XLVII) «брат д.т» сидит перед вельможей в обществе его жены и сына, и в той же гробнице Пх.н-к².в-к² он изображен перед этим вельможей вместе с двумя его сыновьями (DAA II XLVI). В гробнице Мр.в-к² «брат д.т» направляется к умершему следом за его двумя сыновьями, как они, с жертвенной бычьей ногою в руках (G IX вкладка у 80=XI C); наоборот, в гробнице Птх-хти градоначальника «брат д.т» с птицею предшествует его старшему сыну, несущему отцу бычью ногу (TP XXXIV), — нечто непонятное, если «брат д.т» не дядя сына-наследника вельможи. На трех из пяти только что названных изображений слову «брат» придано притяжательное местоимение, что в сочетаниях с д.т бывает совсем не часто — мне известно всего восемь случаев (см. выше); очевидно, «брат его, что от д.т его» вторит соседним трем «брат его», а «брат его д.т» — окружающим «жена его», «сын его», «сын его старший». См. также, что будет сказано ниже в связи с «сестрой д.т» о «братьях д.т» на ложной двери Хв.ф-в(й)-снх (HGN I LXV b).

Но еще примечательнее «любовные» определения, прилагаемые на изображениях к «братьям д.т» и живо напоминающие тождественные обозначения «возлюбленных» жен, сыновей и дочерей. В гробнице Птх-хти градоначальника умершему служит «брат д.т, возлюбленный его; тот, что со списком праздничных жертв (т. е. чтец-заклинатель), Всх-к²» (TP XXXIV), а в числе заупокойных жрецов — «рабов двойника» — несет приношения «брат д.т, возлюбленный его, Йпй» (TP XXXVI). В гробнице ²х.т(й)-хти в шествии с жертвами участвует «Плотник деревообделочных мастерских больших дома большого (т. е. придворный судостроитель), брат д.т, возлюбленный его, Сшм-нфр» (MPAS II XXXIII). Как у несомненных родственников — жен, сыновей, дочерей — «возлюбленный/возлюбленная его» следует непосредственно за обозначением родства, так и в данных приписках «возлюбленный его» лепится к «брату д.т», как бы оттеняя его родственную природу.

По-родственному, а не по-деловому ведут себя «братья д.т» в тех немногих случаях, где оказывается возможным уловить их чувства по отношению к умершему. Подобно тому как дети и жены сооружали гробницы или части гробниц почившим отцам и супругам и сообщали о том в посвяtitельных надписях, так и «братья д.т» в оставленных ими надписях сообщают о своих сооружениях в память мертвецов, чьими «братьями д.т» они были. На плите, поставленной «надзирателю дома белого (т. е. сокровищницы)» Н(й)-к³.в-птх «писцом дома белого» Х^с.ф-птх, посвяtitель пишет: «Это брат его *д.т* сотворивший ему, когда он был погребен на западе добром (т. е. на кладбище, расположенном в пустыне на запад от реки) среди тех, что в чести» (UAR 227).

В общей гробнице придворного управителя пеня Н(й)-м³.т-р^с и «красы царевой единственной, возлюбленной его, управительницы затвора (т. е. женского дома) царя, управительницы развлечения сердца» Нфр.с-рс к изображению ее приписано: «Это брат ее *д.т*, управитель пеня дома большого (т. е. дворца) Н(й)-м³.т-р^с — сотворивший ей гробницу эту д.т ее, когда она (была) в столице в женском доме царевом под сенью (т. е. в силу) бытия ее в чести доброй у царя повседневно» (EG II 205=LXXVIII 2).

Второй пример особенно поучителен. Если считать, что «брат д.т» — не более как совладелец почившего, обязанный за полученную десятину-другую пахотной земли править по своему «благодетелю» поминки, можно только вместе с Б. Грдзелофом удивиться несоответствию между местом, занимаемым в общей гробнице, и предполагаемыми имущественными взаимоотношениями. «Этот начальник пеня должен был быть очень привязан к особе главной царской фаворитки, иначе не объяснить себе, по какому праву он мог намного нарушить пропорции их гробниц относительно друг друга. Оказывается на деле, что в большой мастабе, которая была построена для них обоих, действительная собственница занимает только второстепенное место. Здесь более, чем где-либо, не может быть речи о заупокойной привилегии, милостиво предоставленной несостоятельному лицу, речь идет явно о «брате дома», который, в силу своих собственных возможностей, которые он извлекал из своего положения как сн-д.т, мог соперничать по части загробных удобств со своей собственной покровительницей».¹ Странность положения ясна из приведенных слов, но она станет еще яснее, если вспомнить, что, согласно самой надписи, гробница строилась при жизни «благодетельницы». Придворный сановник, строящий на доход с недвижимости, полученной им в качестве приживальщика от сослуживицы, царской любимицы, общую гробницу и отводящий в ней хозяйке скромный уголок, — и это при жизни «благодетельницы», — явление настолько сложное и неожиданное, что нуждается в большем удостоверении и объяснении, чем те, какие пока что были даны. Но насколько все станет простым и естественным, если допустить, что Н(й)-м³.т-р^с не условный, а действительный брат умершей. Как высокопоставленный придворный, — а таковыми были «управители пеня», — он строит себе внушительную гробницу и в ней, как любящий брат, уделяет место своей сестре, такой же придворной, как и он сам.

Что «братьями д.т» бывали лица ничуть не меньшие хозяина гробницы по служебному положению, видно еще по другому памятнику. В гробнице Х^с.ф-р^с-снх «брат его, что от д.т его» Йтти представлен позади хозяина одного с ним роста, и звания их, придворные и жреческие, совершенно тождественны: оба они были «друзьями дома большого»

¹ Там же, стр. 47.

(т. е. дворца; придворный чин), наставниками (жрецов-) чистителей (пирамиды) «Велик Шеф-рэ (Хефрен)» (DAA II IX).

В гробнице правителя («везирия») Пх.н-к².в-к² «брат его д.т» никак, конечно, не может равняться с хозяином — верховным сановником государства, зато сыновей его он превосходит своими званиями. Старший сын — «судья, наставник писцов», другой к этим должностям прибавляет звание «писца грамоты царевой супротив лика», но «брат его д.т», будучи и таким писцом и судьей, является еще «управителем писцов», т. е. начальством для «наставников» (DAA II XLVI). Точно такое же соотношение между званиями «брата д.т» и хозяйского сына наблюдается на другом изображении в гробнице: оба они — «писцы грамоты царевой супротив лика» и «судьи», но сын только «наставник писцов», в то время как «брат д.т» — «управитель писцов» (DAA II XLVII).

В обоих только что приведенных примерах, взятых из одной гробницы, «брат д.т» носит одинаковые звания, ставящие его в связь с писцовым делом. Это отнюдь не случайность, так как писцовая деятельность является излюбленным занятием этих «братьев». В гробнице Птх-хти градоначальника большинство «братьев д.т» явно подвизаются на этом поприще: «брат д.т» ²х.т(й)-хти — «судья, управитель писцов» (TP XXXV), «братья д.т» Птх-хти и Сшм-нфр — «судьи, наставники писцов» (TP XXXV, ХХХII), «братья д.т» ²х.т(й)-хти и Нфр-хв-в(й)-птх — «судьи, писцы» (TP XXXVIII). В гробнице Схм-к² один из двух «братьев д.т» — «судья (и) писец» (SM I VII), а единственный «брат д.т» на лжедвери Зт²в — «писец» (DAAE XXVII b = AIMB I 29).

В гробнице Птх-хти в лице «братьев д.т» представлена едва ли не вся лестница писцовых должностей от «управителя», «наставников» до простых «писцов», и та же гробница бросает своеобразный свет на писцовые должности «братьев». Тезка хозяина, «брат д.т» Птх-хти, «судья (и) наставник писцов», вручает ему развернутую грамоту, — несомненно, как принято на гробничных изображениях, хозяйственного содержания (TP XXXV). Это наводит на мысль, что многие — если только не все — «братья д.т», служившие писцами и начальниками писцов, прилагали свои способности и на пользу владельца гробницы в его хозяйстве, а может быть, вообще служили в нем по письменной части. Что некоторые из «братьев д.т», изображенных в гробницах, занимали должности именно в нем, не подлежит сомнению. «Брат его, что от д.т его», изображенный в гробнице ²х-мрв.т-ий-св.т, стоя перед сановником, когда к тому приводят для отчета второстепенных начальников его хозяйства, назван «управителем дома» — т. е. совокупного имущества — несомненно хозяина гробницы, так как изображать домоправителя при даче отчета его подчиненными было в обычае у художников (GAR LXIX). Личным домоправителем вельможи был явно и «управитель житницы, брат д.т, управитель дома К²п», дважды изображенный в гробнице градоначальника Птх-хти почтительно представляющим ему его скот и птицу (TP XXXI). Можно думать, что другой «брат д.т» в гробнице Птх-хти, названный «управителем дома (и) старшиной деревообделочных мастерских», был тоже домоправителем лично вельможи (TP XXXV). Возможно, что и деревообделочные мастерские, где этот «брат» состоял «старшиною», принадлежали сановнику, так как такого рода заведения и тоже со «старшинами», имелись в вельможных хозяйствах (ср. в особенности в гробнице Мрр.в-к² «старейшин, что от деревообделочных мастерских, что от дома его, что от д.т», MM II CXLIX = CL = GAR XXXVII). В гробнице ²х.т(й)-хти, составляющей одно целое с постройкой Птх-хти, «брат д.т», занимавший сходную должность при дворе, прямо обозначен

как придворный служащий («плотник деревообделочных мастерских больших дома большого», МРАС II XXXIII). Неясным остается также место службы того «брата д.т» в гробнице Птх-хтп, который был «управителем столяров чистого места (т. е. мастерской)» (ТР XXXV).

Иногда на первый взгляд может показаться, что кое-кто из изображенных в гробницах «братьев д.т» занимал весьма скромное положение при особе вельможи или в его хозяйстве. Так, «брат д.т» ꜣх.т(й)-вр в гробнице Птх-хтп градоначальника увеселяет хозяина игрою на арфе, как какой-нибудь рядовой игрец (ТР XXXV). Однако то же, только на дудке, делает в обществе хозяйских дочерей «честной муж царев» в гробнице областного князя Пйпй-снх Среднего (RTM IV IX). Да и у самого Птх-хтп «брату д.т» ꜣх.т(й)-вр подпевает, ударяя в ладоши, один, а подыгрывает на дуде другой мужчина, над которыми в неисправной надписи можно прочесть имя одного из Вп(в)-м-нфр.т; и вряд ли стоит сомневаться, что этот певец или игрец — то же лицо, что «брат д.т» Вп-м-нфр.т, шествующий в другом месте гробницы в обществе судей и писцов, с титулом «наставника певцов», — неясно только, придворных или самого вельможи, поскольку у последнего таковые тоже могли иметься (ср. «певца (певцов?), что от дома д.т» в гробнице Тйй, GT LX=LIX). Другой «брат д.т» в гробнице Птх-хтп, обращающий на себя внимание своим нечиновным времяпрепровождением, занимается в обществе простых птицеловов ловлею водяных птиц сетью (ТР XXXII). Правда, он предводительствует ими — подает знак к затягиванию сети, — но вид у него самого рядового работника, и даже узкий передник, единственное прикрытие его наготы, подобран и засунут за пояс, как то часто делают рабочие на гробничных изображениях. Однако за таким занятием и в таком же виде можно было увидеть представителей самых верхов общества. Взрослые сыновья царевичей Рс-хтп и Нфр-м^с.т, — значит, внуки фараона, — украшенные уже придворными званиями, изображены в гробницах своих родителей не только ловящими водяных птиц сетью, но и в сходных передниках, как то подходило к мокрому их времяпрепровождению (М X, XXIV; на других изображениях сыновья Рс-хтп одеты, как подобало их званию, М XIII, XV). Таким образом, в занятии и наряде «брата»-птицелова нет ничего, что мешало бы ему быть человеком с известным положением в обществе, и надпись сверху дает тому подтверждение, именую «брата д.т» «судьею (и) писцом».

Если выше мы видели, что «братья д.т» обслуживали вельможу по смерти, неся при его гробнице службу заупокойных жрецов — «рабов двойника» — или чтецов-заклинателей, то последние примеры показывают, что они служили ему в быту и по хозяйству еще при жизни. Кто был у него за домоправителя или вел отчетность, кто развлекал игрою или пением или просто ловил птицу в приречных угодьях. Естественно, что такие «братья», повседневно окружавшие землевладельца и помогавшие ему по хозяйству, входили в состав его «дома». Поэтому можно согласиться с Б. Грдзелофом, что «братья, что от дома твоего, что от д.т» (сн.в н(й).в пр.к н(й) д.т), в гробнице Пйпй-снх Среднего (RTM IV IX) — те же «братья д.т».¹ Однако Б. Грдзелоф приходит к такому выводу на основании внешнего сходства обоих выражений, приравнивая безоговорочно простое д.т к «дому д.т». Но только не вчитавшись в смысл изображения, возможно спокойно полагать, что речь идет об условных «братьях», отличных от обыкновенных. Изображение

¹ Там же, стр. 45.

спереди озаглавлено: «Доставка отборнейшего (мяса) (и) птицы»; это написано отвесно во всю вышину изображения. Следует шествие из 22 мужчин, из которых первые восемь несут по бычьей ноге, следующие четыре — по гусю, остальные десять — разнообразные дары, в первую очередь тоже птиц (уток, гусей, журавля), но наряду с ними газелей, плоды, цветы, папирос, сосуды и сумки. Выше шествия над каждым из первых 15 его участников выписано его звание, и эти звания, разделенные отвесными черточками, вместе образуют одну продольную строку. Продолжая ее и отделяясь от последнего звания отвесной же черточкой, над головами последних семи мужчин тянется надпись: «Доставка растений (и) мясной жертвы всяких (и) птиц твоих *братьями*, что от дома твоего, что от д.т». Надписи над первыми 15 мужчинами содержали только придворные и управленческие звания; имена, иногда (в четырех или пяти случаях) предваренные еще добавочным должностным обозначением, были приписаны к каждому из них спереди. Такие же приписки задним числом были помещены и перед каждым из последних семи мужчин, но так как над ними не было написано никаких званий, заключительные семь приписок называют, кроме имени, обязательно также должность. Шествие открывают «Хпй Черный» и «Х[п]й Красный» (т. е. «Рыжий»), сыновья хозяина гробницы, как следует из других ее надписей. В приписках к 3-му, 5-му и 8-му мужчинам имени каждого из них предпосланы слова: *сн.ф* «брат его»; перед именами 4-го и 6-го имеется только по букве «н», — очевидно, от того же слова «брат». Перед именем 7-го мужчины не видно ничего, но вряд ли возможно допустить, чтобы он, предваряемый четырьмя и сопутствуемый еще одним братом, как звено такой сплошной цепи братьев, сам мог быть чем-нибудь иным. О родстве последующих 13 мужчин с владельцем гробницы приписки молчат, но даже если бы эти 13 должностных лиц никак не были ему сродни, достаточно внушительного выступления пяти братьев, чтобы оправдать надписание изображения. Его можно было назвать «доставкою» даров «братьями, что от дома твоего, что от д.т», поскольку братья в этом шествии составляли самую заметную величину. Но это значит, что писец и резчик, ответственные за приписки к участникам его, не сомневались в тождестве «братьев, что от дома твоего, что от д.т» с простыми братьями, какими были те пятеро.

На примере завещания Тнтй можно было видеть, что «брат д.т» и наемные заупокойные жрецы — «рабы двойника» ставились не в одинаковое положение относительно земли, выделенной завещателем на помин своей души. Входя в состав «дома» вельможи, братья, как и дети, входили туда, естественно, не так, как заупокойные жрецы, нанятые по договору, и подавно не так, как зависимые челядинцы. Положение детей и братьев было в «доме» их отца и брата несоизмеримо более независимым, чем мелких служащих и слуг, составлявших для вельможи не родню, а только необходимую принадлежность его «дома». Эту противоположность отчетливо выражают некоторые надписи над изображениями доставки даров, в остальном сильно напоминающие только что обсуждавшуюся. В гробнице неизвестного придворного читаем: «[Смо]трен[ие] на доставляемое е[му] детьми его, братьями его, рабами двойника (т. е. заупокойными жрецами), что от [дома] д.[т] его, из городцов его, что от Низовья (и) Верховья» (ASAE XLIII 513).

В гробнице Хв.н-вх находим надписание: «Доставка дара детьми его, братьями его, властями (т. е. управляющими) его, челядью, что от дома д.т его, рабами двойника (т. е. заупокойными жрецами), что от дома д.т его» (ASAE XII 140).

спереди озаглавлено: «Доставка отборнейшего (мяса) (и) птицы»; это написано отвесно во всю вышину изображения. Следует шествие из 22 мужчин, из которых первые восемь несут по бычьей ноге, следующие четыре — по гусю, остальные десять — разнообразные дары, в первую очередь тоже птиц (уток, гусей, журавля), но наряду с ними газелей, плоды, цветы, папирос, сосуды и сумки. Выше шествия над каждым из первых 15 его участников выписано его звание, и эти звания, разделенные отвесными черточками, вместе образуют одну продольную строку. Продолжая ее и отделяясь от последнего звания отвесной же черточкой, над головами последних семи мужчин тянется надпись: «Доставка растений (и) мясной жертвы всяких (и) птиц твоих *братьями*, что от дома твоего, что от *д.т*». Надписи над первыми 15 мужчинами содержали только придворные и управленческие звания; имена, иногда (в четырех или пяти случаях) предваренные еще добавочным должностным обозначением, были приписаны к каждому из них спереди. Такие же приписки задним числом были помещены и перед каждым из последних семи мужчин, но так как над ними не было надписано никаких званий, заключительные семь приписок называют, кроме имени, обязательно также должность. Шествие открывают «Хпй Черный» и «Х[п]й Красный» (т. е. «Рыжий»), сыновья хозяина гробницы, как следует из других ее надписей. В приписках к 3-му, 5-му и 8-му мужчинам имени каждого из них предпосланы слова: *сн.ф* «брат его»; перед именами 4-го и 6-го имеется только по букве «н», — очевидно, от того же слова «брат». Перед именем 7-го мужчины не видно ничего, но вряд ли возможно допустить, чтобы он, предваряемый четырьмя и сопутствуемый еще одним братом, как звено такой сплошной цепи братьев, сам мог быть чем-нибудь иным. О родстве последующих 13 мужчин с владельцем гробницы приписки молчат, но даже если бы эти 13 должностных лиц никак не были ему сродни, достаточно внушительного выступления пяти братьев, чтобы оправдать надписание изображения. Его можно было назвать «доставкою» даров «братьями, что от дома твоего, что от *д.т*», поскольку братья в этом шествии составляли самую заметную величину. Но это значит, что писец и резчик, ответственные за приписки к участникам его, не сомневались в тождестве «братьев, что от дома твоего, что от *д.т*» с простыми братьями, какими были те пятеро.

На примере завещания Тнтй можно было видеть, что «брат *д.т*» и наемные заупокойные жрецы — «рабы двойника» ставились не в одинаковое положение относительно земли, выделенной завещателем на помин своей души. Входя в состав «дома» вельможи, братья, как и дети, входили туда, естественно, не так, как заупокойные жрецы, нанятые по договору, и подавно не так, как зависимые челядинцы. Положение детей и братьев было в «доме» их отца и брата несоизмеримо более независимым, чем мелких служащих и слуг, составлявших для вельможи не родню, а только необходимую принадлежность его «дома». Эту противоположность отчетливо выражают некоторые надписи над изображениями доставки даров, в остальном сильно напоминающие только что обсуждавшуюся. В гробнице неизвестного придворного читаем: «[Смо]трен[ие] на доставляемое е[му] детьми его, братьями его, рабами двойника (т. е. заупокойными жрецами), что от [дома] *д.т*» его, из городцов его, что от Низовья (и) Верховья» (ASAE XLIII 513).

В гробнице Хв.н-вх находим надписание: «Доставка дара детьми его, братьями его, властями (т. е. управляющими) его, челядью, что от дома *д.т* его, рабами двойника (т. е. заупокойными жрецами), что от дома *д.т* его» (ASAE XII 140).

В обеих надписях дети и братья определены как «его», т. е. хозяина, посредством притяжательного местоимения, тогда как заупокойные жрецы такового не имеют и отнесены не непосредственно к хозяину, а к его «дому». Во второй надписи так же, как с детьми и братьями, поступлено еще с властями («властеди его»), в то время как «челядь», наподобие «рабов двойника», отнесена к «дому». В той же надписи наш творительный падеж выражен посредством предлога «йн» — «со стороны (какого-либо)», — проставленного перед каждым разрядом доставляющих («со стороны детей его, со стороны братьев его» и т. д.), а определение «что от дома д.т его» выписано дважды, особо после жрецов и особо после челяди, и притом согласовано каждый раз с родом определяемого (мужским в первом и женским во втором случае), так что не может быть и речи о распространении в данном предложении обозначения «что от дома д.т его» на детей, братьев и властей. Несомненное сходство между этими надписями и изображениями и выше рассмотренными из гробницы Пйпй-^снх Среднего усугубляется еще наличием у неизвестного придворного дополнительной надписи, живо напоминающей таковую, а также самое изображение у Пйпй-^снх:

«Доставка кусков мяса (и) птицы тем, кто со списком праздничных жертв (т. е. чтецом-заклинателем), детьми его, брат[ья]м[и] его ---» (ASAE XLIII 513; у Пйпй-^снх мясо и птицу несут тоже сыновья и братья, а приписка впереди их гласит: «Доставка кусков мяса (и) птицы»).

Невероятно, чтобы «братья, что от дома твоего, что от д.т» в гробнице Пйпй-^снх могли быть чем-нибудь иным, нежели «братья его» в гробницах Хв.н-вх и неизвестного придворного. Однако в этих двух последних «братья его» — бесспорно обыкновенные братья, как то доказывается и явным обособлением их от определения «что от дома его», и упоминанием их непосредственно в связи с «детьми его».

Прекрасное пояснение отношений брата к сановному родичу и его дому дает одно из жизнеописаний в гробнице царского зодчего Мрй.й-р^с-мр(й)-птх-^снх, именно то, где рассказывается о его молодости (UAR 216—217):

«Когда был (я) позади брата (моего) (т. е. сопровождал брата моего), управителя работ ---, [бы]л (я) [с?] писанием (?) (и?) был (я) с писчей дощечкой его (т. е. носил его письменный прибор, на котором разводились чернила).

«И назначили его наставником, что для строителей, (и) был (я) с тростью его (т. е. носил за ним трость).

«И назначили его управителем строителей, (и) был (я) третьим (т. е. ближайшим помощником) его.

«И назначили его плотником царевым (и) строителем, (и я) властвовал [для] него (над) городцом (т. е. управлял принадлежавшей тому деревней?) (и) творил (я) для него вещь всякую (т. е. все) в ней горздо.

«И назначили его другом единственным (высокий придворный чин), плотником царевым (и) строителем в обоих домах (т. е. в обеих половинах государства), (и я) считал для него им[уще]ство его всякое; больше (было) вещей (т. е. имущества) в доме (т. е. хозяйстве) его против дома сановника всякого.

«И назначили его управителем работ, (и я) повторял слово его всякое (т. е. передавал все его распоряжения) в (том) сообразно тому, за что жаловал он (т. е. так, что он за то жаловал исполнителя).

«Считал же (я) для него вещи (т. е. имущество) в доме (т. е. хозяйстве), что от д.т его, (в) продолжение 20 лет. Никогда не бил (я)

человека какого-либо там так, чтобы объявился он мертвым под пальцами (моими). Никогда не поработал (я) людей каких-либо там».

Эта повесть о молодости будущего царского зодчего, состоявшего сперва чуть ли не на побегушках при своем брате, а затем в течение долгих десятилетий бывшего у него за управляющего, является лучшим толкованием к гробничным изображениям «братьев д.т», изученным выше. Те «братья» тоже сопровождают хозяина (гробницы Птх-хтп придворного, МАЕ 314—315; Тнтй, DAA II XXXI), представляют ему счетные ведомости (гробница Птх-хтп градоначальника, TP XXXV, XXXI), служат домоправителями (гробницы ³х-мрв.т-нй-св.т, GAR LXIX; Птх-хтп градоначальника, TP XXXI, XXXV), присутствуют при даче отчета подчиненными (гробница ³х-мрв.т-нй-св.т, GAR LXIX), представлявшей, как известно по другим изображениям, все возможности для палочных расправ.

Но рассказ Мрй.й-р^c-мр(й)-птх-^cнх ценен не только тем, что показывает нам явно родного брата исполняющим при особе и в хозяйстве сановника примерно то, что делают на гробничных изображениях «братья д.т»; это жизнеописание имеет прямое отношение к самому существу вопроса о них. Мрй.й-р^c-мр(й)-птх-^cнх состоит при своем брате и «считает» его имущество в течение 20 лет, очевидно потому, что сам не имеет что считать или если имеет, то в таком ничтожном количестве, что может мгновенно справиться со счетом и остальное время «считать» у брата. Мрй.й-р^c-мр(й)-птх-^cнх начинает с мальчишеских услуг (разных поносок), брат его — с самого начала повествования человек с положением, и те звания, каких Мрй.й-р^c-мр(й)-птх-^cнх достигнет лишь впоследствии, присвоены брату его тогда, когда он сам состоит еще у него в приказчиках. Несомненно, Мрй.й-р^c-мр(й)-птх-^cнх — младший брат. Не имея собственного состояния, он вынужден жить в доме старшего. Академик В. В. Струве, устанавливая исключительное право наследования имущества старшим сыном для древнего Двуречья, склонен был допустить такое же положение дел и в староегипетском обществе. И действительно, эту мысль можно подтвердить современными надписями. Обездоленные младшие братья, живущие в доме у состоятельного брата и так или иначе служащие ему, лично или по хозяйству, от которого сами же кормятся, — вот простое и правдоподобное истолкование многочисленных «братьев д.т».¹ Возможно, что иногда опорой братьев становился не самый старший, наследник родительского достояния, а особенно удачливый, стяжавший большое богатство, однако правилом это быть не могло.

Такое окружение себя со стороны богатого брата своею меньшою, неимущою братией объяснило бы не только обсуждавшиеся случаи, где «братья» определены как принадлежавшие к д.т, но также те гробничные изображения, на которых лица, названные просто «братьями», без какого-либо отнесения к д.т, представлены состоящими при особе хозяина гробницы. Они толпою сопровождают его при его выходе, пешие, когда его несут в носилках (гробница Мрр.в-к³, MM II CLVII = CLVIII), стоят позади его, когда он обзревает свой скот (гробница Йбй, RTDG I XI, один брат) или принимает приношения (гробница Мрр.в-к³, MM I XXIII, один брат), едут с ним в ладье, когда он охотится в болотах (гробницы Мрр.в-к³, MM II CXXVII, один брат; Йбй, RTDG I III, один брат), доставляют ему его приказчиков для

¹ Cp.: A. Moret, L. Boulard. Donations et fondations en droit égyptien. Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes, 29 année, Paris, 1907, p. 76.

дачи отчета по хозяйству (гробница ²х-мрв.т-нй-св.т, GAR LXIX, три брата). Иногда брат включается самостоятельно в хозяйственную жизнь угодий своего родственника: на изображении ловли рыбы в гробнице Мрр.в-к² в одном из челноков плывет породный «брат его», занятый, правда, едой и питьем, которое ему подносит его приближенный, но тем не менее не безучастный к окружающей деятельности: в самой ладье его один рыболов удит, а другой цотрошит рыбу (MM I XLII = XLIII = XLIV). В гробнице областного князя Йбй перед хозяином, надзирающим за своими рыбными промыслами, стоят восемь мужчин, надписанных поверху следующим любопытным образом: «Б[ра]тя (к сожалению, уцелели только остатки знаков, но иное чтение, думается, невозможно), [что о]т места [серд]ца его (т. е. любимые им), творящие то, что жалует он, [те, что в чест]и у владык (?) своих» (RTDG I IV). «Жалуемое» же кем-нибудь творили обыкновенно его подчиненные. При подобных отношениях между состоятельным братом и остальными неудивительно, что они и после смерти правили по нем поминальную службу вкупе с его сыновьями и заупокойным жречеством. В гробнице Мрр.в-к² не менее восьми (MM I LXV), в гробнице Пйпй-снх Среднего — пятеро братьев (RTM IV IX) несут умершему жертвенные дары непосредственно за сыном или сыновьями, подобно тому как и в гробницах Хв.н-вх и неизвестного придворного «братья» следуют за «детьми» в перечнях доставителей приношений (ASAE XII 140; ASAE XLIII 513).

Участие братьев в управлении хозяйством их богатого родственника было бы явлением вполне в духе того времени. В гробницах сын или сыновья хозяина неоднократно представлены ведущими на положении писцов учет по отчету хозяйству, и это не только у важных сановников (гробницы Х^с.ф-р^с-снх, DAA II IX, XI — каждый раз те же три сына; ²х.т(й)-хтп, MPAS II XIII = XV, XIV = XVI; ср. также у Йй-мрй.й, DAA II XLIX), но даже у царевичей (гробницы Хтп-сш².т, DAA II XXIII; неизвестного царевича, DAA II XXXII). Некоторые из этих сыновей прямо названы «писцами».

На гробнице ²х-мрв.т-нй-св.т «брат его, что от д.т его», являющийся также «управителем дома», представлен стоящим перед сановником в то время как трое мужчин, представляющих последнему его приказчиков, обозначены каждый как «брат его» (GAR LXIX). Помимо этого памятника, мне нигде не доводилось видеть, чтобы «братья д.т» и просто «братья» упоминались рядом или хотя бы в одной и той же гробнице. Исключение, являемое гробницею ²х-мрв.т-нй-св.т, легко объясняется местом «братьев» на изображении. «Брат его, что от д.т его» в качестве домоправителя должен руководить представлением управляющих, тогда как простые «братья» служат второстепенными исполнителями — приставами. Естественно было поэтому и титул руководящего «брата» выписать с большей торжественностью, чем остальных трех. Но, как бы то ни было, это исключительный случай, обыкновенно же гробницы пользуются или тем, или другим выражением, говорят или о «братьях д.т», или о простых «братьях», но не одновременно о тех и других. Это опять-таки говорит в пользу того, что оба выражения — только разные обозначения одного и того же. В самом деле, можно ли убедить себя в существенном отличии «братьев д.т» от простых, если в гробнице Птх-хтп градоначальника вельможу окружают одиннадцать разноименных «братьев д.т» (TP XXXI, XXXII, XXXIV, XXXV, XXXVI, XXXVIII) и нет ни единого простого, а в гробнице почти современного тому Птх-хтп Мрр.в-к² вокруг последнего толпится десяток простых «братьев» (MM I XXIII, XLII = XLIII = XLIV, LXV,

LXXXVIII; MM II CXXVII=CXXVIII, CLVII=CLVIII) и нет ни одного «брата д.т»?

Естественно, братья, прилепляющиеся или льнущие к дому богача, должны быть обыкновенно значительно ниже его по общественному положению, что, конечно, не означало, что они в большинстве были людьми нечиновными. Можно было занимать государственные должности и оставаться малосостоятельным, если эти должности были второстепенного порядка. Такое положение мы наблюдали уже, когда речь шла о «братьях д.т». Просто «братья», окружающие вельможу, и в этом отношении не отличаются от «братьев д.т». Так, среди десятка «братьев» верховного сановника государства правителя («везирия») Мрр.в-к³ нет ни одного действительно высокопоставленного. Большинство их подвизалось по части хнтий.в-ш — особого рода деятельности, которая сама по себе никак не означала высокого общественного положения того, кто ею занимался. Но и на этом поприще только один брат достиг звания «управителя места хнтий.в-ш дома большого (т. е. дворца)» (MMII CLVII=CLVIII, ср. MM I LXXXVIII), — заметим, «управителя места», не «управителя» самих хнтий.в-ш, как можно подумать на основании MM I LXV. Двое братьев носят звания подчиненных «наставников хнтий.в-ш дома большого» (MM I LXV, LXXXVIII; MM II CLVII=CLVIII), а другие два — еще более подчиненных надзирателей: «тех, что позади хнтий.в-ш» (MM I LXXXVIII; MM II CLVII=CLVIII; что братьев с таким званием было двое, видно по MM II CLVII=CLVIII, так как величина пробела после начальной буквы подходит только к нему). Наконец, один брат был просто рядовым хнтий-ш (MM I XLII=XLIII=XLIV, LXV; MM II CLVII=CLVIII; возможно, впрочем, что брат Йхйй в первом случае — иное лицо, чем во втором и третьем, поскольку, кроме хнтий-ш, носит еще одно должностное звание). Из прочих братьев один назван неопределенно «честным (мужем) царевым» — звание не слишком важное (MM I LXV, LXXXV; MM II CXXVII=CXXVIII, CLVII=CLVIII); двое — «теми, что со списком праздничных жертв», т. е. чтецами-заклинателями (MM I LXV, LXXXVIII; MM II CXXVII=CXXVIII, CLVII=CLVIII). Примечательно и то, что братья верховного сановника имели, если судить по его гробнице, только по одной должности — явление совершенно необычное у людей с высоким общественным положением. Единственное исключение — «брат его, хнтий-ш, старшина деревообделочных мастерских Йхйй» (MM I XLII=XLIII=XLIV), но и тут добавочное к хнтий-ш второе звание не свидетельствует об особой имениности его носителя. Относительная скромность положения братьев еще оттеняется громкими титулами их племянников, сыновей правителя, следовательно людей младшего поколения. Правда, один сын был всего лишь «судьей (и) писцом» (MM I LXXXVIII; MM II CLVII=CLVIII), зато из старших один имел высокий придворный сан «друга единственного» (MM I XXIII, LXV, LXXXVIII; MM II CXXVII=CXXVIII, ср. CLXXI=CLXXII), другой величался «тем, что над тайной царя в месте всяком», «[тем, что в сердце] царя пред берегами обоими его (т. е. Египтом)» (MM II CIV=CLIV=CLV), а третий даже именовался, будучи царским внуком, «сыном царевым, что от утробы его, возлюбленным его» (MM I VIII, XXIII C, XLVI; MM II CLXXXVII, ср. MM I LXXXVIII; мать его была «дочерью царевой, что от утробы его», MM I 3) и унаследовал высокие должности своего родителя (MM I 3, 5). Титулы сыновей и по многосложности своей отличаются от односложных обозначений подавляющего большинства братьев.

Я думаю, что собранные здесь данные никак не уполномочивают на заключение, будто бы выражение «брат д.т» означало всякого, безотно-

сительно к родственным связям, кого обладатель тех или иных благ так или иначе приобщал к пользованию ими. Наоборот, все говорит в пользу не условного, а кровного родства «братьев д.т» со своими «благодетелями», и переводу здесь д.т словом «плоть», — переводу, желательному в силу языковых соображений, именно словоупотребления пирамид, — ничто не препятствует и со стороны осмысления «брата д.т» тогдашней жизнью. Поэтому передача обозначений «брат его, что от д.т его», «брат его д.т», «брат д.т» соответственно как «брат, что от *плоти* его», «брат его (от) *плоти*», «брат (от) *плоти*» не должна вызывать особых сомнений. Единственная трудность — это частое написание д.т с сопроводительным знаком земли, намекающим как будто бы на «земляной», а не «плотяной» смысл д.т, но эта странность у сочетания «брат д.т» — общая с другими выражениями, содержащими последнее слово, и потому будет рассмотрена по рассмотрении всех таких выражений.

Изредка выражение сн-д.т прилагается и к особам женского пола. Зависимость этого словоупотребления от «брата д.т» доказывается «мужским» правописанием: вместо ожидаемого сн.т д.т «сестра д.т» — привычное сн-д.т, т. е., строго говоря, «брат д.т», хотя, возможно, имелась в виду «сестра», и только сращенность сн и д.т в одно целое в речи и письме была повинна в пропуске женского окончания «т» после сн. Произойти этому пропуску было тем проще, что женское окончание могло уже отсутствовать в произношении и тем самым «брат» и «сестра» по звучащему составу согласных совпадали; если же это окончание сохранялось внутри двухсловного сочетания, то оно легко могло сливаться в произношении с начальным звуком последующего д.т. Сочетание «сестра д.т» достоверно известно мне только по четырем памятникам, и на всех их оно без женского окончания внутри, т. е. коротко сн-д.т. Первый из этих памятников — гробница Нтр-вср, где, сидя у ног его, представлена «сестра д.т, жена его, возлюбленная его, краса царева, что в чести у царя, Хнв[.т]» (SM I XXIV = MAE 166). Что родная сестра могла быть женою — в этом для египетской древности нет ничего невозможного, и вполне мыслимо, что именно такого рода сочетание имела в виду надпись. Другой памятник — ложная дверь Хв.ф-в(й)-снх (HGN I LXV. b). Слева изображены и поименованы хозяин гробницы (дважды), сын его и отец, справа — его жена (дважды), его дочь и мать. «Сестра д.т (написано сн-д.т) Йтй» стоит справа вместе с супругой и дочерью чиновника, а трое «братьев д.т» с заупокойными приношениями изображены и поименованы слева. Напротив трое заупокойных жрецов («рабов двойника»), занятых тем же делом, изображены и поименованы справа — не потому ли, что на мужскую (левую) и женскую (правую) половину делилась одна родня, а посторонних можно было приткнуть куда угодно? Вместе с явной роднею изображены две «сестры д.т» на третьем памятнике — в гробнице Вхм-к² (MU 24). Четвертый памятник — Птх-хтп придворного (MAE 314—315). Хозяин гробницы представлен в сопровождении жены по имени Хнт.к².в.с, трех сыновей и «брата д.т Нфр-хр-н-хнт-хтйй» (последний помещен между вторым и третьим сыном). Ниже изображена «сестра д.т» по имени Хв.т-хр-нфр.т(й) и за нею двенадцать женщин и трое мужчин, обозначенных (те и другие) как «дети ее». Поскольку жена сановника следует непосредственно за ним, «сестра д.т», если она член семьи, — а сомневаться в этом при количестве изображений ее детей нет оснований, — может быть только сестрою Птх-хтп. Был ли изображенный выше «брат д.т» ее супругом — ни утверждать, ни отрицать с уверенностью невозможно. С одной стороны,

если он ей не муж, странно, что не изобразили ее мужа, когда не поскупились на пятнадцать изображений ее детей. С другой стороны, «брат д.т» и «сестра д.т» изображены обособленно друг от друга. Зато, что оба только брат и сестра, говорит также памятник, который является, по-видимому, пятым, содержащим выражение «сестра д.т». В гробнице некоего сановника Тнтий позади его изображены двое мужчин и ниже их женщина (DAA II XXXI). Из остатков приписок можно заключить, что все трое были сн-д.т «братьями/сестрою д.т». Перед первым мужчиною до остатков его должностного звания виден знак сн с последующим пробелом, где могло стоять д.т. Перед вторым мужчиной сн-д.т сохранилось вполне отчетливо, зато перед женщиной видно одно д.т, а где должно было бы быть сн, издателями не показано разрушений. Последнему обстоятельству вряд ли можно придавать существенное значение, поскольку речь идет об издании столетней давности, но взятое отдельно д.т перед женщиной возможно было бы понять как обозначение зависимого лица (об этом слове д.т речь будет ниже). Против подобного понимания говорит то, что за д.т следует слово (нй)-св.т «царь» с последующим пробелом и остатками имени — и, следовательно, изображенная женщина, по-видимому, имела высокое звание «[той, что (относится) до вещи] царевою». Это звание плохо вязалось бы с зависимым состоянием, но прекрасно подходило бы к сестре сановника. Потому весьма правдоподобно, что д.т перед женщиной предшествовал знак сн и она была также сн-д.т, как и оба мужчины. Появление «братьев д.т» вместе с «сестрами д.т» в гробницах Птх-хтп придворного и Хв.ф-в(й)-снх и на только что обсуждавшемся изображении было бы, конечно, как нельзя более естественным, если те и другие были действительно братьями и сестрами умершего — его братьями и сестрами от «плоти».

Так же хорошо, как «брат д.т», укладываются в словоупотребление пирамид и те немногие примеры, где д.т служит определением к слову мс.в «дети». На ложной двери Мдв-нфр читаем: «Сын его старший нх-йр.с говорит он: Это я — сотворивший это отцу своему»; и тут же три сына умершего, носившие сходные с отцовским званием «писцов дома свитка бога», обозначены вместе так: «Заклинатель главный, писец свитка бога Мдв-нфр, дети его, что от д.т» (UAR 229 = EUIEA XIX 218, ср. ASAE XLII 49 п. 5), или — после выделенного особо старшего сына — «Сын его старший заклинитель снх-йр.с; дети его, что от д.т» (EUIEA XIX 218). Перевод «дети его, что от плоти» не вызывает никаких недоумений, но этого никак нельзя сказать о таких передачах, как «дети его, что от имени (или недвижимости)» или «дети его, что от заупокойного владения», как хорошо ни согласовались бы последние передачи с правописанием д.т у Мдв-нфр (сопроводительный знак — волнистая вода, замена земли!).

Точно такое же написание этого слова налицо в «детях д.т» в гробнице Н(й)-к²-снх, но и здесь «земляное» — точнее, «водяное» — правописание никак не может перевесить прямой смысл соответствующего места. Об «управителе дома двора большого (т. е. дворца), управителе городов новых, управителе рабов бога (т. е. жрецов) Хат-хор, владычицы Ре-оне (долины у Эль-Каба), приставнике вещи царевой» Н(й)-к²-снх, изображенном сидящим с «женою своею», здесь сказано: «сотворил он приказание слов (т. е. распоряжение) в пользу детей своих, чтобы служить Хат-хор, владычице Ре-Оне». Далее излагается содержание завещания:

«Рабы бога (т. е. жрецы), сотворенные мною, это — из *детей* д.т, чтобы служить Хат-хор. Сотворены были 2 сот (сот = свыше 2700 кв. м)

величеством Мен-ке-рэ для рабов бога этих, чтобы служить за них (т. е. за те 2 сот)».

Под заголовком «Приставник вещи царевой, управитель дома большого Н(й)-к²-снх — жена его, приставленница вещи царевой, Хд.т-хив, дети ее» следует роспись месячных служб Хат-хор, распределенных между женою, сыновьями и, возможно, несколькими сторонними лицами, с повторными указаниями земельного надела — «пашни 5 сот», — выделенного в обеспечение службы. Из дальнейшего мы узнаем, что «это величество Уср-кофа (было) приказывавшим служить (мне) Хат-Хор, владычице Ре-оне», и что «это далее дети (мои) эти — служащие Хат-хор, владычице Ре-оне, подобно тому как творил (я) сам, когда я отбуду на запад добрый как владыка чести». К росписи служб Хат-хор примыкает составленное в обратном порядке имен расписание заупокойных помесичных служб по «приставленнице вещи царевой» Хнв-к(?) и его родственникам, надо думать, за те же 5 сот пашни (2 сот Хат-хор + 3 сот Хнв-к(?)?). Соответственно завещание кончается словами:

«Это далее дети (мои) эти — возглашающие (т. е. приносящие заупокойные жертвы) для приставленника вещи царевой Хнв-к(?), отца его, матери его, детей его, предела (=округи=родства?) его всякого в (праздник) В'г, Тховтов праздник, праздник всякий повседневно» (UAR 24—28).

Я привел здесь все места завещания, где упомянуто слово «дети», и не может быть ни малейшего сомнения, что эти дети — кровное потомство сановника и его супруги («дети его», «дети ее»). Только в одном месте вместо простого «дети» стоит «дети д.т». Надпись не выписывает притяжательного местоимения 1-го лица единственного числа, и потому ее мс.в д.т, переданное выше как «дети д.т», на самом деле значило, наверно, мс.в.й д.т «дети мои д.т» (было бы мыслимо также читать «дети мои д.т моего» или «дети д.т моего», но вряд ли то было бы правильным, потому что в предыдущем и последующем примерах, где притяжательное местоимение выписано, оно стоит только после «детей»: «дети его д.т»). Я не знаю, каким другим словом могло бы быть в этой надписи д.т, кроме как словом «плоть». «Это жрецы, поставленные мною из детей моих (от) плоти, служить Хат-хор» — проще и глаже толкования для данного места придумать нельзя. Наоборот, «эти жрецы, поставленные мною из детей моих (от) земельной собственности (или «заупокойного имения») служить Хат-хор» звучит совсем неестественно. И по существу дела — какой смысл могло бы здесь иметь определение родных детей по каким-либо земельным отношениям? Из надписей в той же гробнице ясно, что единственным наследником Н(й)-к²-снх был его старший сын: «Писец свитка царева Хм-хв.т-хр — наследник (мой) это, что на седалище (т. е. на должностном месте) (моем), владыка имущества (моего) всяческого» (UAR 31; тут же второй раз в поврежденном виде). Этот Хм-хв.т-хр упоминается и в поименных росписях служб Хат-хор и служб по умершем Хнв-к², непосредственно рядом с супругой завещателя и с таким же земельным обеспечением за службу, какое назначается вдове и прочим детям. Наследник всего отцовского имущества, он явно не стоял на равной ноге со своими братьями по части имущественного обеспечения, и если бы выражение «дети д.т» имело в виду совладельцев чужой собственности, оно распространялось бы на него только как на соучастника в доходах с храмовой и заупокойной служб. С другой стороны, если остальные дети, судя по надписям гробницы, только и наследовали, что эти доходы, о каком совладении могла быть речь до назначения сы-

новой жрецами? По завещанию же выходит, что жрецы были назначены из детей, которые уже относились к д.т, когда это назначение имело место; но что же могло значить: «Это жрецы, поставленные мною из моих детей-совладельцев служить Хат-хор», — если младшие братья до предоставления им жреческих мест не были имущественно обеспечены?

Менее определенным является третий случай сочетания д.т со словом «дети». В гробнице Хтп-сп².т изображен мужчина с сосудами в руках, с надписью сверху «дет(и) его д.т» и надписью спереди «раб двойника (т. е. заупокойный жрец) ^снх-м^с-к(?)». Положение рядового «раба двойника» может показаться слишком скромным для сына столь высокопоставленного лица — хозяина гробницы был царевичем, — но нельзя забывать, что дело идет о заупокойной службе по собственном родителе. Как и в обоих предыдущих случаях, д.т написано не так, как в пирамидах обыкновенно пишется «плоть», — в данном случае за змею и хлебом следует земля, — однако перевод «дети его (от) плоти» является и тут наиболее естественным, не только потому, что к нему предрасполагает само слово «дети», но и потому, что напоминает встречающиеся в староегипетских гробницах надписания к изображениям: «дети его, что от утробы его» (мс(.в).ф н(й.в) х.т.ф; гробницы Спм-нфр, DAA II XXVII; Схм-к²-р^с, DAA II XLII; «его» имеет в виду хозяина гробницы). Последнее выражение, однако, повторяет притяжательное местоимение и для передачи родства пользуется другим словом («утроба»), что побуждает одновременно не считать оба выражения тождественными.

После «детей д.т» уместно будет коснуться родственного им по смыслу сочетания д.т со словом «дочь». Мне это сочетание известно только по ложной двери Хм-мнв в гробнице его отца Тп-м-^снх (MAE 200 = DARMK I 89 = XX). Справа и слева от Хм-мнв изображено по чете, как и он, за столиками с яствами, каждое лицо в особо очерченном поле, мужа над женами. Перед супругом слева написано: «одаренный, наставник шзм.т Р^с-хтп, раб двойника (т. е. заупокойный жрец) д.т»; перед супругой: «жена его Хм(.т)-²х.т(й), дочь д.т». У четы справа нет обозначений с д.т, в остальном их надписания сходны с противоположными: это ²х(тй?)-хтп и «жена его Нб-йр.т-мрй(?)». «Дочь д.т» (²х.т д.т) слишком напоминает пирамидное «сын твой, что от плоти твоей» (²к н(й) д.т.к, AP I, 90, 122), чтобы легко было отказать от перевода «дочь (от) плоти», несмотря на то, что и здесь, как и в титуле мужа, д.т сопровождается знаком волнистой воды, заменяющим землю. Но спрашивается тогда, чья дочь Хм(.т)-²х.т(й)? Вряд ли она дочь Хм-мнв, позади которого изображена с супругом, так как надпись на косяке говорит от имени «казнохранителя свитка бога дома большого (т. е. дворца) Тп-м(-^снх)»: «сотворил (я) это для сына (моего) старшего казнохранителя свитка бога Хм-мнв, когда он (был) ребенком». Неправдоподобно также, чтобы она была дочерью своего супруга, в частности уже потому, что «дочь д.т» соответствует его званию «раб двойника д.т». Можно потому предположить, что Хм(.т)-²х.т(й) была дочерью самого Тп-м-^снх, а муж ее — его заупокойным жрецом. Поскольку последний не изображен служащим Хм-мнв, нет никаких оснований считать Р^с-хтп его жрецом; напротив, положение данной четы, в точности тождественное с положением противоположной и не имеющей никаких заупокойно-жреческих званий, способно утвердить в мысли, что левая чета тоже изображена не в силу причастности к заупокойной службе по сыне, а более из родственных чувств (заслуживает внимания тождество званий у обоих мужей,

а также известная однородность имен: $\dot{X}m$ -мнв — $\dot{X}m(.t)^{-2}x.t(\dot{y})$, $\dot{X}m(.t)^{-2}x.t(\dot{y})$ — $^{-2}x(.t\dot{y}?) - \dot{x}tp$, $^{-2}x(.ti?) - \dot{x}tp$ — $P^c - \dot{x}tp$) или за звание «одаренного», часто приписанное в староегипетских гробницах к изображениям второстепенных лиц, так или иначе услуживших сановнику и удостоенных увековечения на его памятнике. Наличие этого звания у обоих мужей говорит опять-таки скорее за отношение к родителю, нежели к юному сыну. По краткости «дочь д.т» — вместо «дочь его д.т» или «дочь его, что от д.т его» — напоминает «брата» или «сестру д.т», но надо заметить, что у писца нашего $Tp-m^c n\dot{x}$ могла быть вообще склонность писать подобные обозначения с пропуском притяжательного местоимения; ср. в приведенной надписи на косяке «сын старший» вместо обычного «сын его старший». Сомнение в правильности чисто родственного истолкования «дочери д.т» может вызвать соответствие между этим наименованием и «рабом двойника д.т» в титуле мужа. Однако даже при толковании первого обозначения в чисто родственном смысле это соответствие может быть понято из одинаково личного отношения мужа и жены к владельцу гробницы: муж был личным жрецом, жена — собственной дочерью сановника, и обозначения в конце титула каждого из них должны выражать это личное отношение к гостеприимному хозяину, наподобие начального «одаренный» в титулах обоих мужей.

Известная неясность, хотя и в другом смысле, чем в предыдущем примере, присуща и единственному мне известному случаю сочетания д.т со словом «жена». На гробничной притолоке «управителя плотников» $\dot{Z}t\dot{v}$ в конце заупокойного заклинания, после званий и имени хозяина, стоит: «жена д.т $\dot{Y}^c .t - \dot{y}b$ » (DARMK I 200=XLIII). Обычно имя жены вводится словами: «жена его»; здесь же притяжательное местоимение опущено и тем самым создано слитное сокращение, вроде «брат д.т», «сестра д.т», «дочь д.т», с которыми $\dot{x}m.t$ д.т «жена д.т» имеет и то общее, что между управляющим словом и управляемым не видно прилагательного принадлежности «что от», в данном случае $n(\dot{y}).t$. На данном примере особенно хорошо видно, что д.т в подобных сокращениях выступает заместителем притяжательного местоимения. Толковать «жену д.т» в смысле кровного родства, т. е. как жену от одной плоти с мужем, его сестру, нет не только никаких оснований, но положительно нельзя, так как это не объясняет отсутствия притяжательного местоимения, здесь совершенно необходимого. По-египетски понятие «жена» выражается тем же существительным, что и «женщина». Слово $\dot{x}m.t$ может означать то и другое, но чтобы «женщину» — основное значение — превратить в титуле в «жену», ей надо придать или существительное-определение — чья «женщина»? — или его замену, притяжательное местоимение. Если бы тут имелось в виду кровное родство супругов, «женщина (от) плоти» было бы весьма неудачным обозначением жены. Самое большое, оно могло бы сойти за описательное наименование для «сестры», но только такого наименования не существовало, и когда сестру ставили в связь с д.т, то говорили, как мы видели, «сестра д.т». Не менее причудливое сочетание получилось бы и тогда, если бы мы в занимающем нас сочетании слово д.т, ввиду написания его с сопроводительным знаком земли, поняли как обозначение некоего земельного владения. Если даже «жена его (от) имения» или «недвижимости» как обозначение жены-совладелицы звучит несколько странно, то что сказать о «женщине от земельной собственности» как обозначении супруги?

Но если ни истолкованием д.т в смысле кровного родства, ни объяснением его в смысле земельной собственности не достигается удовлетворительная передача для $\dot{x}m.t$ д.т, то есть еще одна возможность

понять это выражение, которая не только снимает трудности, сопряженные с отсутствием притяжательного местоимения, но является прямым приложением точного значения д.т в пирамидах к данному случаю. В самом деле, если значение «земельная собственность» или «заупокойное имение» не может быть подтверждено пирамидными надписями, то нельзя доказать и употребления в них д.т для обозначения кровного родства как такового. Когда пирамиды говорят об очах, груди, сердце или двойнике как тех, «что от плоти» такого-то, явно имеется в виду не то, что очи, грудь, сердце, двойник одной плоти с их обладателем, кровно сродни ему, а то, что они принадлежат к его «плоти», к нему самому, являются собственными его очами, грудью, сердцем, двойником. И когда говорится, что «тем, что от плоти» солнца или царя является «вещь всякая», то это значит, конечно, не то, что всё одной плоти с ними, кровно родственно им, а только то, что всё — их собственность, принадлежит им. Даже там, где на первый взгляд д.т кажется несомненно оттеняющим кровное родство, речь в действительности идет о принадлежности. Вспомним два места из пирамиды Унноса о солнечном сыновстве царя:

«Ра-Атум, пришел к тебе сын твой, пришел к тебе Уннос. Возвел ты (к себе) его, заключил ты его в объятия твои. Сын твой это, что от плоти твоей, навечно» (АР I 89—90);

«Атум, возвел ты Унноса этого, заключил ты его в объятия твои. Сын твой это, что от плоти твоей, навечно» (АР I 122).

Если бы «сын твой, что от плоти твоей» значило просто «твой родной, твой кровный сын», то разве мог бы сын перестать быть таковым, и что значит тогда утверждение «навечно», упорно повторенное и потому никак не случайное, в обоих случаях? Достаточно, однако, внимательно вчитаться в слова, предшествующие заверениям о сыновстве, чтобы сразу же заметить не только то, что смысл этих слов в обоих случаях одинаков, но и то, что им прекрасно объясняются оба «навечно». Солнце взяло к себе и заключило в свои объятия умершего властелина, приблизило его к себе, так что он будет, как сын, вечно при нем, вечно принадлежать ему. «Сын твой это, что от плоти твоей, навечно» получает тогда вполне удовлетворительный смысл, стоит только «что от плоти» понять так, как оно употреблено в прочих случаях в пирамидных надписях: «Он — твой собственный сын навечно».

Также и вне определения «что от плоти» д.т «плоть» не употребляется в пирамидах для выражения кровного родства. Некоторые из приводившихся выше оборотов могут, правда, казаться содержащими именно такое словоупотребление, но, вдумавшись в слова надписей, мы увидим, что в действительности его здесь нет.

«Плоть твоя (Усире) — плоть Унноса (или Нефр-ке-рэ) этого, мясо твое — мясо Унноса (или Нефр-ке-рэ) этого, кости твои — кости Унноса этого» (АР I 111).

«Плоть твоя — Пйопе этот, бог ... Плоть ваша — Пйопе, боги» (АР II 262).

«Услышь его, слово это, Рэ, которое сказывает тебе Ме-не-рэ (разночтения: «сказываемое тебе», «которое Ми-рэ сказывает тебе»). Плоть твоя — Ме-не-рэ (или Пйопе, Ми-рэ), Рэ: (да) животворишь ты плоть твою в нем (разночтение: «в Пйопе», «[в] Ми-рэ»), Рэ!» (АР II 298—299).

Ключ к пониманию этих заклинаний дает последнее предложение. «Да животворишь ты плоть твою в нем» не может значить ничего другого, как «Животвори самого себя в лице его» — приглашение, вытекающее из предшествующего ему утверждения: «Плоть твоя — Ме-не-рэ». Последнее поэтому может означать только: «Ме-не-рэ — ты

сам». Отсюда мы получаем превосходное толкование и для первого заклинания, напрашивающееся, впрочем, само по себе. Если «плоть твоя — плоть Унноса этого» значит только «твое тело — тело Унноса», заверение это было бы не более как бледным обобщением к более красочным последующим: «мясо твое — мясо Унноса этого, кости твои — кости Унноса этого». Если же вместо «плоти» поставим мысленно слово «сам», первое предположение станет таким же ярким, как и оба последующие, которые будут тогда не раздельным повторением, а содержательным раскрытием первого: «Самость твоя — самость Унноса этого (т. е. Уннос — ты сам): мясо твое — мясо Унноса этого, кости твои — кости Унноса этого». Такой перевод подсказывают и соображения общего порядка. Речь в этих заклинаниях, как то обычно в пирамидах, идет об отождествлении умершего царя с его божеством и тем самым о волшебном усвоении первым свойств или состояний второго; перед нами утвердительные заклинания, а не моления о помощи с ссылками на кровное родство.

Таким образом, даже самые, казалось бы, убедительные примеры употребления в пирамидах слова «плоть» для выражения кровного родства при проверке оказываются только частными случаями передачи с помощью «плоти» понятий «сам» или «собственный». Последнее понятие, «собственный», составляет смысл пирамидных определений «что от плоти» такого-то. Подставив это значение в выражение «жена д.т», мы получим вполне приемлемый перевод — «жена собственная», — и этот перевод хорошо подойдет к содержанию надписи в целом. После заупокойного заклинания на имя мастера такого-то упоминание «собственной жены», с заменой понятием «собственная» притяжательного местоимения, было бы вполне уместным, особенно если предположить, что жена была посвятившей надписи (изображен только супруг).

Значение «собственный» как нельзя лучше подходит и к прочим сочетаниям д.т с обозначениями родства: «брат собственный», «сестра собственная», «дети собственные», «дочь собственная». Подобные сочетания д.т могли быть даже особенно удобными в качестве заместителей соответствующих обозначений с притяжательными местоимениями, когда обилие изображенных лиц делало не совсем ясным, чьим, например, братом является тот или иной «брат его». «Брат собственный», напротив, не оставляло места ни для каких, даже самых придиричвых вопросов, так как недвусмысленно относил данного «брата» к собственнику гробницы. Под этим углом зрения легко объясняется и занимавшее нас выше обозначение «дочь д.т». Она была изображена ниже своего супруга и позади хозяйского сына, которому была посвящена ложная дверь. Будь здесь написано «дочь его», можно было бы подумать, что ее отцом был ее супруг или хозяйский сын, несмотря на его очевидную молодость. «Дочь собственная» ставило ее в связь с владельцем гробницы, точно так же как и ее мужа — «раба двойника д.т», т. е., согласно предложенному пониманию, собственного заупокойного жреца хозяина. Обсуждавшаяся выше приписка к изображению женщины, сидящей у ног сановника, — «сестра д.т, жена его, возлюбленная его, краса царева, что в чести у царя, Хнв[.т]» — станет совсем понятной, если только вместо д.т мы подставим «собственная». «Сестра собственная» рядом с «жена его» было бы вполне закономерно, поскольку не всякая жена была сестрою, и «собственная» оттеняло особенность данного положения: супруга — собственная сестра.

Толкование определений с д.т как примерно равнозначных с понятием «собственный» объясняет и сосуществование на первый взгляд тождественных «что от плоти» (нй д.т) и «что от утробы» (нй х.т)

такого-то. Мимоходом на это сосуществование было уже обращено внимание и замечено, что оба выражения вряд ли означали одно и то же применительно к детям. Теперь это различие можно уловить более отчетливо: «дети, что от утробы его» делает упор на телесное происхождение, «дети его собственные» — на связь между личностями.

Толкование определений с д.т как выражений понятия «собственный» оправдало себя применительно к обозначениям родства; надлежит проверить это толкование на прочих примерах таких определений. Но и сейчас уже словоупотребление пирамидных надписей и сходство между «братьями д.т» и просто «братьями» на гробничных изображениях делают невероятным, чтобы «братом/сестрою д.т» мог быть любой человек в силу соучастия в каком-либо владении. Существование же наряду с «братьями д.т» и «сестрами д.т» еще иных родственников д.т — «жен д.т», «дочерей д.т», «детей д.т» — прямо-таки исключает такую возможность. «Братья/сестры д.т» должны быть настоящими, а не условными братьями и сестрами.

б. Определения к обозначениям служащих

Из числа лиц, получающих в надписях определения с д.т, по частоте упоминания с такими определениями и по роду деятельности наиболее близки к родственникам заупокойные жрецы — «рабы двойника». На плите UAR 280 они значатся вместе с царскими жрецами как собственные, личные жрецы важных особ: «рабы божьи, рабы двойниковы, что от д.т их». Однако всего чаще они упоминаются в качестве «рабов двойниковых, что от д.т его» (читай: «что от плоти его», т. е. собственных его) в приписках к изображениям доставки ими умершему всевозможных даров. Все известные мне примеры — времени VI царского дома и совершенно одинаковы по составу обозначения и правописанию д.т: хм.в-к^2 (или хм(в)-к^2) н(й).в д.т.ф; д.т — змея + хлеб (гробницы Mpp.в-к², MM I LXXXVIII; MM II CVI A, CXX; Йххй, MKCI XIV, XXXI; $\text{нх-м}^c\text{-хр}$, RTS II XLIV, XLV, LIV, LVIII—LIX, LX—LXI); хм-к^2 н(й) д.т.ф, в единственном числе, трижды в гробнице Хнв, Бйв и Ппй (TRCP 100).

Со сходными составом и правописанием выражение засвидетельствовано и для речи в 1-м лице: «рабы двойниковы, что от д.т», — очевидно «(моей)», поскольку соответствующее местоимение 1-го лица единственного числа надписью не выписывается (склеп Ббй, CFSDMRC III + 25 = UAR 256); но другая надпись в гробнице неизвестного сановника, составленная в 1-м лице и содержащая завещание касательно его заупокойных жрецов, обходится без прилагательного принадлежности нй или — во множественном числе — нй.в.

«Не даю (я) быть властну рабу двойника какому-либо д.т (моей) (читай: (от) плоти (моей), т. е. собственному моему) в даче пашни, люда, [вещи каких-либо, сотворенных (мною) ему, чтобы возглашать (т. е. приносить заупокойную жертву) для (меня)] с помощью (их), в оплату (т. е. продавая) людям каким-либо (или) в (пере)даче по завещанию людям каким-либо, разве что даст [он сыну своему одному(?)] (или) тому, кто поделится с рабом двойника неким из рабов двойника (моих) этих» (UAR 12 = IHCE I = TIA V. 1210 = RTRPAEA XXIX 79 = DARMK I 113 = XXVIII).

«(Что) до раба двойника какого-либо д.т (моей) (читай: (от) плоти (моей), т. е. собственного моего), [который] наруш[ит] ---, что для возглашения (моего) (т. е. заупокойной жертвы моей), данного (мн)е царем сообразно бытию (моему) в чести, взято будет из руки его, (и) доля,

что под ним, [(будет) череде (жрецов), к которой он (принадлежал)]» (UAR 12—13 = IHSE I = TIA V 1211 = RTRPAA XXIX 81 = DARMK I 113 = XXVIII).

«(Что) до раба двойника какого-либо д.т (моей) (читай: (от) плоти (моей), т. е. собственного моего), который поведет тяжбу против второго (т. е. товарища) своего, (причем) сотворит он грамоту учинения (?) кривды (?) против раба двойника, [да отвратит он долю], что под ним, ради нее (?) (грамоты?), (то) взяты будут из руки его пашня, люд, вещи всякие, данные (мн)ою ему, чтобы возглашать (т. е. приносить заупокойную жертву) для (меня) с по[мощью] (их) ---» (UAR 13 = IHSE I = TIA V 1211 = RTRPAA XXIX 81 = DARMK I 113 = XXVIII).

«(Что) [до] раба двойника какого-либо д.т (моей) (читай: от плоти (моей), т. е. собственного моего), который выйдет (т. е. перейдет) на другую службу перед сановниками (т. е. законным порядком) ---» (UAR 13 = IHSE I = TIA V 1211 = RTRPAA XXIX 84 = DARMK I 113 = XXVIII).

«...[пашня, люд, вещь всякие, сотворенные (мною) (?)] рабам двойника д.т (моей), чтобы возглашать (т. е. приносить заупокойную жертву) для (меня) с помощью (их) в гробнице д.т (моей), которая в (месте), что под богом (т. е. на кладбище у подножия царской пирамиды), в [(месте пирамиды) «Велик Шеф-рэ (т. е. Хефрен)»] (UAR 13 = IHSE I = TIA V 1211 = RTRPAA XXIX 82 = DARMK I 113 = XXVIII).

«--- рабы двойника эти д.т (моей) (читай: (от) плоти (моей), т. е. собственные мои)» (UAR 11 = IHSE I = TIA V 1210 = RTRPAA XXIX 75 = DARMK I 112 = XXVIII).

Поскольку надпись не выписывает притяжательного местоимения 1-го лица единственного числа, это местоимение могло читаться не там, где я поместил его в переводе, — после д.т (см. предшествующие примеры с местоимением 3-го лица), а после «рабов двойника» или — что, впрочем, невероятно — после того и другого. Сходный случай был, возможно, представлен в гробнице Мх-в(й)-²х.т(й) (MIO I 328).

Имеются и еще более краткие сочетания «раба двойника» с д.т, обходящиеся не только без прилагательного принадлежности, но и заведомо без притяжательного местоимения. Таковы приписки к изображениям отдельных лиц в гробнице Нфр.с-рс (G IX 65) и на ложной двери Хм-мнв в гробнице Тп-м-^снх (MAE 200 = DARMK I 89 = XX). В первом случае «раб двойника д.т» приписано к изображению мужчины, кадящего некоему Н(й)-к².в-хнмв, во втором случае — к изображению второстепенного лица, сидящего в числе других мужчин и женщин, сбоку от хозяина двери, за особым столиком с яствами, причем поставлено после титула и имени: «одаренный, наставник шзм.т Р^с-хтп, раб двойника д.т». Ни Н(й)-к².в-хнмв, ни Хм-мнв не являются хозяевами гробниц, где они удостоились изображений, и потому «раб двойника д.т» (читай: «раб двойника (от) плоти», т. е. раб двойника собственный) мог быть вовсе не их, а хозяйским заупокойным жрецом, и д.т «(от) плоти», иначе «собственный», могло даже прямо указывать на принадлежность владельцу гробницы, а не гостям. Это особенно правдоподобно в случае Хм-мнв, так как ниже «раба двойника д.т» Р^с-хтп изображена «жена его Хм(т)-²х.т(й), дочь д.т». Последняя вряд ли могла быть «дочерью собственной» Хм-мнв, так как хозяин усыпальницы говорит о себе на ложной двери сына: «сотворил (я) это для сына (моего) старшего казнохранителя свитка бога Хм-мнв, когда он (был) ребенком». Потому лучше, быть может, считать «раба двойника» и «дочь» «собственными» не Хм-мнв, а его родителя.

Я думаю, что во всех перечисленных сочетаниях «раба двойника» с д.т. смысл «собственный заупокойный жрец» может быть допущен без каких-либо затруднений. Более того, он очень хорошо объясняет, почему в завещании раба двойника с таким странным упорством ставятся в связь с д.т.: то был удобный способ, не выписывая притяжательного местоимения 1-го лица единственного числа, выразить письменно, как то подобало в точном правовом установлении, что речь идет о заупокойных жрецах самого завещателя. Таким образом, и здесь возможно опять-таки усмотреть в д.т. своеобразного заместителя притяжательного местоимения.

Иные обозначения служащих, нежели «раб двойника», только изредка попадаются в сочетании с д.т. В гробнице Мрр.в-к² (ММ I XXIII) в связи с доставкой ему заупокойных жертв из его угодий в «Низовье (и) Верховье» упоминаются «властели, что от д.т. его» (читай: «что от плоти его», т. е. собственные его). Имеются в виду управляющие селений, принадлежавших лично вельможе. Властели управляли и селениями, принадлежавшими казне. Поэтому вполне уместно было отличать частных управляющих от государственных, наименовав «собственными его», — т. е. вельможи, — властелями.

В гробнице областного князя Йбй хозяин изображен смотрящим на всевозможные ремесленные работы, и над ним надписано:

«Смотрение на работу всякую в мастерской мастеров в руках мастеров всяких, что от столицы (и) извне, счет рук мастеров всяких писцами, что от д.т. его (следовательно: что от плоти его, т. е. собственными его), сотворение замысла работы всякой» (RTDG I XIII).

Состав мастеров в данном заведении был двойственным: наряду с мастерами «столичными», дословно «внутренними», там работали мастера не столичные, мастера «извне». Но так как производство работало лично на князя, поскольку оно изображено в гробнице — на его гробницу, и обслуживание его особы объединяло смешанный состав работников, естественно было и учет производства вести не казенным счетоводам, а писцам самого вельможи, которые учитывали его личное хозяйство, — «писцам, что от плоти его», его собственным писцам.

В той же гробнице изображены два писца, присутствующие при севе и пахоте, и посередине помещена надпись столбиком, сильно поврежденная вверху, но вряд ли значащая что-нибудь иное, как «писцы, что от д.т. его (следовательно: что от плоти его, т. е. собственные его)» (RTDG I VII). От слова «писцы» уцелел прямоугольный низ писчей дощечки, сидящий мужчина и две последние черточки множественного числа. Я не знаю, чем другим мог бы быть этот прямоугольный остаток, хотя прилагательное принадлежности стоит странным образом не в мужском (н(й).в), а в женском роде (н(й.в).т). Прямоугольный конец никак не подходит по высоте к д²д².т. «присутствие», к тому же это слово никогда не пишется в Старом царстве с черточками множественности. Можно было бы подумать о «писцах [рабочих дружин (йз.т)], что от д.т. его» и отнести женское «что от» за счет «рабочих дружин», но нет примеров, где бы «писец дружин» или сходное сочетание соединялось со словом «д.т».

в. Определения к обозначениям подневольных людей

Переходя к обозначениям подневольных людей, можно заранее ожидать встретиться здесь с отнесением к д.т., потому что речь пойдет о людях, принадлежащих вельможе, для которых принадлежность ему будет их отличительным признаком. Соответственно и самое понятие

«собственный» будет означать принадлежность уже не в силу родства, подчинения или найма, а в силу прямого обладания. Памятники вполне оправдывают ожидания.

Согласно принятому пониманию, сюда относятся две одинаковые надписи на одной ложной двери из гробницы Йт-х³х³ (?): «Купленники, что от д.т (моей) (следовательно: что от плоти (моей), т. е. собственные мои), которых достал (я) за вознаграждение, запечатленные в договоре, что от хт, дабы возглашали они (т. е. приносили заупокойные жертвы) для (меня) в (месте), что под богом (т. е. на кладбище у подножия царской пирамиды)» (ММОА II 785 = SPE I). Вместо «купленники, что от д.т (моей)» можно также читать, за пропуском надписью притяжательного местоимения 1-го лица единственного числа, «купленники (мои), что от д.т» или «купленники (мои), что от д.т (моей)». Словом «купленники» мною передано выражение йсв — одного, надо думать, корня с йсв «вознаграждение» («вознагражденские») и, видимо, тождественное с йсвв — обозначением карликов, личных слуг вельможи, в гробнице Н(й)-св.т-нфр (G III между 166 и 167).¹ Данная надпись говорит вполне определенно, что ее «купленники» были добыты за вознаграждение. Слова «достать в вознаграждение (за нечто отданное)» — обычное выражение для понятия «купить». «Мои собственные невольники, приобретенные мною путем покупки с соблюдением законных правил» — лучшего смысла для данного места и не придумать, если только правильно общепринятое понимание.

Несколько раз д.т служит определением для собирательного обозначения подневольных производителей мр.т «челядь».

Хвалясь своими добродетелями, областной князь Йбй говорит в одной из поврежденных гробничных надписей, что делал что-то «с помощью упряжек (быков) (и) с помощью челяди, что от д.т (моей) (следовательно: что от плоти (моей), т. е. собственных моих)» (RTDG I XXIII; поскольку притяжательного местоимения 1-го лица единственного числа надпись не выписывает, его можно читать также после «упряжек» и «челяди» или только после них, опустив после д.т). Вслед за этим упоминается глагол «пахать» или производное от него существительное, а непосредственно перед «упряжками» стоит м пр.т, — к сожалению, без сопроводительного знака после второго слова; в м пр.т тем не менее хотелось бы видеть «с помощью семян». Таким образом, князь хвалился тем, что пахал что-то с помощью собственных быков и людей. Значение «собственный» для «что от д.т» будет здесь как нельзя более кстати и имеет в виду принадлежность людей в силу обладания ими, так как прилагательное принадлежности «что от», следующее за «челядью», словом женского рода, стоит тем не менее во множественном числе мужского рода и потому относится одинаково и к «упряжкам» (хтр.в), с которыми согласовано в роде, и к «челяди», за которую следует.

Тот же князь в другой, тоже поврежденной надписи гробницы говорит о неких своих владениях, что они были снабжены «челядью, что от д.т (моей)» (следовательно: «что от плоти (моей)», т. е. собственной моею) и наполнены «быками, козами, ослами» (RTDG I VII = UAR 144; «мой»; как в предыдущем примере, можно читать и после «челяди» или даже только за нею). Значение «собственный» для «что от д.т» и в этом (к сожалению, поврежденном) месте представляется вполне уместным.

¹ H. Junker. Giza V. Akademie der Wissenschaften in Wien, philos.-hist. Kl., Denkschriften, 71. Band, 2. Abhandlung, Wien—Leipzig, 1941, S. 8—10.

Наконец, в неясной связи, в месте сильно поврежденном, «челядь, что от д.т твоей» (следовательно: «от плоти твоей», т. е. собственная твоя) упоминается указом царя Хора Нетр-биу на имя его верховного сановника касательно набора для поминальных каплиц последнего надзирателей заупокойных жрецов (храм Мина в Кебто, UAR 303).

Родственному «челяди» слову тз.т «соединение», обозначававшему в Старом царстве как военные, так и рабочие отряды, определение с д.т придано в гробнице областного князя Д^св. Над изображением людей, влекущих сани с надгробной сенью, написано: «Препровождение надгробной сени соединениями, что от д.т его (следовательно: что от плоти его, т. е. собственными его) (и) области, (что) под рукою его» (RTDG II VII). На первый взгляд могло бы показаться, что в этом месте перевод д.т как «земельная собственность, имение» предпочтительнее предлагаемого «плоть, самость». При переводе «Препровождение надгробной сени соединениями, что от имения его (и) области под рукою его» получалось бы как будто очень стройное построение заключительной части предложения: частное имение, принадлежащее князю на правах собственности, противопоставалось бы государственной области, состоящей у него только в управлении, и противопоставлялись бы понятия одинаково земельного порядка — имение и область, а не такие внешние несоизмеримые вещи, как «плоть-самость» и область. Однако против подобного, на вид очень гладкого толкования говорит не только словоупотребление д.т в целом, как оно прослежено в этой работе, но и самое употребление его в противопоставлениях частного государственному. Ниже будет показано, что «дом д.т» как поставщик сельскохозяйственных благ противопоставляется «дому царя» как источнику преимущественно ценных масел и полотен, а как владельцу рабочей силы «дому д.т» противостоят царь и «местопребывание (царя)» (хнв), — т. е. двор / государство, — поставляющее «дому д.т» добавочных работников. Здесь д.т противостоят не земельные понятия, а царь и государство, противопоставление лежит не в плоскости землевладения, а в плоскости обладания вообще, в противоположении нет ничего поземельного, оно сводится к противоположности частного и государственного вообще. Исходя из сходного словоупотребления, нет потому никакой нужды вычитывать и в разбираемом случае что-то большее, чем обычное противопоставление частного государственному, и предложенный выше перевод представляется вполне оправданным. Можно еще заметить, что и противопоставляется в разбираемом предложении словам «д.т его» не просто «область его», что давало бы внешний повод для сопоставления их как одинаково земельных понятий, а «область под рукою его». Притяжательное местоимение, составляющее стержень противопоставления, придано не «области» — что только естественно, раз надо было оттенить управление, не владение князем областью, — а «руке», т. е. части княжеской плоти, подобно тому как и в случае д.т, если видеть в ней «плоть», оно тоже окажется приданным «плоти» князя. Получается даже довольно стройно: рабочие соединения, принадлежащие лично князю — его самости, «плоти», — и области, находящейся только «под рукою его». Противопоставление лежало бы тогда с внешней стороны в плоскости «плотных» представлений.

Заканчивая обзор д.т в определениях подневольных людей, можно назвать еще две поврежденные приписки к изображениям, включавшим в себя и изображения подневольных людей. Обе надписи помещаются в гробнице Мрр.в-к² (MM I XLVIII) и уцелели только в заключительных, почти тождественных частях: «[Смотр (того-то и того-то), доставляемого (такими-то людьми)], что от д.т его (следовательно: от плоти его, т. е.

собственными его), чтобы возглашать (т. е. приносить заупокойную жертву) для него посредством того». В обеих надписях «что от» — мужского рода множественного числа; в одной надписи перед «что от» уцелел еще трижды повторенный для выражения множественного числа значок мужчины, так что не может быть никакого сомнения, что предшествовало какое-то обозначение людей, но спрашивается, какое? Приписка, ныне более короткая, в которой нет трехкратного значка мужчины, поясняла изображение вельможи, смотрящего на лов рыбы неводом и доставку улова и, может быть, еще на что-нибудь совсем иное, так как верх изображения не сохранился. С первого взгляда может показаться, что людьми, доставляющими потребное для заупокойной жертвы, и были рыбаки, несшие хозяину свой улов. Однако рыба не входила в состав заупокойной жертвы, ее нет ни на изображениях среди яств, предназначенных для усопшего, ни в перечнях желательных для него кушаний. Потому доставщиками заупокойных приношений должны были быть другие люди; вероятнее всего, что речь шла о «рабах двойника», т. е. заупокойных жрецах, помещавшихся тогда в верхней, ныне погибшей части изображения. Тех же «рабов двойника» надо восстановить, вероятно, и в уцелевшей немного полнее — с тройным значком мужчины — родственной приписке. Это тем вероятней, что здесь перед вельможей уцелели изображения не только женщин, представлявших селения и несших хозяину их произведения, но и мужчин с дарами, как две капли воды похожих на достоверных заупокойных жрецов, как они изображены в староегипетских гробницах. Приписки к изображениям доставки заупокойных приношений «рабами двойника» кончались в гробнице Мрр.в-к² точно так же, как обсуждаемые нами приписки (ММ I LXXXVIII; ММ II CVI A, CXX). Это хорошо согласуется с высказанными предположениями, хотя само по себе еще не доказывает их правильности, поскольку точно таким же образом у Мрр.в-к² кончается и приписка, где действующими лицами являются не заупокойные жрецы, а «властели, что от д.т его» (ММ I XXIII; см выше в подразделе о д.т в определениях служащих). Рассмотренные две поврежденные надписи Мрр.в-к² касаются, следовательно, наверное не подневольных людей, а «рабов двойника».

г. Определения к обозначениям скота

В еще большей мере, чем у подневольных людей, можно заранее ожидать встретиться с определением «собственный» для скота вельможи. И выражения с д.т действительно встречаются в таком применении. В гробнице Мрий читаем: «Смотр быков, мелкого рогатого скота (и) ослов, что от д.т его (следовательно: что от плоти его, т. е. собственных его), другом единственным Мрий» (A XII).

Рассказывая о своих добродетелях, областной князь Йбй говорит в поврежденной гробничной надписи, что делал что-то «с помощью упряжек (быков) (и) с помощью челяди, что от д.т (моего) (следовательно: что от плоти (моей), т. е. собственных моих)» (RTDG I XXIII = UAR 144); поскольку притяжательного местоимения 1-го лица единственного числа надпись не выписывает, его можно также читать после «упряжек» и «челяди» или только после них, опустив после д.т. Сейчас же дальше упоминается глагол «пахать» или производное от него существительное, а непосредственно перед «упряжками» стоит м пр.т, к сожалению без сопроводительного знака после второго слова, но так и напрашивающееся на перевод «с помощью семян». Князь хвалился, что пахал что-то с помощью собственных быков и людей, и значение «собственный» для «что от д.т» было бы здесь особенно кстати, если он хотел подчеркнуть,

что обработал что-то своими средствами, а не управляемой им области. Что определение «что от д.т» относится не только к «челяди», после которой употреблено, но и к «упряжкам», видно по тому, что прилагательное принадлежности «что от» стоит в мужском роде множественного числа, а не в женском, согласуясь, тем самым, не с непосредственно предшествующей «челядью», которая женского рода, а с более отдаленным, но первым по порядку мужским словом «упряжки».

д. Определения к обозначениям земли

Если существовала частная собственность на землю или, по меньшей мере, частное владение ею, не будет неожиданностью встретить определение «собственный» после тех или иных обозначений земельных владений вельможи. Один случай такого употребления д.т представлен в гробнице областного князя Д^св, где над изображением дерганья льна на поле читаем: «вырывание [л]ьна на полях (?), что от д.т его (следовательно: от плоти его, т. е. собственных его): 78[9]1[5]» (RTDG II VI). Число имеет в виду, наверное, количество выдернутого льна (78[9]1[5] связок?). Как точно прочесть и передать слово, переведенное мною с вопросительным знаком как «поля», я не знаю. Оно написано тремя знаками, напоминающими положенные на бок и сильно вытянутые три знака колодца хм, хлебом т, передающим однозвучное с ним окончание женского рода, и знаком, как будто бы тождественным со знаком земли, употребленным в качестве сопроводительного знака и окрашенным в зеленый цвет. Навряд ли загадочное слово может значить что-нибудь другое, как засеянные льном поля. Определение «что от плоти его», т. е. собственные, могло быть особенно уместно в гробнице областного князя, если желательно было указать, что сбор льна производится на его полях, принадлежащих лично вельможе, а не только находящихся под его управлением как главы данной области (ср. в конце подраздела об определениях к подневольным людям «соединения, что от д.т его (и) области под рукою его»). Лен, собранный на государственных полях, подведомственных областному князю, не был его частным достоянием, но собранный на собственных полях вельможи поступал всецело в его личное пользование, а увековечению такого пользования навсегда и на том свете и должны были служить производственные изображения староегипетских гробниц.

е. Определения к обозначениям селений

Наиболее поучительной в данном отношении была бы надпись в гробнице областного князя Йбй, сохранилась она в лучшем виде и знает мы лучше деловые выражения того времени. Она помещена под изображением женщин, представляющих селения и несущих хозяину произведения их. Ниже надписи изображен скот. Мне думается, что перевести ее надо так:

Изображенные вверху селения несут свои поставки «для [двойника] князя, властеля двора, друга единственного, того, что у главы царя, чтимого Йбй.

«Сотворил (я) это (т. е. эти селения) как городцы, что от д.т (моей) (следовательно: что от плоти (моей), т. е. собственные мои), на (месте?) чистом (т. е. никем не занятом) из (да)-будет-мирен-(и)-даст-царь (т. е. из царского заупокойного дара), данного (мн)е величеством владыки (моего), [чтобы] сотворить (мн)е па[ш]нюю --- [Населил (или сходный глагол) (я)?] эт[о] (т. е. селения) челядью, что от д.т (моей) (следовательно:

что от плоти (моей), т. е. собственной моей), наполнил (или — что будет не так гладко: причем полно было оно) быками, козами, ослами из сотвор[енного] (т. е. приобретенного?) [мышцею (моею) (?)], помимо вещ(ей) отца (моего), а я (был) властелем двора, что от дома шн^{св} (и) что от (т. е. в размере?) папши 203 сот (сот = свыше 2700 кв. м), да[нных (мн)е] величеством владыки (моего), чтоб укрепить (меня)» (RTDG I VII = UAR 144—145).

Поскольку надпись не выписывает притяжательного местоимения 1-го лица единственного числа, это местоимение, при желании, можно читать также после «городцов» и «челяди» или даже только после них одних, опуская после д.т.

Смысл надписи, думается, примерно таков. Изображенные над нею, в лице своих представительниц, «городцы» должны вечно поставлять потребное для княжеских поминок, служить им обеспечением. Никто не смеет отнять их у князя, так как они — его неотъемлемое и законное достояние. Он создал их как свои собственные, не как государственные, — а последнее он тоже мог сделать, будучи областным князем, — на месте, до того никем не занятом, и в силу царского дарения. Населил он их тоже своими собственными, а не чужими или государственными, подневольными людьми и снабдил скотом, бывшим также его частным имуществом, благоприобретенным или доставшимся по наследству от отца. По тому, что в конце надписи князь вдруг припоминает свое управление казенным «двором», владевшим двумястами сот пахотной земли, данной князю в «подкрепление» царем, можно подумать, что земля, дарованная царем в обеспечение поминок, была выделена из этих земель. Частица ск, вводящая замечание об управлении «двором» и его землях, могла как раз присоединять подобное пояснение к основному сообщению. Мне кажется, что при предложенном понимании надписи наличие в ней «что от д.т» в смысле «собственный» было бы более чем оправданным.

Выражение м в^{сб} «в чистоте» в начале надписи хорошо оттеняло бы значение «что от д.т» как «собственный». Слово того же корня в^{сб}, только с иным окончанием и женского рода (в^{сбв.т}), следует за «городцами, что от д.т» еще в одном случае, но на этот раз в составе не обстоятельственного выражения, а второго определения к «городцам». В ныне безымянной гробнице около пирамиды Шеф-рэ, в конце подробного завещания касательно заупокойных жрецов, уцелело начало статьи его, толковавшей о «городцах», выделенных в обеспечение поминальной службы, — к сожалению, одно начало, так как дальше до конца надпись совершенно разрушена:

«(Что) до городцов, что от д.т. (моей), что от чистоты (?), с [ко]их (будут) жречествовать ---» (UAR 15 = IHCE I = TIA V 1212 = RTRPAEA XXIX 90 = DARMK I 113 = XXVIII).

Поскольку надпись не выписывает притяжательного местоимения 1-го лица единственного числа, это местоимение можно читать также после «городцов» и даже только после них одних.

Употребленный здесь глагол «жречествовать», дословно «чистительствовать», «быть жрецом чистителем» (в^{сб}), — одного корня с последующим «чистота» (?), в^{сбв.т}). Слова стоят непосредственно рядом, и было бы, на первый взгляд, только естественным, если бы и значения их были однородными. Второе слово несомненно значит «жречествовать». Не будет ли первое в таком случае отглагольным существительным «жречествование» — «жреческая служба»? Перевод выглядел бы тогда так: «(что) до городцов, что от д.т. (моей), что от жреческой службы (т. е. предназначены для содержания жрецов), с [ко]их будут жречествовать ---». При таком понимании смущает, однако, бессодержательность повторе-

ния подряд одного и того же определения с помощью слов одного и того же корня: предназначенные для жреческой службы и те, с коих будут нести жреческую службу, по существу дела ведь одно и то же. Поэтому ближе к действительному смыслу первого слова будет все-таки не «жреческая служба», а «чистота», в смысле местонахождения на чистом, не занятом месте или беспспорности владения.

В таком случае «чистота» и здесь оттеняла бы предполагаемое значение «что от д.т.», но только не она обусловила придание «городцам» этого определения, так как на протяжении всей предшествующей и притом весьма пространной части завещания д.т многократно прилагается как определение к заупокойным жрецам и гробнице вельможи (см. подразделы о д.т в определениях к служащим и постройкам). Поскольку в данном месте речь шла о городцах, с коих должна была нестись жреческая служба по умершим, употребление здесь «что от д.т» для определения этих городцов только продолжало словоупотребление предыдущих статей завещания, касавшихся того же самого предмета — заупокойных жрецов и их обеспечения.

Если К. Зэте прав в своем восстановлении начала одной из предшествующих статей завещания, там тоже упоминались «городцы» с определением «что от д.т»:

«[(Что) до городцов], что от д.т (моей) (следовательно: что от плоти (моей), т. е. собственных моих), данных (мн)е царем, чтобы был (я) в чести, которые сохранены (т. е. освобождены от государственных повинностей) для возглашения (т. е. заупокойной жертвы) (моего) против (т. е. согласно) перечня --- д.т (=вечно?), чтобы возглашалась (т. е. приносилась заупокойная жертва) для (меня) с (них) в гробнице д.т (моей), которая на (месте), что под богом (т. е. на кладбище у подножия царской пирамиды), на (месте пирамиды) [Велик]-Шеф-рэ --- [нашню, люд,] вещь всякую, сотворенные (мною) им (т. е. заупокойным жрецам)» (UAR 14—15 = IHCE I = TIA V 1212 = RTRPAA XXIX 89 = DARMK I 113 = XXVIII).

В примечании к своему изданию К. Зэте готов допустить в начале вместо множественного числа «городцы» единственное «городец» ввиду определенно женского окончания у хв.т(й) «сохранена/сохранены» — «городец» нв.т женского рода; но как бы рано ни стало выходить из употребления женское окончание т(й) в 3-м лице множественного числа, полностью оно не отмерло еще в Старом царстве, и потому, глядя на множественное число «городцы, что от д.т (моей)» в конце завещания, хочется и здесь восстанавливать то же; вместо слова «городец» можно бы восстановить также «двор» (хв.т) или — если бы хватило места — «двор двойника» (хв.т-к²), часто упоминающиеся в гробницах, наряду с городцами, как разновидности вельможных владений; однако «городцы» куда привычнее этих «дворов» и к тому же названы в конце завещания; придумать же еще что-нибудь как будто невозможно.

Читая об обелении («сохранении») от повинностей заупокойных владений вельможи, можно подумать, что здесь кроется ключ к пониманию «чистоты» городцов в выше рассмотренных надписях. Однако если бы «чистота» сводилась к свободе от повинностей, как бы могло случиться, что в точном правовом памятнике в одной статье такая свобода обозначалась строго правовым выражением «быть сохранным», а в другом — словом «чистота»? Достаточно пробежать завещание, чтобы убедиться, что боязнью повторения составитель как человек, искушенный в правовых делах, не страдал ни в малейшей степени, и потому «сохранность» и «чистота» должны быть разными вещами. Предложенное выше понимание «чистоты» как местонахождения на чистом, неза-

нятом месте или бесспорности владения выигрывает, следовательно, в отношении правдоподобности.

В гробнице Спм-нфр «что от д.т» служит определением одновременно «городцам» и полностью заупокойному виду владений: «дворам двойника».

«Доставка возгласения (т. е. заупокойной жертвы) всякого доброго городцами (и) дворами двойника, что от д.т (следовательно: что от плоти, т. е. собственными)» (MAE 398).

Отсутствие какого-либо притяжательного местоимения будет не столь заметным, если «что от д.т» значило «собственный» и тем самым служило ему заместителем.

Много для уяснения подлинного смысла д.т могла бы дать приписка к изображениям в гробнице Пхн-в(й)-к², если б только можно было положиться на точность столетнего издания и добросовестность древнего писца. В том виде, как приписка издана, она может быть понята только так:

«Доставка приветствия (т. е. приветственного приношения) городцами его, что от того, что от д.т его, которые в Низовье (и) Верховье, что от дома д.т» (DAA II XLVI).

При всей своей краткости надпись вызывает не один недоуменный вопрос. Первое затруднение — буква «н» между нд(.т)-хр «приветствие» и нв.вт.ф. «городцы его» — несущественно и разрешается просто. «Приветствие» — слово женского рода, мужской разновидности неизвестно; потому последующему слову, буде оно было прилагательным принадлежности «что от», надо было бы быть соответственно тоже женским, а не мужским: н(й).т, а не н(й). Поскольку женское окончание опущено (изданием?) в самом нд(.т)-хр, не было бы ничего особенного, если бы оно было пропущено и после воды н. Однако думается, что дополнить надо не хлеб т после воды н, а тростник й перед ним, чтобы получился тем самым предлог йн «со стороны», вводящий действующее лицо после неопределенного наклонения и страдательного залога. Первое налицо в данной надписи, и староегипетские гробницы постоянно говорят о «доставке» или «доставляемом» «со стороны (йн) городцов». Можно даже вовсе ничего не восстанавливать, так как и одна вода н (предлог «н» или неполно выписанное йн) имело подчас силу йн «со стороны».

Много существеннее и сложнее второе затруднение, с которым неразрывно связано третье. Второго затруднения не было бы вовсе, если бы между «городцами его» и «д.т его» было одно, а не два н(й).т «что от». Тогда все было бы совсем так, как обыкновенно писалось в староегипетских надписях: то или иное существительное + прилагательное принадлежности + д.т с притяжательным местоимением. Так же надо или объявить второе «что от» ошибкою — издания или древнего писца, — или же соединить его с последующим д.т в одно выражение. Получилось бы н(й).т д.т «то, что от д.т». Невозможного в таком образовании ничего нет, — и, как будет видно ниже, разновидность мужского рода н(й) д.т была известна Старому царству. Для н(й).т д.т можно предположить два значения. Во-первых, «то, что от д.т», иначе «то, что от плоти», т. е. «собственное», могло бы обозначать совокупность собственных людей вельможи, его челядь. «Городцы» воспринимались не как простая совокупность зданий и земельной площади, а как населенные, живые величины, как собирательные личности (ср. олицетворение их на изображениях в виде мужчин или женщин сообразно роду их названий и введение в надписях «городцов» как действующих лиц после неопределенного наклонения или страдательного залога посредством

предлога йн «со стороны» — делание или делаемое «со стороны городцов», — что возможно только, когда действуют живые существа). Сказать «городцы его (т. е. население в городцах), что от собственного люда его» было бы, пожалуй, возможно. Но только это не может быть правильным решением, потому что обозначением собственных людей было, как будет видно из дальнейшего, простое д.т или н-д.т; нй.т д.т нигде не засвидетельствовано. Вторая возможность объяснить н(й).т д.т сводилась бы к предположению, что в нем мы имеем иначе не засвидетельствованное, но и не опровергаемое существованием соответственных выражений обозначение «собственности». «Городцы его, что от собственности его» звучало бы не так уж плохо. Однако то же самое передавало обычное «что от д.т», и неизвестно, зачем надо было вместо него придумывать громоздкое «что от того, что от д.т»? Потому я думаю, что здесь налицо не единственный пример иначе неизвестного слова «собственность», а простая небрежность издания или древнего писца, и читать надо только одно н(й).т: «городцы, что от д.т его», следовательно «городцы, что от плоти его», т. е. собственные его.

Такое чтение будет вполне в духе староегипетских надписей, но тут возникает третье по счету затруднение: как примирить это место с концом надписи? Если здесь уже сказано, что «городцы» принадлежат к д.т, т. е. являются собственными, зачем понадобилось повторять это там, прилагая к ним сходное определение — «что от дома д.т» (что это определение к «городцам», а не к «Низовью (и) Верховью», явствует как из невозможности для последних принадлежать дому д.т, так и из женского рода н(й).т «что от»). Затруднение было бы значительно облегчено, если бы было возможно вычитывать после «городцов его» «что от собственного люда его», так как собственный люд и собственный дом, собственное хозяйство — достаточно различные понятия, но только такое чтение, как сказано, совершенно неправдоподобно. Остается потому и тут предположить ненужное повторение писцом одной и той же мысли («что от д.т его» и «что от дома д.т»), и это сделать нетрудно, если за счет его отнести и ненужное повторение после «городцов» прилагательного принадлежности.

ж. Определения к обозначениям построек

В предпоследнем примере определение «что от д.т» прилагалось, в частности, ко «дворам двойника», но там это был определенный, именно чисто заупокойный род владений, как следует и из упоминания вместе с городцами, и из поставки теми и другими потребного для заупокойной жертвы. Иного рода «дворам двойника» (хв.т-к²) посвящен указ одного из царей конца Старого царства на имя верховного сановника или правителя, так называемого «везира», Шм²й. «Дворы двойника», в которых царь хочет обеспечить поминальную службу по сановнике, — это личные заупокойные каплицы его внутри городского храма Мина в Кебто.

«Хор, божественный душами —

«Указ царя отцу бога (т. е. радетелю цареву) возлюбленному, князю, распорядителю города (при пирамиде, т. е. градоначальнику столицы), вратарнику-судье (т. е. верховному судье, судившему некогда у правительственных врат), правителю, распорядителю писцов грамоты царевой, распорядителю рабов бога (т. е. жрецов), жрецу (такому-то) Мина Шм²й.

«Приказало величество (мое) набрать тебе 12 наставителей рабов двойника (т. е. надзирателей за заупокойными жрецами) во двор двой-

ника --- (пробел, возможно, умышленный, вследствие истребления ошибочно повторенного «что от д.т твоей», как допускает К. Зэте), что от д.т твоей (следовательно: что от плоти твоей, т. е. собственный твой; «что от» согласовано в роде с «двором двойника»), чтобы жречествовать тебе, чтобы читать(?) тебе месяц один.

«Приказало величество (мое) набрать тебе 12 наставителей рабов двойника во двор двойника, что от д.т твоей (следовательно: что от плоти твоей, т. е. собственный твой), который во дворе бога (т. е. во храме) Мина Кебто.

«Приказало величество (мое) набрать тебе 12 наставителей рабов двойника во двор двойника верхний, что от д.т твоей (следовательно: что от плоти твоей, т. е. собственный твой).

«Приказало величество (мое) набрать тебе 10 наставителей рабов двойника, чтобы творить тебе вещь (т. е. совершать тебе жертвоприношение) в (течение?) года ---.

«Приказало величество (мое) набрать 10 наставителей рабов двойника жене [твоей], дочери царя старшей, красе царя единственной, Нб. т, чтобы жречествовать для [нее], чтобы читать? для нее месяц один в... --- во дворе двойника, чт[о от д.т твоей (следовательно: что от плоти твоей, т. е. собственном твоём)].

«Приказало величество (мое) набрать [(столько-то)] наставителей рабов двойника--- из челяди, что от д.т твоей (следовательно: что от плоти твоей, т. е. собственной твоей) набр--- семьи в области двух соколов (т. е. в области Кебто)---, что от д.т твоей.

«А после--- в (или: согласно?) то, что под печатью (т. е. запечатанную грамоту)---.

«Было дано прийти [д]ру(зьям) [единственн(ым) Хмй (и)Йн-(й)т.ф по поводу этого].

«Запечатано 6-бок царя самого (т. е. в личном присутствии царя) месяца 2-го [Выхожденья числа 20-го]» (UAR 302—203).

«Двор двойника, что от заупокойного имени твоего» или «от земельной собственности твоей» звучало бы определенно неестественно применительно к поминальным каплицам внутри городского храма и на храмовой земле. Наоборот, при предлагаемом понимании д.т все выходит гладко и просто: речь идет о собственных—частных—личных каплицах вельможи, и обозначить их так было особенно уместно, поскольку они были расположены внутри городского храма, на храмовой, а не на своей земле.

Особенно часты случаи употребления д.т с предшествующим прилагательным принадлежности или без него как определения к слову йз «гробница». Первое, правда, что приходит на ум, когда видишь такие сочетания, как «гробница д.т» или «гробница, что от д.т», — это слово д.т «вечность», и хочется видеть здесь именно его и соответственно переводить «гробница вечности», «гробница, что от вечности», так как «гробница вечная» дает очень хороший смысл. Однако в действительности д.т в этих сочетаниях совсем не «вечность», а то самое слово, разгадкой которого мы занимаемся. Что это действительно так, со всею желательной достоверностью доказывается двумя тождественными надписями в совместной гробнице заведующего пением при царском дворе Н(й)-м^с.т- и «красы царя единственной, возлюбленной его, распорядительницы затвора (т. е. женского дома) царя, распорядительницы развлечения сердца (царева же) Нфр.с-рс». В обеих надписях читаем:

«Это брат ее д.т, распорядитель пения дома большого (дворца), Н(й)-м^с.т-р^с — сотворивший ей гробницу эту д.т ее (следовательно: плоти ее, т. е. собственную ее), когда (была) она в местонахождении (двора)

в женском доме царя, в сени (т. е. в силу) бытия в чести ее доброго у царя повседневно» (EG II 205, LXXVIII 2 и 3).

Из пн ($\text{н}^?$) д.т.с не может быть, конечно, передано как «гробница эта (что от?) вечности ее», так как притяжательное местоимение 3-го лица единственного числа женского рода, заменяющее здесь имя главной певицы фараона, никак не может служить определением к слову «вечность». Также исключено и понимание д.т как трупа умершей («гробница эта плоти ее»), потому что д.т — мало подходящее слово для мертвого тела и, главное, во всех известных мне примерах «гробницы д.т » последнее неизменно пишется со знаком земли, что было бы явно невозможно, означай оно здесь непосредственно вещественную плоть, — последняя с землею почти никогда не пишется (см. выше в разделе о словоупотреблении пирамид). Таким образом, д.т как определение гробницы может быть в староегипетских надписях только общественно осмысленным д.т .

Предлагаемое понимание последнего в определениях как равнозначного понятию «собственный» прекрасно подходит к надписи $\text{Н(й)-м}^{\text{с}}.\text{т-р}^{\text{с}}$. В совместной гробнице царской певице отведена была отнюдь не одна подземная могила, как то часто делалось в староегипетских гробницах, когда второстепенные домочадцы не получали своей доли в надземном сооружении: певица получила свою собственную надземную часовню с изображениями и надписями и местом для совершения поминок — или, выражаясь языком $\text{Н(й)-м}^{\text{с}}.\text{т-р}^{\text{с}}$, собственную свою гробницу. Обе надписи начертаны около изображений почившей, в этой лично ей посвященной части гробницы, и на таком месте «гробница эта, (что от) плоти ее», т. е. лично ее, собственная или отдельная ее, звучало бы особенно выразительно.

Итак, благодаря $\text{Н(й)-м}^{\text{с}}.\text{т-р}^{\text{с}}$ несомненно, что в сочетании «гробница (что от) д.т » последнее слово — не «вечность», а занимающее нас выражение. Установив это, мы можем обратиться к рассмотрению прочих примеров данного сочетания, так как сами они были бы недостаточны для правильного опознания их д.т . Собранные почти все в речах, достоверно или наверно составленных в 1-м лице единственного числа, эти примеры не содержат выписанного притяжательного местоимения, поскольку 1-е лицо его единственного числа в Старом царстве обыкновенно не писалось. Ниже, при переводе данных примеров, притяжательное местоимение 1-го лица единственного числа проставлено после д.т на основании надписи $\text{Н(й)-м}^{\text{с}}.\text{т-р}^{\text{с}}$.

Чаще всего сочетание «гробница (что от) д.т » встречается в речах умершего, доказывающих его законное право на усыпальницу и позволяющих доступ в нее только с благожелательной целью и с должным уважением к хозяину. Не надо доказывать, что в подобной связи предлагаемое понимание определений с д.т как «собственный» и соответственно «гробницы (что от) д.т » как «гробницы собственной» оказывается особенно уместным.

В гробнице Рмнв-к^2 хозяин ее говорит: «(Что) до гробницы этой, что от д.т (моей) (следовательно: что от плоти (моей), т. е. собственной моей), сотворил (я) ее под сенью (т. е. в силу) бытия в чести (моего) доброго у людей (и) у бога» (EG II 173 = LXI 2).

То же говорит известный нам уже $\text{Н(й)-м}^{\text{с}}.\text{т-р}^{\text{с}}$ в своей части воздвигнутой им гробницы: «(Что) до гробницы, что от д.т (моей) (следовательно: что от плоти (моей), т. е. собственной моей), сотворил (я) ее под сенью (т. е. в силу) [бытия в чести (моего) у ---]» (EG II, между 220 и 221).

В другом месте гробницы Н(й)-м^с.т-р^с говорит: «[Лю]бимый царем это заклинатель, что придет в гробницу эту д.т (моей) (следовательно: плоти (моей), т. е. собственную мою), чтобы творить вещь (т. е. службу) против (т. е. согласно) писания того тайного, что от мастерства заклинателя, чита[ть?] для (меня)---»; и еще: «---, что не войдет в гробницу эту д.т (моей) (следовательно: плоти (моей), т. е. собственную мою) в нечистоте своей, будет он---» (EG II 213 = LXXXI 1; речь в 1-м лице).

Н(й)-м^с.т-р^с вторит в своей гробнице Хтп-н(й)-птх: «[Любимый царя (и) Анупа это] заклинатель, что придет в гробницу эту, что от д.т, чтобы творить вещь (т. е. службу) против (т. е. согласно) [писания того, что от мастерства] заклинателя» (DAA II LXXII b = UAR 187).

В гробнице Мрр.в-к^с читаем: «--- Сказываю (я) это против посторонних (??) всяких, что войдут в гробницу эту д.т (моей) (следовательно: плоти (моей), т. е. собственную мою) [будь то (?)]--- будь то (?) друзья единственные, честные у царя» (MM II CCXII A = CCXIII B = UAR 88; речь в 1-м лице).

В гробнице Мх-в(й)-^сх.т(й) значилось: «Любимый царем это, любимый Анупом это, владыкою кладбища, кто не войдет в гробницу эту, что от д.т (моей), в нечистоте своей» (MIO I 328; речь в 1-м лице).

«--- [(какие-то люди)] все внутри гробницы этой, что от д.т (моей)» и «--- гробница эта, что от д.т (моей)» (TT I X = GT IX = UAR 174), — говорится в гробнице Тйй, вероятно, в 1-м же лице.

Сочетание «гробница (что от) д.т» встречается несколько раз в «завещаниях», составленных, естественно, от имени завещателя в 1-м лице.

Пространное «завещание» касательно заупокойных жрецов в безымянной гробнице у пирамиды Шеф-рэ трижды обозначает таким образом гробницу завещателя:

«Не даю (я) быть властными [детям (моим), братьям (моим)], сестрам (моим), отпрыскам (моим) всем, наставителям рабов двойника (т. е. заупокойных жрецов), приставам рабов двойника, [рабам двойника (моим) всем в пашне], люде, вещи всяких, сотворенных (мною) им (т. е. заупокойным жрецам), чтоб возглашать (т. е. приносить заупокойную жертву) для (меня) с помощью (их), в работнике и[х, работнице их, в] братьях их, сестрах их, сверх возглашения (т. е. принесения заупокойной жертвы) [для (меня) с помощью (их) на (месте), что под богом (т. е. кладбище у подножия царской пирамиды), в] гробнице д.т (моей) (следовательно: плоти (моей), т. е. собственной моей), которая в(близии пирамиды) „Велик Шеф-рэ“ против доли(?) от пашни, люда, [вещи всяких, сотворенных (мною) для них, чтобы возглашать для (меня)] с помощью (их)» (UAR 11—12 = IHCE I = TIA V 1210 = RTRPAEA XXIX 77 + 79 = DARMK I 113 = XXVIII). «... чтобы возглашать для (меня) с помощью (того) на (месте), что под богом, в гробнице д.т (моей) (следовательно: плоти (моей), т. е. собственной моей), которая в(близии пирамиды) „[Велик] Ше[ф]-рэ“» (UAR 14 = IHCE I = TIA V 1212 = RTRPAEA XXIX 86 = DARMK I 113 = XXVIII).

«[Что] до городц(ов?), что от д.т (моей) (следовательно: что от плоти (моей), т. е. собственных моих), да[н]ных (мне) царем, чтобы был (я) в чести, котор(ые?) сохранены (т. е. освобождены от государственных повинностей) для возглашения (т. е. принесения заупокойной жертвы) (моего) против (т. е. согласно) перечня--- д.т (т. е. кто-то от д.т моей?), (имеющие?) возглашать (т. е. приносить заупокойную жертву) (мне) с (них) в гробнице д.т (моей), которая в (месте), что под богом (т. е. на кладбище у подножия царской пирамиды), в(близии пирамиды) „[Велик] Шеф-рэ“--- [пашня, люд], вещь всякие, сотворенные (мною) для

них (т. е. заупокойных жрецов)» (UAR 14—15=IHCE I=TIA V 1212=RTRPAAE XXIX 89=DARMK I 113=XXVIII).

Определение гробницы как собственной хорошо вяжется с ограничительно собственническим содержанием завещания: установления, учрежденные завещателем, не могут быть использованы ни для чего иного, как только для обеспечения службы в собственной его гробнице.

Сказанное приложимо к употреблению занимающего нас оборота и в другом, много более кратком «завещании» касательно заупокойного жречества. В гробнице Пн-мр.в хозяин ее говорит в своем завещании:

«(Что) до брата д.т (моей) (следовательно: плоти (моей), т. е. собственного моего: см. выше подраздел о д.т в определениях родственников) Нфр-хтп с детьми его, что от отца (и) матери, они рабы двойника (т. е. заупокойные жрецы) д.т (моей) (следовательно: плоти (моей), т. е. собственные мои) в гробнице д.т (моей) (следовательно: плоти (моей), т. е. собственной моей), что (на месте), что под богом (т. е. на кладбище у подножия пирамиды царя) „Небосклон(ный житель?) Шуфе (Хеопс)“; будут доставлять они (мн)е передачу (жертвенную, т. е. приношения, переходящие по использованию от более высокопоставленного лица к менее высокопоставленному), что от государя (моего) вратарника-судьи (т. е. верховного судьи, творившего некогда суд у правительственных врат), правителя (так называемого «везира») Спм-нфр.

«(Что) д[о] пашни 1 х² (мера, равная $\frac{1}{3}$ сот? 1 сот = свыше 2700 кв. м),

данного (мною) [ему] с детьми его этими, не даю (я) быть властными людям всем в нем с детьми его этими. Не даю (я) быть властну сыну (моему) всякому в (том) с детьми (моими) всеми» (ASAE XLII 39=42—44).

В иной связи и в завещании иного рода «гробница, что от д.т» появляется в гробнице Вп-м-нфр.т. Здесь завещатель говорит:

«Дал (я) сыну (моему) старшему заклинателю Йбйй д.т (см. ниже, в разделе о самостоятельном употреблении д.т) могилу северную с каморой северною, что для возглашения (т. е. заупокойного жертвоприношения), которая в гробнице, что от д.т (моей) (следовательно: что от плоти (моей), т. е. собственной моей), что от (места), что под богом (т. е. на кладбище у подножия пирамиды царя), (да) будет погребен он в ней (т. е. гробнице) (и да) возглашается (т. е. приносится заупокойная жертва) постоянно для него там. Состоящий в чести (у меня) это (т. е. он). Не имеет права брат (мой) всякий на то, жена (моя) всякая, дети (мои) все на то, кроме сына (моего) старшего заклинателя Йбйй, коему дал (я)» (EG II между 190 и 191).

Определение здесь гробницы как собственной было вдвойне уместно. Во-первых, это подсказывалось самим существом дара: предоставлением другому места в собственной гробнице. Во-вторых, определением гробницы как собственной подчеркивалось полное право завещателя распоряжаться ею по своему усмотрению и позволять погребение в ней только тому, кому он сам пожелает.

Во всех приведенных после Н(й)-м^{2с}.т-р^с. примерах речь велась достоверно или — в одном случае — наверно в 1-м лице единственного числа. Поэтому, помимо особых в каждом случае поводов для определения гробницы как собственной, могла быть и одна общая тому причина — необходимость выразить письменно принадлежность гробницы говорящему, поскольку притяжательное местоимение 1-го лица единственного числа этими надписями не выписывалось.

Это побуждение, однако, наверно не повинно в снабжении гробницы определением д.т в нижеследующем примере, потому что, по всей видимости, там не может быть речи о 1-м лице. В отличие от всех пре-

дыдущих примеров — включая Н(й)-м^с.т-р^с, — в этом примере мы имеем, по-видимому, достоверный случай изучаемого сочетания без какого-либо притяжательного местоимения. Над входом в гробницу К^с(й)-хр-птх надписано:

«(Да) будет мирен (и) даст царь, (да) будет мирен (и) даст Ануп, предстоятель храмины бога, чтобы был погребен он в пустыне западной, состарившись добре весьма, (и) чтобы возглашалось (т. е. приносилась заупокойная жертва) ему в (день), отверзающий год (т. е. в Новый год), Тховтов (праздник), праздник (всякий) (и) повседневно — тот, что (имеет отношение) к вещи царя, старейшина чертога К^с(й)-хр-птх, сын его, тот, кто (имеет отношение) к вещи царя, старейшина чертога Мр.в-к^с; гробница д.т (следовательно: гробница плоти, т. е. собственная)» (G IX 78).

Надпись состоит из четырех частей: заупокойного заклинания, титла умершего, титла его сына и приписки: «гробница д.т». Как известно по несчетному количеству примеров, заупокойное заклинание и титло умершего, присоединенное безо всякого предлога, составляют в Старом царстве одно целое: заклинание на имя такого-то. Добавлению без каких-либо вводящих замечаний титла родственника, — возможно, создателя гробницы, — тоже не приходится удивляться, так как это бывает и в других гробницах, правда, довольно редко. Зато заключительная приписка способна вызвать недоумение, так как непонятно, какая у нее связь с предшествующими частями. Если бы «гробница д.т» должна была указывать место погребения или заупокойного жертвоприношения, желаемых в заклинании, то было бы прежде всего совсем странно, почему эта гробница не была названа в самом заклинании, а очутилась бессмысленным образом на самом конце, после двух титлов. К тому же место погребения нашло отражение в заклинании в виде «пустыни западной». Имеется, однако, нечто похожее на наш случай в гробнице Р^с-вр(VZGPG 12), где надпись, также снаружи гробницы, — содержащая, правда, только титло без предшествующего заклинания, — кончается тоже обозначением гробницы, точнее части ее, где были замурованы изваяния умершего (хв.т-к^с «двор двойника»). Надпись помещалась на лицевой стороне гробницы, над тем местом, где были замурованы изваяния, и потому несомненно, что «двор двойника» было надписанием данной части гробницы, а предшествующее титло — указанием на владельца: «двор двойника» такого-то сановника. Я думаю, что не иначе обстоит дело и с надписью К^с(й)-хр-птх. Помещенные после титла отца и сына заключительные слова «гробница д.т» могли служить надписанием всей гробницы, над входом в которую они стояли. Титло отца, замыкавшее заупокойное заклинание, — а может быть, также титло сына — строителя (?) гробницы, — служило бы тогда одновременно и указанием на владельца, что оно и без того уже делало, высеченное на самом видном месте на лицевой стороне сооружения. Смысл надписи можно было бы передать так: пусть будут предоставлены такие-то и такие-то посмертные блага такому-то сановнику, чей сын — создатель памятника (?) — такой-то, чья собственная гробница — та самая постройка, перед которой стоит читающий. При таком понимании добавление к «гробнице» определения д.т в смысле «собственная» было бы не только понятно, но положительно необходимо: титло воспринималось как заключение заупокойного заклинания, а не как своего рода предпосланное «гробнице» определение, как то имело место у Р^с-вр, и потому нельзя было написать просто «гробница», а надо было указать, что названного лица, и это могло быть достигнуто определением «собственная». Тем самым д.т снова оказывается на положении заместителя притяжа-

тельного местоимения. Одновременно «гробница собственная» могло также подчеркивать законное и безусловное право умершего на данное сооружение, в предупреждение каких бы то ни было посягательств на него со стороны. Последнее приложимо и к «гробнице этой, что от д.т», сотворенной «за хлеб (и) пиво» Мх-в(й)-²х.т(й) (МЮ I 328).

Заметим теперь, что ни в одном из разобранных примеров определения «гробницы» посредством д.т это слово никак не могло значить «имение» или «земельная собственность», так как могила на царском кладбище, за тридевять земель от имений вельможи, никоим образом не могла входить в их состав, а говорить о собственной земле в пустыне, где было расположено кладбище, можно было разве лишь для смеха, неприличного на таком месте. Совершенно ясно, что речь шла о собственности не на землю, а на гробничное сооружение.

Наше д.т, означающее — по широко распространенному мнению — имение, выделенное на помин души, могло преспокойно служить определением и к жилым домам. Около пирамиды одной из цариц VI царского дома Вдбтн были откопаны остатки жилищ занятых в ее заупокойном храме должностных лиц. На притолоке над входом в одно из жилищ читаем титул хозяйки этих мест: «(Пирамида) „Устойчив (и) жив Нефр-ке-рэ“. Повелительница, жена царя, возлюбленная его, великая ... Вдбтн» (РО 22 = UAR 272). На левом косяке в надписи к мужскому изображению читаем: «д.т ее (об этом д.т см. ниже, в разделе о самостоятельном употреблении д.т), наставитель рабов бога (т. е. жрецов), кто над вещами бога ... кто в чести у госпожи своей, Хм-снх, имя его доброе (т. е. дружеское обозначение) Хмй». Позади мужчины — изображение его сына меньшего размера, надписанное: «Сын его, возлюбленный его, наставитель жрецов Йкрй».

Под обоими изображениями строка надписи: «Жилище (рв.т), что от д.т его (следовательно: что от плоти его, т. е. собственное его)».

Сходным образом отделан и правый косяк. Изображение стоящего мужчины надписано так: «Наставитель рабов бога (т. е. жрецов), друг (придворный чин), распорядитель дома Йхй, Сын сына его, наставитель рабов бога ..., писец череды, С^снх-н-птх».

Меньшее изображение позади пояснено надписью: «Брат его, наставитель рабов бога Хмй».

Строка под обоими изображениями гласит: «Жилище (рв.т), что от д.т его (следовательно: что от плоти его, т. е. собственное его)».

В проходе еще раз назван сын: «Наставитель рабов бога (т. е. жрецов), писец череды, кто в чести у Птаха Йкрй».

Что все или почти все названные в этих надписях лица, приходившиеся сродни друг другу, служили в одном и том же заупокойном храме, видно не только из расположения их жилищ по соседству с ним, но и из остатков учредительной его грамоты от 33 года [Нефр-ке-рэ Пйопе II], где Йкрй, [Хм]й и [С^снх]-н-[птх] были названы по имени (UAR 274 = РО 18).

Подобным же образом отделан был вход к другому жилищу, только притолока и правый косяк здесь не уцелели. К мужскому изображению относилась надпись:

«--- [кто в] чести Рвд, сын его старший, возлюбленный его, писец череды Йкрй».

Два женских изображения меньших размеров, позади мужского, надписаны: «Раб(ыня) божья (т. е. жрица) Хатхор Ёйс.т.т» и «Раб(ыня) божья Хатхор Ндн».

Под этими тремя изображениями тянется надпись: «Жилище (рв.т), что от д.т его (следовательно: что от плоти его, т. е. собственное его)».

Так же, несомненно, отделан был и третий вход, от которого уцелели на притолоке конец имени царицы [Вдбт]н с ее изображением, начало надписи на левом косяке («д.т ее---»), а на правом — надписи к мужским изображениям: переднему, побольше, и заднему, поменьше («[Наставитель рабов бога (т. е. жрецов)], друг (царев), распорядитель дома шн^св, кто в чести у госпожи своей Имний» и «Сын его, старший, распорядитель дома, кто в чести Хнв»); однако строка внизу («[жилище, что от д.т его]») не сохранилась — отбита (РО 24 = UAR 273).

Надписи эти очень поучительны. Перед нами жреческий поселок при заупокойном храме царицы. Над входами в жилища неизменно стоит титул «высокой» владелицы этих мест, и ее же именуют «госпожою своею» проживающие здесь должностные лица. Эти последние называют себя и своих близких на косяках дверей и обозначают дома как «жилища, что от д.т» их, но можно усомниться, что эти постройки могли быть частною собственностью служащих: упоминание на одном входе по меньшей мере двух жилищ, — одного на левом, другого на правом косяке, — доказывает, что эти двери вели не в обособленные домики, построенные владельцами для себя и по собственному усмотрению, а в общие места обитания, выстроенные однообразно из расчета на два семейства. Тем самым правильнее будет говорить не о собственных домах, а об общежитии, разбитом на обособленные жилища. В приложении к ним определение «что от д.т» значило «собственный», наверно, не в правовом, а в бытовом или потребительском смысле («жилище собственное» = «жилище личное, частное, находящееся в пользовании данного лица»). Не приходится говорить, насколько неуместен был бы обычный перевод д.т как «заупокойное имение», «поместье», «земельная собственность» в приложении к данным надписям. Поистине, какой смысл могли иметь обозначения казенных жилищ при заупокойном храме среди пустыни как принадлежащих к заупокойным имениям, поместьям или земельной собственности проживающих в них должностных лиц?

Надписания жилищ у пирамиды Вдбтн важны для нас еще в одном отношении: они с полной очевидностью подтверждают правильность предложенного выше толкования надписи над входом в гробницу К²(.й)-хр-птх.

Сходство по построению и составу между заключительными частями гробничной надписи и жилищными надписями бросается в глаза. Там — титул хозяина, титул его сына, обозначение здания, на котором высечена надпись: «гробница д.т». Здесь — титул хозяина, титул его сына, обозначение здания, на котором начертана надпись: «жилище, что от д.т его». Не подлежит поэтому никакому сомнению, что «гробница д.т» после титула К²(.й)-хр-птх есть надписание его гробницы. Употребление тут и там определения с д.т не может быть случайностью и лишний раз доказывает, что в сочетании «гробница д.т» второе слово не «вечность», а наше д.т. И тут и там определения с д.т указывают на уже названных лиц и тем самым заменяют притяжательное местоимение после обозначений построек (такой-то, «гробница собственная»; такой-то, «жилище собственное его»). Но надписания жилищ доказывают одновременно, что д.т и на гробнице должно значить больше, чем простое притяжательное местоимение, поскольку последнее налицо в жилищах и тем не менее они имеют перед ним еще д.т.

Последовательно было бы включить в наш обзор д.т в определениях построек также сочетание «дом, (что от) д.т», однако по соображениям удобства, а также более отвлеченным, целесообразнее выделить разбор этого выражения в самостоятельный раздел. Во-первых, количество примеров этого сочетания настолько велико, что значительно превосходит

число всех остальных известных случаев употребления д.т. Во-вторых, «дом д.т.» было настолько распространенным сочетанием, что во многих случаях оно стало прямым и даже много более удачливым соперником простого д.т., так как д.т. и «дом д.т.» бывали часто равнозначными выражениями.

3. Определение к обозначению имущества вообще

В своем гробничном жизнеописании областной князь Мрй.й-р^c-нфр хвалится, в частности, своими благодеяниями, оказанными неимущему населению области:

«Давал (я) хлеб голодному, одежду нагому, какого (только) находил (я) в области этой. Давал (я) крынки молока. Отмеривал (я) ячмень верховый из дома д.т. (моей) (следовательно: из дома плоти (моей), т. е. собственного моего) голодному, коего (только) находил в области этой. (Что) до мужа всякого, коего находил (я) в области этой (с) зерновой ссудой другого за ним, (то) я — возмещавший ее владыке (т. е. хозяину) ее из дома д.т. (моей) (следовательно: плоти (моей), т. е. собственного моего). Я — погребавший человека всякого области этой, у коего не было сына, в одеянии из имущества д.т. (моей) (следовательно: плоти (моей), т. е. собственного моего)» (UAR 254—255 = ASAE XVII 136; поскольку надпись не выписывает притяжательного местоимения 1-го лица единственного числа, это местоимение можно читать не только после д.т., но и после «дома» и «имущества» — «дом (мой) д.т. (моей)», «имущество (мое) д.т. (моей)» — или даже только после них одних: «дом (мой) д.т.», «имущество (мое) д.т.»).

Передача определения д.т. как «собственный» как нельзя лучше подходит к этой надписи. Говорящий в ней вельможа был областным князем и как таковой управлял и располагал государственным имуществом; кроме того, он состоял «распорядителем ячменя верхового». Потому троекратное замечание, что свои благодеяния князь оказывал за счет своего «дома д.т.» или «имущества д.т.», было здесь глубоко осмыслено: князь-де благодетельствовал не за счет государства, что было для него возможно, но не так похвально, а за свой личный счет, не из государственного областного, а из своего собственного, частного хозяйства или имущества. Не в меньшей, если только не в большей степени примечательно и противопоставление «дома д.т.» «имуществу д.т.». Как будет видно из дальнейшего, «дом д.т.» обозначал не только личный жилой дом сановника, но и все его частное хозяйство в целом; в гробничных надписях последнее значение является обычным, первое — сравнительно редким. Голодному князь отмеривал не государственный «ячмень верховый», распорядителем которого он состоял, а «ячмень верховый» из дома собственного своего, из частного своего хозяйства. Также и зерновые ссуды, числившиеся за неоплатными должниками, он погашал не из государственных житниц, а из дома собственного своего, из своего личного хозяйства. Выдавать зерно было естественно из своего дома, из своего хозяйства; запасы зерна должны были иметься там у князя постоянно и в большом количестве, были, так сказать, неотъемлемой частью хозяйства.

Иное дело — «одеяние» для погребения бедных. Нельзя же было, в самом деле, сказать: я погребал всякого жителя этой области, у которого не оказывалось сына, в пеленах из моего собственного дома или хозяйства. Княжеский дом и его хозяйство не были заведением по похоронной части. Потому вместо «из дома собственного моего» уместно было поставить здесь «из имущества собственного моего». То, что над-

пись использует д.т как определение к «имуществу», может служить лишним доводом против объяснения д.т в смысле «имение» или «земельная собственность». «Из имущества имения моего» — или, еще того хуже, «из имущества земельной собственности моей» — звучит применительно к пеленам по меньшей мере нескладно.

я. Сомнительное определение к обозначению заупокойной жертвы

В гробнице Тий в конце длинной речи умершего, составленной в 1-м лице от его имени и касающейся потустороннего благополучия, после досадного пробела читаем: «--- с возгласением (т. е. заупокойным жертвоприношением), что от д.т, в виде потребности дневной повседневно в долготу вечности» (TT I XI = GT VIII).

Привыкнув иметь дело в определении «что от д.т» с д.т общественно осмысленным, невольно начинаешь и в этой надписи толковать определение к «возгласению» в таком же духе: «возгласение, что от плоти (моей)», т. е. заупокойная жертва собственная моя, предназначенная лично мне, являющаяся моею собственностью. Но можно понять это определение и совсем иначе — и в его д.т видеть то же д.т «вечность», которым заканчивается надпись. «Возгласение, что от вечности», т. е. вечная заупокойная жертва, дает очень хороший смысл. Непосредственно следующее затем утверждение касательно повседневности и продолжения во всю вечность как будто бы даже требует такого перевода или, во всяком случае, предрасполагает к нему. На самом деле, однако, именно эта концовка больше всего и мешает принять второй перевод. Определение «что от вечности» было бы ничем не оправданным повторением и предвосхищением конечного «в долготу вечности»: «--- с возгласением, что от вечности, в виде потребности дневной повседневно в долготу вечности» звучит определенно нехорошо ввиду двух «вечностей». Повторения не будет, если мы различим оба д.т по смыслу: «--- с возгласением, что от плоти (моей) (т. е. заупокойной жертвой собственной моей, мне лично причитающейся), в виде потребности дневной повседневно в долготу вечности». Но и тут есть своя трудность. «Возгласение» встречается несчетное число раз в староегипетских надписях, но никогда — помимо данного сомнительного случая — не встречалось мне за ним определение «что от д.т».

Глава 2. Д.Т САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ

а. Д.т применительно к людям

Много реже, чем в составе определений, слово д.т употребляется самостоятельно. Почти всегда такое самостоятельное д.т служит для обозначения отдельного человека и выражает определенного рода отношение его к лицу, стоящему выше его по своему общественному положению. Можно различить три способа обозначения:

- 1) титуло высокопоставленного лица + д.т с относящимся к тому притяжательным местоимением + титуло самого обозначаемого;
- 2) титуло высокопоставленного лица + д.т без притяжательного местоимения + титуло самого обозначаемого;
- 3) д.т + титуло или одно имя самого обозначаемого.

Первые два способа отличаются друг от друга присутствием или отсутствием притяжательного местоимения после д.т. В остальном они тождественны и как трехчленные противостоят вместе двучленному третьему. С внешней стороны различие между ними кажется значительным, но по существу оно не так велико. Высокопоставленное лицо и при обозначении по третьему способу бывало так или иначе известно, и титул его просто подразумевалось перед д.т. Не слишком многочисленные, но и отнюдь не малочисленные примеры расположены ниже в последовательности указанных трех способов обозначения.

№ 1. На притолоке над входом в одно из жилищ служащих при заупокойном храме царицы Вдбтн, жены Нефр-ке-рэ Пйопе II, стоит после имени его пирамиды, при которой была погребена царица, ее титул: «(Пирамида:) „Устойчив (и) жив Нефр-ке-рэ“; повелительница, жена царя, возлюбленная его, великая... Вдбтн» (UAR 272 = PO 22).

На левом косяке, в продолжение надписи на притолоке, читаем у изображений мужчины и его сына и под ними: «д.т ее, наставитель рабов бога (т. е. жрецов), кто над вещью бога... кто в чести у госпожи своей, Хм-снх, имя его доброе (т. е. дружеское) Хмй — сын его, возлюбленный его, наставитель рабов бога Йкрй; жилище, что от д.т его (следовательно: от плоти его, т. е. собственное его)» (UAR 273 = PO 22). Перед нами надписание постройкой, и «понимать» его надо с конца: жилище такого-то, чей сын такой-то и кто является д.т царицы такой-то.

№ 2. Однородное надписание украшало вход в другое жилище при храме, но уцелели на притолоке одна последняя буква имени царицы (н) с последующим ее изображением, как и в предшествующей надписи, а на левом косяке только «д.т ее ---» (UAR 272 = PO 24).

№ 3. В гробнице Йр.н-р^с на притолоке одной из ложных дверей умерший обозначен так: «К²-н(й)-н(й)-св.т — д.т его, распорядитель рабов двойника Йр.н-р^с» (G III 159).

На косяке той же ложной двери он величается: «Кто при вещи царя К²-н(й)-н(й)-св.т — сын его Йр.н-р^с, что в чести» (там же).

По своему составу и строению эта чета надписей живо напоминает надпись, которая была приведена первую, с тою разницей, что отношение д.т и сыновство тут объединены в одном лице, а там распределены по разным лицам. Тем самым данный там перевод находит себе убедительное подтверждение. Смысл же надписей Йр.н-р^с совершенно ясен, так как, построенные по одному образцу, они поясняют друг друга:

К²-н(й)-н(й)-св.т — д.т его такой-то,

К²-н(й)-н(й)-св.т — сын его такой-то,

т. е. д.т вельможи такой-то и сын вельможи такой-то. Хозяин гробницы был, таким образом, одновременно д.т и сыном приставленного вещи царевой К²-н(й)-н(й)-св.т, большого сановника, чья богато отделанная гробница сохранилась по соседству. Йр.н-р^с сам был придворным — «чистителем царевым» — и не только распорядителем заупокойных жрецов, надо думать, родителя, но также «наставителем (жрецов) рабов бога». Гробницу «сотворил ему сын его старший Р^с-м-снх», так что семья оставалась зажиточной и в третьем поколении после сановного деда.

№ 4. На притолоке Птх-нб-нфр.т, найденной лежащей поверху сильно разрушенной скромной гробницы, принадлежность к которой не может быть доказана, стоит следующая трехстрочная надпись:

(1) «(Да) будет мирен (и) даст царь, (да) будет мирен (и) даст Усире возглашение (т. е. заупокойную жертву) ему, (тому, кто) княз(я) исправн(ого), распорядител(я) работ всех царя Мхй д.т его,

(2) (тому,) кто в чести у него, Птх-нб-нфр.т. Распорядитель дома, писец житницы, писец дома белого (т. е. хранилища ценных припасов и изделий), писец череды, д.т его Птх-нб-нфр.т

(3) — (да) будет мирен (и) даст царь, (да) будет мирен (и) даст Ануп---, предстоятель чертога бога, кто на горе своей, владыка земли святой, чтобы дано было ходить ему по дорогам добрым запада (и) возглашалось (т. е. приносилась заупокойная жертва) ему» (G VI 226).

Второе титуло Птх-нб-нфр.т, начинающееся посреди 2-й строки и тянущееся затем до ее конца, заключительным знаком своим, сопроводительным знаком сидящего барина к имени умершего, уходит в конец 3-й строки, так что может не только по сути дела, но и со стороны написания считаться концовкою ко второму заклинанию. Итак, смысл первой части надписи будет примерно таков: пусть будет предоставлена заупокойная жертва Птх-нб-нфр.т, являющемуся д.т высокопоставленного сановника Мхй. Смысл второй надписи можно будет передать так: пусть будут предоставлены посмертные блага такому-то должностному лицу, являющемуся д.т его, т. е. названного выше высокопоставленного сановника, Птх-нб-нфр.т.

№ 5. На обломке ложной двери Шпс-п-птх умерший обозначен так: «Повелитель, князь, вратарник (т. е. судящий у правительственных врат), судья, правитель Птх-хтп — д.т его, раб двойника, (тот,) кто в чести у бога большого, старейшина чертога (пирамиды) „Добр Тат-ке-рэ“ Шпс-п-птх» (ASAE XL LX).

Смысл надписи: д.т верховного сановника Птх-хтп, заупокойный жрец, должностное лицо при царской пирамиде Шпс-п-птх.

№ 6. На камне с завещанием Тнтй читаем: «Мать царя Хтп-хр.с — д.т (таковой), раб двойника (т. е. заупокойный жрец) Тнтй — дочь его, раб(а) двойника (т. е. заупокойная жрица) Ппй — сказыва(ет): (Что) до детей этих, данных (мн)е отцом (моим) этим по завещанию, не даю (я) быть властными людям всем в них: раб двойника (следует поврежденный перечень имен)» (UAR 35 = AIMB I 28).

Начало надписи можно было бы перевести и так: «д.т матери царя Хтп-хр.с раб двойника Тнтй» — сочтя титуло царевой матери определением к д.т, почтительно вынесенным вперед только в написании, но не в произношении; однако предыдущие примеры, где за титулом высокопоставленного лица следовало не простое д.т, а д.т с притяжательным местоимением, заставляют сомневаться в правильности такого перевода. Смысл вступления при том и другом переводе остается одним и тем же: царской матери Хтп-хр.с д.т и заупокойного жреца Тнтй дочь, заупокойная жрица Ппй говорит.

№ 7. Особенно богата данными по занимающему нас вопросу гробница Мр-св-^снх, знакомящая нас не только с имущественным и общественным положением состоятельного д.т, но также с его происхождением и взаимоотношениями с высокопоставленным хозяином. Эта гробница примыкает непосредственно к пышной усыпальнице одного из ближайших сановников царя — его «друга» Р^с-вр (усыпальщица издана: EG I; любопытная надпись жизнеописательного порядка также: UAR 232). Перед громадою вельможной усыпальницы скромная гробница Мр-св-^снх, конечно, совершенно теряется, но саму по себе ее никак нельзя назвать бедной. У нее глубокие склепы (один глубиною до 7.40 м), представительная надстройка над ними (5.45 × 3.45 м площадью), представительная каплица с полом, высеченным в скале, и хорошо сложенными из камня стенами, с богато отделанным входом и двумя ложными дверями. В гробнице найдено было несколько изваяний умершего и его родни. Некоторые из них являют его в обличье настоящего вельможи

с сановной накладной прической до плеч. В ней же щеголяет он и на настенных изображениях, и на них у него бывает не только треугольный выступ на переднике, отличающий, как известно, начальственных лиц, но и лопатообразный жезл в руке, как у большого барина. Надо думать, что у Мр-св-^снх было значительное личное хозяйство с некоторым количеством слуг, так как в гробнице оказалось каменное изваяние работницы, занятой пивоварением, — одно из обычных изображений слуг, долженствовавших служить хозяину и после смерти.

На одной из ложных дверей, посвященной поминовению матери умершего, читаем дважды титул ее, из которого явствует, что Мр-св-^снх был из чиновной семьи, а также заявление его о себе как соорудителе этой «двери», подтверждающее письменно свидетельство вещественных памятников о его зажиточности.

«Распорядитель отроков Местожителства (царского) Мр-св-^снх; мать его, распорядитель(ница) дома ткачих Рвд-з².в.с.» (EG I 112 = LXIX 1);

«Распорядитель(ница) дома ткачих Местожителства (царского), что в чести у бога большого Рвд-з².в.с.»;

«Это сын ее — сотворивший ей, распорядитель отроков Местожителства (царского), добрый (молодец) Мр-св-^снх» (EG I 112).

Некоторые титулы умершего особенно содержательны:

«Друг (царев) Р^с-вр—д.т (такового), распорядитель отроков Местожителства (царского), распорядитель имущества его всего, что от Местожителства и что снаружи (т. е. управляющий всем имуществом Р^с-вр), Мр-св-^снх»;

«Друг (царев) Р^с-вр — я тот, кто в чести у него супротив человека его всякого; честимый это у бога, кто в чести (у) владыки своего; ни разу не сотворил (я) вещи (т. е. чего-либо) против человека всякого» (EG I 109 = LXVIII 3 = UAR 234).

Сопоставленные две последние надписи снова доказывают, что титул высокопоставленного лица не только писалось, но и почтительно читалось перед д.т, по смыслу будучи предвосхищенным определением к нему. Поскольку в «Друг Р^с-вр — я тот, кто в чести у него» никак нельзя «друга Р^с-вр» перенести назад, так как место уже занято относящимся к нему притяжательным местоимением («у него»), недопустимо и в первой надписи относить «друга Р^с-вр» за д.т. Ведь оба «Друг Р^с-вр» расположены зеркально относительно друг друга в начале двух отвесных строк на левом и правом косяках ложной двери и потому должны были восприниматься одинаково.

Кроме званий, заключенных в приведенных титулах, Мр-св-^снх имел также чин «наставителя рабов двойника», т. е. второстепенного, хотя и не низшего, надзирателя заупокойных жрецов (EG I 107 сл. + LXVIII сл.). Любопытно и одно из обозначений его на жертвеннике: «Постоянно любимый владыкой своим, юноша добрый Мр-св-^снх» (EG I 110 = LXVIII 2).

№ 8. С тем же сановником Р^с-вр связан и другой д.т, по имени К²-хр-н(й)-св.т, оставивший нам на том же кладбище еще более внушительный памятник — каменную гробницу протяжением более полутора десятка метров. Перед изображением по-вельможному восседающего с посохом в руке хозяина помещена трехстрочная надпись:

(1) «(Да) будет мирен (и) даст царь, (да) будет мирен (и) даст Ануп, предстоятель чертога бога, (чтобы) погребен был он на (месте), что под богом (т. е. на кладбище у подножия пирамиды царя), состарившись добре весьма, (у?) бога большого,

(2) (и) возглашение (т. е. заупокойную жертву) (дня-) отверзателя года (т. е. Нового года), Тховтова (праздника), первого (дня) года,

(праздника) В'г, праздника всякого, новомесячия, полумесячия, повседневно;

(3) (жрец) сетом, руководитель (облачающихся в передник) шенто, друг (царев) единственный Р^с-вр — д.т (такового), раб двойника (т. е. заупокойный жрец), творец ногтей (т. е. ухаживающий за ногтями) К²-хр-н(й)-св.т» (EG II 67 = XXI 1).

Саму по себе третью строку можно было бы перевести и иначе, если допустить, что титло написано спереди только из почтения к высокому сану, но на самом деле читалось после д.т: «д.т сетома, руководителя (облачающихся в передник) шенто, друга единственного Р^с-вр, раб двойника, творец ногтей К²-хр-н(й)-св.т»; однако предшествующие примеры не благоприятствуют такому чтению.

«Друг единственный» Р^с-вр на положении покровителя д.т не оставит нас и в дальнейшем, и мы еще встретимся с ним в гробнице одноименного с ним придворного учителя пения. Но раньше, оставаясь верными раз принятому порядку, мы должны будем рассмотреть ряд памятников, связанных с именем другого вельможи, «распорядителя дома белого», т. е. хранилища съедобных и несъедобных ценностей, Ир.н-вр. Эти памятники — четыре каменных изваяния из его гробницы; изображают они людей, обязанных служить ему после смерти.

№ 9. До сих пор мы знакомились с д.т, служившими заупокойными жрецами, по их собственным памятникам; изваяние заупокойного жреца К'-м-қд из гробницы Ир.н-вр показывает нам такого д.т не под его собственным углом зрения, в облике чиновного барина, а под углом зрения хозяина, в потребном для хозяина положении. Изваяние изображает мужчину, стоящего на коленях, как то делали при совершении определенных обрядов служащие при загробной трапезе. Что изображен человек с известным положением в обществе, видно по разукрашенному его переднику и длинной прическе, а также по изысканной работе: в противоположность последующим трем, у этого изваяния вставные глаза из белого и черного камня с веками из какой-то руды (меди?). Надпись на изваянии гласит: «Распорядитель дома белого Ир.н-вр — д.т (такового), раб двойника К'-м-қд» (SSKPMK I 91 = XXVI = ZASA XXXV 119).

№ 10. Все д.т, с которыми мы пока что встречались, были людьми, отнюдь не стоявшими на нижних ступенях общественной лестницы. Три женщины д.т, с которыми нам теперь предстоит познакомиться, принадлежали к народным низам. Первая из них изваяна в согнутом положении, с руками, опущенными в сито, положенное поверх чана. Эта женщина занята пивоварением. Перед работницей надпись: «Распорядитель дома белого Ир.н-вр — д.т (такового) Ухм-нфр.т» (SSKPMK I 91 = XXVI = MAE 234).

№ 11. Вторая женщина стоит на коленях и вручную верхним жерновом на нижнем растирает (мелет) зерно. Изваяние надписано: «Распорядитель дома белого Ир.н-вр — д.т (такового) Йтй» (SSKPMK I 86 = ZASA XXXV 122 = MAE 233).

№ 12. Четвертое изваяние изображает женщину, занятую той же тяжелой работой. Надпись гласит: «Распорядитель дома белого Ир.н-вр — д.т (такового) Йш^с.т» (SSKPMK I 89 = ZASA XXXV 122 = MAE 234).

И в этих четырех надписях можно было бы читать титло хозяина как определение после д.т (д.т распорядителя дома белого Ир.н-вр такой-то или такая-то), если бы только не мешали этому те примеры, где налицо притяжательное местоимение у д.т или иные признаки, до-

казывающие, что хозяйское титуло было почтительно вынесено вперед не только в письме, но и в самой речи.

До сих пор во всех примерах д.т. предварялось титулом высокопоставленного хозяина или покровителя. Теперь пойдут такие д.т., перед которыми хозяйское титуло не названо, хотя и подразумевается молчаливо, как предположительно известное.

№ 13. Вельможа Р^с-вр, с которым как с господином д.т. нам уже доводилось встречаться, не оставляет нас и тут. В гробнице его тезки «учителя певцов царя Р^с-вр», величающего себя также «распорядителем полотна» и «рабом двойника», на одной из ложных дверей имеется надпись: «д.т. распорядитель полотна, раб двойника Р^с-вр» (EG I 68).

Гробница сравнительно небольшая (площадь надземной поверхности надстройки 3.45×2.25 м), но имеет несколько врубленных в скалу склепов, — в одном из них оказался представительный гроб, — и несколько ложных дверей, отделанных надписями и изображениями почившего. Гробница расположена около громадной усыпальницы «единственного друга» Р^с-вр, и так как последний уже известен нам как господин двух д.т., погребенных подле него в собственных гробницах, не может быть сомнения, что и одноименный с ним «распорядитель полотна» и «раб двойника» Р^с-вр был д.т. по отношению к своему вельможному тезке, у которого, вероятно, и заведовал бельем и отправлял заупокойную службу.

№ 14. В отличие от придворного учителя пения, два следующих д.т. — люди совсем не чиновные. На обломке стены из гробницы Тп-м-^снх изображены столяры за работою. У двух из них приписано звание («топорщик») и имя; у третьего, отделявавшего ложе (уцелела только одна кисть руки), званию (имя отбито) предпослано еще слово д.т.: «д.т. топорщик [имярек]» (RME I XII). Поскольку изображение помещалось на гробничной стене, у читавшего надпись не могло быть сомнения, что д.т. перед именем третьего топорщика выражало его отношение к хозяину гробницы.

№ 15. В гробнице Тп-м-^снх II, откуда, быть может, и предыдущий обломок, в нижнем поясе стены, где изображено заклятие жертвенных быков для умершего, представлен также служитель, ведущий антилопу, и это надписано так: «Взятие (т. е. привод) тысячи молодняка, антилоп белых»; «д.т. Нфр-хр» (MAE 199).

Слова «д.т. Нфр-хр» составляют особую отвесную строку, и если издание точно, — а оно часто прегрешает против точности! — эту строку нельзя понять иначе. Поскольку изображение и надпись находились на стене гробницы, всякому было ясно, если правильно наше чтение, что Нфр-хр был д.т. ее хозяина.

Что же значило д.т., употребленное как звание перед именем того или иного лица? Совершенно ясно, что «раб» или «крепостной» это слово не значило. Подневольными людьми могли быть мельничихи (№№ 11 и 12) и пивоварка (№ 10), столяр (№ 14) и поводырь (№ 15), но уже заупокойного жреца (№ 9), судя по тому, что известно о таких, мы не в праве будем к ним причислить, как бы ни предрасполагало к тому одинаковое назначение его изваяния и изваяний работников, в чьем обществе он в силу того оказался. К тому же его барские волосы, богатый передник и дорогие, тройного состава глаза, каких нет у его случайных подруг, ясно свидетельствуют, что «раб двойника» в жизни не был товарищем трех служанок.

Относительно других двух заупокойных жрецов, рядовых «рабов двойника» (№№ 6, 8), всякое сомнение в принадлежности их к «свободному» населению исключено заранее самими их памятниками. Один

(№ 8), «раб двойника» и знаток ухода за ногтями, известен нам по великолепной надписи на каменной притолоке его гробницы; другой, «раб двойника» царевой матери, мог завещать своей дочери, тоже «рабе двойника», безусловное право распоряжаться его детьми, исключавшее всякое посягательство на них со стороны, чего несвободный завещать не мог бы.

Остальные д.т — уже просто чиновные люди. Сами звания их ясно говорят об этом: «наставитель рабов бога (т. е. надзиратель за жрецами)» (№ 1), «распорядитель рабов двойника (т. е. начальник заупокойных жрецов)» (№ 3), «наставитель рабов двойника (т. е. надзиратель за заупокойными жрецами)» (№ 7), «распорядитель отроков Местожительства» (№ 7), «писец житницы», «писец дома белого (т. е. хранилища ценностей)», «писец череды» (№ 4), «старейшина чертога» пирамиды (№ 5), «учитель певцов царя» (№ 13) и т. д. Вещественные останки жилищ и гробниц этих д.т вполне подходят к их начальственным титулам: каменные наличники домовых дверей, украшенные надписями и изображениями (№№ 1—2), каменные надписанные гробничные притолоки (№№ 3, 4, 5), представительные гробницы, у которых имеется по несколько врубленных в скалу склепов, каменных надстроек над ними, по несколько ложных дверей, покрытых превосходными надписями и изображениями, с барскою погребальной обстановкою (№№ 7, 13, особенно первый, ср. № 8). Одна гробница (№ 7) содержала даже вещественное косвенное доказательство — в виде изваяния работницы — использования такими д.т подневольного труда. Если многие должности наших д.т могли принадлежать им на частной службе у цариц и вельмож (см. ниже), то некоторые звания указывают на состояние одновременно и на государственной службе: «учитель певцов царя» (№ 13), «распорядитель отроков Местожительства» (№ 7), «старейшина чертога» пирамиды (№ 5). Иногда можно также установить происхождение чиновного д.т от чиновных же, раз даже знатных родителей. Мать одного из д.т (№ 7) была начальницей ткацкой мастерской столицы, отец другого (№ 3) — настоящим царедворцем, если только не родственником царского дома, третий (№ 1) происходил, возможно, из рода потомственных «наставников» жрецов.

Следовательно, д.т не есть обозначение для подневольных людей и ходячий перевод этого слова несостоятелен. Тем самым отпадает и всякая возможность сопоставления д.т «плоть» в приложении к людям с греческим словоупотреблением σῶμα «тело» = «раб». Но, может быть, правильно тогда то толкование, которое видит в занимающем нас сейчас д.т совсем не звание, а некое обозначение для заупокойного имени? Согласно такому пониманию, титула, сложенные по нашим 1-му и 2-му способам (значит, как №№ 1—12), следует понимать двояким образом: или такой-то служащий заупокойного имени такого-то высокопоставленного лица, или такого-то высокопоставленного лица его заупокойного имени служащий такой-то. Слабость подобного истолкования заметна даже при чисто внешнем к нему подходе. Титула, сложенные по 1-му и 2-му способам, построены явно одинаково. Вся разница между ними в притяжательном местоимении, употребительном в одних после д.т и опускаемом там в других. Но и независимо от сходства в построении, на одном примере (№ 7) могло быть показано, что титуло высокопоставленного лица читалось на первом месте также при пропуске местоимения. Если в титулах, составленных по 2-му способу, причудливая перестановка еще могла бы быть как-то объяснена, хотя и ни в коей мере не убедительно, чтением с конца, то в титулах 1-го способа помещению «д.т его» перед званием или именем лица, принадлежащего

к «заупокойному имению», не подыскать иного оправдания, как только желание, чтобы притяжательное местоимение следовало как можно ближе за высокопоставленным лицом, к которому относилось. Но и такие надуманные объяснения, разные для одинаковых явлений и потому заранее подозрительные, не помогут понять постоянное вынесение д.т вперед — до звания и имени служащего — в титлах, сложенных по 3-му способу (№№ 13—15), так как тут нет титла высокопоставленного лица спереди, из почтения к которому только и могла быть понята предполагаемая перестановка слов в письме.

Но если перевод с д.т как «заупокойным именем» оказывается неправдоподобным даже с внешней стороны, под углом зрения строения данных выражений, то есть и основания для отклонения его из-за невозможности считать д.т определением к последующим за ним званиям.

В гробнице Мр-св-^снх (№ 7) титло с д.т выглядело так: «Друг Р^с-вр — д.т, распорядитель отроков Местожительства, распорядитель имущества его всего, что от Местожительства и что снаружи, Мр-св-^снх» (EG I 109 = LXVIII 3).

Совершенно достоверно, что д.т не может быть определением ни к первому, ни ко второму званию умершего. Не может быть д.т и определением к отстоящему за версту имени Мр-св-^снх, потому что притяжательное местоимение после «имущества» предполагает «друга Р^с-вр» уже упомянутым. Остается объявить предполагаемое «имение друга Р^с-вр» почтительно названным впереди определением по смыслу, независимым выражением, намекающим на связь названного затем лица с таким-то вельможным именем. Однако и последнему предположению не спасти д.т как «имение» перед лицом той простой истины, что в титлах, составленных по 3-му способу, предполагаемый владелец имения, вельможа, не назван и в начале титла оказывается одно голое д.т!

Но, может быть, д.т обозначает совладельца земельной собственности или заупокойного имения вельможи, на тех или иных условиях или безусловно получившего от последнего право пользования его землею или хотя бы доходами? С подобным толкованием д.т в определениях приходилось уже встречаться, когда речь шла о «братьях д.т», и неубедительность его тогда была показана. В случае занимающих нас сейчас д.т те из них, кто были людьми чиновными или заупокойными жрецами, еще могли бы сойти за условных совладельцев или соучастников вельможи, но как поверить, что таковыми были его подневольные люди, мельничихи (№№ 11—12) и пивоварки (№ 10), столяры (№ 14) и скотники (№ 15)?

Не поможет и предположение, не обозначало ли наше д.т всякого, кто каким бы то ни было образом принадлежал к имению? Какой, в самом деле, смысл мог быть в обозначении, одинаково определявшем совладельца имения и подневольного в нем работника по тому признаку, что оба к нему относились, были «именниками»?

После бесплодных попыток разгадать загадку на основании недоказуемого д.т «имение» вернемся к прежнему нашему способу толкования, отправлявшемуся от несомненного слова д.т «плоть» и оправдавшему себя применительно к д.т в определениях.

Прежде всего уместно будет спросить, как на самом деле звучало изучаемое нами обозначение? Ответ могут подсказать три памятника, на которых занимающее нас звание имеет букву «н» спереди (№ 16, 17, 18).

№ 16. На обломке гробницы некоего Птх-м- --- над несколькими вторными изображениями умершего уцелела часть строки, в которой читаем: «- - - [распорядитель работ всех] царя, распорядитель писцов

грамот царя Сндм-йб — (тот), кто от д.т [его], писец череды Птх-[м]---» (G VIII 155 + DAAT I 62).

От занимающего нас обозначения новейший издатель заметил только волнистую воду н(й) «что от» и змею д, но он уже указал, что в воспроизведении этого места в издании столетней давности под змеею показана между двумя пробелами подотвесная черта, которая и должна быть знаком земли. В пробеле над чертой новейший издатель восстанавливает хлеб т; от себя могу добавить, что в пробеле под нею могла быть ушастая змея ф «его». Смысл надписи несомненно таков: писец череды Птх-м---, принадлежащий к д.т высокопоставленного сановника Сндм-йб.

№ 17. На столбе в гробнице Хнв подле пирамиды Унноса значится: «Хор, зеленеющий (т. е. процветающий в рассуждении) обеих земель (т. е. Египта), Уннос, царь (и) государь, зеленеющий в обеих владычицах (т. е. как сопричастник обеих — верхнеегипетской и нижнеегипетской — государственных богинь), Хор золота зеленеющий — (тот,) кто от д.т его, (пирамиды) „Добр. местами Уннос“ (должностное лицо) хнт(й)-ш, раб двойника (т. е. заупокойный жрец), друг (царев) единственный (высокий придворный сан), (жрец-)заклинатель Хнв» (NAWG Jahrgang 1956 Nr. 4 III).

Смысл надписи, очевидно, такой: тот, кто принадлежит к д.т фараона Унноса как состоящий при его пирамиде, сановник такой-то. «Кто от д.т его» написано с определителем земли после д.т (н(й), д, т, земля, ф).

№ 18. В гробнице Хнв, Бйв и Ппй во главе несущих заупокойные приношения для Бйв идет «(тот,) кто от д.т его, писец Вх²й» (TRCP 100), а в толпе несущих такие приношения для Ппй идут «(тот,) кто от д.т его, наставник рабов двойника (т. е. заупокойных жрецов) --- нйй», «(тот,) кто от д.т его, распорядитель рабов двойника Хб-снй» и «(тот,) кто от д.т его, Х²йй (TRCP 101). «Кто от д.т его» написано во всех трех случаях одинаково и без какого-либо определителя после д.т (н(й), д, т, ф).

Таким образом, если позволительно основываться на пяти написаниях и в свете их расценивать остальные, надо будет читать наше обозначение не д.т, а нд.т. В языковом отношении это можно только приветствовать, так как женское д.т как обозначение мужчин выглядит совсем нехорошо, а мыслимое производное от него мужское д.т(й) не годится для женщин (№№ 10, 11, 12), где надо было бы тогда ожидать написание д.т.т, не с одним, а с двумя хлебами т. Написание нд.т естественно было бы читать н(й)-д.т «кто от д.т», прилагательное принадлежности нй + существительное д.т. Тем самым разбираемое нами обозначение было бы не чем иным, как уже давно известным нам сочетанием, только употребленным теперь не как определение, а как самостоятельное обозначение наподобие звания. Если в правописании Птх-нб-нфр.т (№ 4) и К²-хр-нй-св.т (№ 8) вода н под змеею д была не только плодом совпадения начертаний земли и воды в скорописи, коею набросана была пропись для изготовителей надписи, но рассчитана также была на прочтение, она должна была мысленно переставляться при чтении перед змеею д. Необычного в этом не было бы, так как прилагательное принадлежности н(й) и предлог «н» («для»), от которого оно было произведено, охотно писались в Старом царстве под тем словом, которому в произношении они предшествовали, и так писали даже вне слитных сочетаний, как в нашем случае, и под словами, не нуждавшимися в почтительном выдвигании, а просто по соображениям начертательной красоты. Из слитных сочетаний хорошим образцом подобной перестановки воды на конец написания может служить слово нй-св.т «царь», собственно «кто от ситовника». И здесь тоже второе слово женского рода, и кончается на звук «т», и пишется на первом месте, и здесь тоже нй ставится

на самом конце, под хлебом т. Но сходство со словом нй-св.т, возможно, налицо еще в одном отношении. Если изучаемое нами обозначение действительно читалось нй-д.т, те случаи, где вода н не выписана, будут неполными написаниями, дополнявшимися при чтении. Точно такое же неполное написание знает и слово нй-св.т. Наряду с полным написанием ситовником св.т, хлебом т и волнистою водою н, было употребительно также сокращенное, одними ситовником и хлебом с опущением воды н, которое дополнялось читающим. При этом сокращенное написание являлось не менее, если только не более обычным, чем полное, так что и обычай опускать воду н в изучаемом нами обозначении, если он имел место, не стоял бы особняком.

Чтение нй-д.т «кто от д.т», следовательно «кто от плоти», давало бы для этого обозначения смысл «собственный». Если бы такое чтение было неверно, можно было бы предположить употребление слова «плоть/самость» в расширительном смысле, распространяющем плоть/самость на все к ней принадлежащее, на все охваченное ею. В таком употреблении д.т было бы примерно равноценно «собственности», применительно к людям — тому же «собственный/собственная». Но я не думаю, чтобы возможность второго истолкования стоило действительно брать в расчет, так как написания у Птх-м- --, Хнв и Хнв, Бйв, Ппй определенно говорят в пользу чтения нй-д.т.

Законно будет, однако, спросить, как звучало при таком чтении наше обозначение применительно к женщинам? Ведь нй-д.т значит «принадлежащий к д.т», прилагательное принадлежности здесь мужского рода, применительно к женщинам надо было бы ожидать его в женском роде, вместо мужского нй уместно было бы женское нй.т. При наличных данных сказать тут что-нибудь определенное невозможно. Во всех пяти случаях, когда вода н выписана перед д.т, обозначаемым является мужчина; там же, где обозначение приложено к женщинам (№№ 10, 11, 12), налицо написание без воды н. Отвлеченно говоря, мыслимо было бы сосуществование двух написаний женской разновидности нашего обозначения с выписанным и невыписанным хлебом т после н(й): н(й). т-д.т и н(й.т)-д.т. За примерами такого колебания в правописании сложных слов недалеко ходить. Хорошим образцом может служить звание йм(й).т-р' «распорядительница», дословно: «та, кто в устах (у подчиненных)». Первая часть здесь является таким же производным от предлога м прилагательным, как наше н(й).т от предлога «н». В этом звании ймй.т «та, кто в» или «та, в ком» пишется то с выписанным, то с отсутствующим хлебом т, так что как обозначение женщин мы находим то йм(й).т-р', то им(й.т)-р'. При этом, при известных к тому побуждениях со стороны начертания, такое «т» может даже вовсе выйти из употребления. Вспомним хотя бы обозначение кладбища хр(й).т-нтр «то, что под богом», где хлеб т такая редкость, что до недавнего времени ученые читали это сложное слово хр-нтр. Первая часть здесь также прилагательное, производное от предлога, именно хр «под». Примером выпадения буквы «т» в сложном слове, кончающемся на д.т, может служить выражение «сестра д.т» (см. раздел «Определения к обозначениям родства»). Оно находится в приписках к изображениям женщин, так что в женском роде обозначенных не может быть сомнения, тем не менее написано не сн.т-д.т, как то требовалось бы для «сестры д.т», а сн-д.т, точно речь шла о «брате д.т». Обозначение «сестра д.т» в сохранном виде известно мне лишь на четырех памятниках (оно имелось, наверно, еще в одном месте (DAA II XXXI), но в издании сн отсутствует); поэтому можно только догадываться, но не утверждать, что таково было обычное правописание для женской разновидности обозначения. Догадываться об этом можно

потому, что и в других сложных словах, где начертание не благоприятствовало выписыванию хлеба т, последний после первого существительного охотно опускался. Так, например, обстоит дело с распространеннейшим обозначением жриц хм.т нтр «раба бога», которое обыкновенно пишется хм нтр, как если бы значило «раб бога»; в наименовании заупокойных жриц хм.т-к' «раба двойника», куда более редком, правда, чем «раба бога», хлеб т мне вообще никогда не встречался, так что, если бы не женский пол так обозначенных лиц, можно было бы читать «раб двойника».

Возможно также, что частое опущение в письме женского окончания у начальных частей сложных слов отражало действительную пропажу его в произношении. В отношении нй-д.т здесь можно было бы указать на позднейшее, частое в Новом царстве, слово нд.т «челядь—подчиненные—подданные», оторвать которое от нашего д.т: представляется невозможным и которое как собирательное обозначение могло бы восходить к женскому нй.т-д.т. Возможно, однако, что нд.т восходит к мужскому нй-д.т, переставшему восприниматься как составное слово с мужскою первою частью и потому ставшему неизменным по роду обозначением не только единичных, но и собирательных представителей определенного рода людей. Как будет видно из дальнейшего, собирательное выражение д.т или [в]д.т существовало уже при первых представителях V царского дома. Если нй-д.т рано застыло в неизменное по родам нд.т, оно могло одинаково прилагаться к мужчинам и женщинам, отдельным лицам и собирательным понятиям. Я не думаю, чтобы в данной связи стоило вспоминать о нв.вт.ф н.т н.т д.т.ф «городцах его, что от того, что от д.т его» (DAA II XLVI), хотя с внешней стороны ничто не мешает видеть в этом «что от д.т» сложное слово со значением «собственность»: в своем месте — в разделе о д.т в определениях селений — уже было показано, что, по всей вероятности, одно из двух н.т лишнее, так как только оно отличает данный оборот от обычного способа определения (что-то, что от д.т).

Итак, допустим, что наше нй-д.т или д.т так или иначе означало нечто вроде «собственный». Принятие или отвержение этого допущения зависит от того, как укладывается предполагаемое значение в переведенные выше титулы. На первый взгляд может показаться, что «собственный (человек)» может еще подойти к подневольным людям, но никак не годится в обозначения для людей свободных; «собственными» могут быть мельничихи и пивоварки, столяры и плотники, но не люди чиновные и именитые, с каменными усыпальницами, барскими обличьем и замашками. Все зависит, однако, от того, какой смысл вкладывать в понятие «собственный». И, как ни странно, этот смысл мы можем получить не от подневольных носителей нашего обозначения, к которым «собственный», казалось бы, только и подходит, но от чиновных его носителей, совсем не похожих на чью-либо «собственность».

Отправною точкою для наших изысканий явятся надписи из гробницы Йр.н-р^c (G III 159, наш № 3). Они расположены непосредственно одна над другою, и от этого их словоупотребление становится еще примечательнее.

«К'-н(й)-нй-св.т — д.т его, распорядитель рабов двойника Йр.н-р^c»;

«Кто при вещи царя К'-н(й)-нй-св.т — сын его Йр.н-р^c, что в чести».

Конечно, сын царедворца, возможно даже царского происхождения, Йр.н-р^c не был невольником своего родителя. Тем самым «собственный» в смысле вещного права исключено заранее. Но не подойдет и «собственный» в смысле «приближенный, свой человек», так как никакое д.т даже отдаленно не могло равняться по степени предполагаемой им близости

с «сыном»: для сына царедворца было бессмысленно подчеркивать свою близость к нему наименованием себя его д.т, каковым мог быть всякий, вплоть до последней служанки. Однако каким же еще «собственным» может быть здесь д.т? За ним стоит должностное звание Ир.н-р^с, — и, может быть, это звание поможет понять смысл предшествующего обозначения? Издатель надписей совершенно основательно связал одно с другим, но, видя в д.т заупокойное имя, сделал сына начальником над заупокойными жрецами выделенного на помин души имени. Выше было показано, что д.т в разбираемых титлах никак не может означать заупокойное или какое иное владение. Но подобного значения вовсе и не нужно, чтобы словоупотребление гробницы представилось вполне осмысленным. В предшествующем уже неоднократно доводилось замечать, что определениям с д.т в смысле «собственный» присущ бывал оттенок «личный, частный» в противоположность «царский, государственный»; особая глава будет посвящена этому в дальнейшем. Включим такой оттенок и в перевод данного д.т и поставим последнее в связь с последующим званием, получим вполне вразумительный смысл: «К'-н(й)-нй-св.т — собственный (т. е. личный, частный служащий) его, (именно) распорядитель рабов двойника, Ир.н-р^с». Сын состоял начальником над личными заупокойными жрецами своего отца. Что надзор над заупокойным жречеством почившего поручался иногда его сыновьям, хорошо известно из соответствующих завещаний.

Врученный нам Ир.н-р^с ключик безо всякого труда позволяет отомкнуть остальные титла.

№ 1. Царица Вдбтн — «собственный (служащий) ее, (именно) наставник рабов бога... Хм-снх». У особо влиятельных цариц заупокойную службу правили не «рабы двойника», а «рабы бога», храмовые жрецы, в данном случае поминального храма царицы. Хм-снх, проживавший подле этого храма, и был надзирателем над его жрецами — личными или частными жрецами царицы.

№ 2. Несомненно истолковывался бы, сохранись название должности, как предшествующий случай.

№ 4. Вельможа Мхй — «собственный (служащий) его, жалуемый им, Птх-нб-нфр.т». Какие должности занимал умерший на службе у вельможи, видно из второго титла: «Распорядитель дома, писец житницы, писец дома белого, писец череды, собственный (служащий) его Птх-нб-нфр.т». Изображениями «распорядителей дома» как управляющих вельможным имуществом полны гробницы. «Писцы житницы» неоднократно изображены в них же на службе у вельможи. «Писцы череды (заупокойных жрецов)» многократно представлены на гробничных стенах. Можно было бы усомниться относительно «писца дома белого», — не была ли то государственная должность, — однако изредка в частных гробницах «писец дома белого» занимается учетом как будто личного имущества хозяина (G IV между 36 и 37, ср. G V 49) и «белый дом» выступает как хранилище, куда поступают производимые для хозяина блага (DAA II XCVI). Таким образом, Птх-нб-нфр.т занимал ряд должностей по частному хозяйству своего высокопоставленного господина и был писцом подразделения, наверно, его заупокойных жрецов.

№ 5. Верховный сановник Птх-хтп — «собственный (служащий) его, заупокойный жрец, должностное лицо при пирамиде фараона Тат-ке-рэ Шпс-п-птх. Как «старейшина чертога» царской пирамиды Шпс-п-птх не мог состоять в личном, частнопровном отношении к верховному сановнику. Очевидно, он был его «собственным» служащим как его заупокойный жрец (никакой иной должности не названо). Обломок этой ложной двери был найден на том месте столичного кладбища, где был

погребен верховный сановник; можно думать, что Шис-п-птх был похоронен подле него.

№ 6. «Мать царя Хтп-хр.с — собственный (человек, именно), раб двойника Тнтй — дочь его раба двойника Ппй». Так как по смыслу своему все это — титул завещательницы Ппй (заупокойная жрица такая-то, дочь такого-то заупокойного жреца царской матери такой-то), можно усомниться, не относится ли «собственный (человек)» не к отцу, а к дочери. Однако совсем неправдоподобно, чтобы отчество могло так вклиниться между званиями, и потому лучше в согласии с местоположением отнести «собственного (человека)» к отцу, что, конечно, не мешает считать таковым и его преемнику по заупокойному жречеству царицы. Тнтй был частным («собственным») заупокойным жрецом на службе у царевой матери.

№ 7. «Друг Р^с-вр — собственный (человек), распорядитель отроков Местожительства, распорядитель имущества его всего, что от Местожительства и что снаружи, Мр-св-с^{нх}». Вопрос с этим титулом обстоит не так просто, как с предшествующими. Мне кажется немыслимым, чтобы звание «распорядителя отроков Местожительства» имело в виду не государственную службу — начальство над молодым ополчением столицы, — а заведование какими-то отроками вельможи, проживавшими там. Последнее тем невероятней, что речь шла определенно о воинских силах, так как сам Мр-св-с^{нх} именует себя «юношею добрым». Более того, добавление «Местожительства» (хнв) к званию «распорядитель отроков» — ср. также в титуле матери «распорядительница дома ткачих Местожительства» — прямо указывает, что дело касается государства, а не частного лица, потому что «Местожительство» как определение противоплагается в обозначениях должностей «собственному» (д.т) (об этом см. ниже, в соответственной главе). Возможно, Мр-св-с^{нх} потому так упорно и прилагает к своему званию, а заодно и к материнскому, определение «Местожительства», что был одновременно служащим частного лица и было желательно четко разграничивать в его титуле оба рода службы. После обозначения д.т это было особенно нужно, так как, следуя непосредственно за ним, звание в сочетании с ним могло быть понято как «собственный» (т. е. частный) распорядитель отроков.

Званием, с которым д.т стоит в прямой связи, в изучаемом нами титуле Мр-св-с^{нх} является не стоящее непосредственно позади «распорядитель отроков Местожительства», а последующее: «распорядитель имущества его всего, что от Местожительства и что снаружи». Как управляющий личным имуществом вельможи во всей его совокупности Мр-св-с^{нх} был несомненно «собственным», т. е. частным, его служащим. Надо думать, что таковым был Мр-св-с^{нх} и в качестве «наставителя рабов двойника». Так, правда, он величает себя не в том титуле, где стоит д.т, но естественно предположить, что доверенный управляющий своего господина состоял и по смерти надзирателем его заупокойных жрецов. Что то были заупокойные жрецы какого-то постороннего лица, представить себе гораздо труднее.

№ 8. Вельможа Р^с-вр. — «собственный (человек, именно) раб двойника, творец ногтей К'-хр-ий-св.т». Умерший был несомненно собственным или личным заупокойным жрецом вельможи. Был ли он также его частным или личным ухаживателем за ногтями или эту должность занимал он при дворе — решить несколько сложнее. Однако упоминание спорной должности после «собственный» и притом без какого-либо, в данном случае прямо необходимого, указания на двор как место службы (придворные обработыватели ногтей часто величают себя «творцами ногтей дома большого») предрасполагает в пользу первого реше-

ния. Еще более склоняет к такому решению то обстоятельство, что на изображениях в вельможных гробницах такие же рядовые «рабы двойника», как и К'-хр-нй-св.т, нередко оказываются, как и он, «творцами ногтей». Что все это были придворные чины, — а царские «творцы ногтей» бывали очень важными сановниками, — представляется совершенно неправдоподобным.

№ 9. Вельможа Ир.н-вр — «собственный (человек, именно) раб двойника К'-м-қд». Тут все просто. К'-м-қд был собственным или личным заупокойным жрецом вельможи.

№№ 10, 11, 12. Вельможа Ир.н-вр — «собственный (человек) имярек». Никакого звания перед именами трех работниц Вхм-нфр.т, Итй и Йш^с.т не указано. Судя по занятиям, за которыми они изображены, первая работала в пивоварне, две другие — мельничихами в пекарне, самостоятельной или обслуживавшей то же пивоварение потребным для него ячменным хлебом. Возможно, что написанное дополнялось изображенным, и тогда смысл надписей был бы по существу таким: вельможа Ир.н-вр — «собственный (человек, данная пивоварка) Вхм-нфр.т», вельможа Ир.н-вр — «собственный (человек, данная мельничиха) Итй (или Йш^с.т)». Если бы изображенные занятия были случайными, а не постоянными работами трех служанок, — что, впрочем, по всему тому, что известно о староегипетском вельможном хозяйстве, маловероятно, — смысл надписей был бы более общим: вельможа Ир.н-вр — «собственный (человек, работница) имярек». Но как бы то ни было, три женщины были *собственными* работницами вельможи.

№ 13. «Собственный (человек погребенного по соседству вельможи, именно) распорядитель полотна, раб двойника Р^с-вр». Знакомые уже по целому ряду случаев с «собственными» людьми на положении простых и начальственных заупокойных жрецов, мы без колебания определим и данного Р^с-вр как собственного раба двойника одноименного вельможи. Но мы можем спокойно распространить «собственный» и на непосредственно следующего за ним «распорядителя полотна». Надписанными изображениями «распорядителей полотна», заведующих господским бельем, полны гробницы вельмож. Нередко, совсем как наш Р^с-вр, эти «распорядители полотна» являются одновременно «рабами двойника». Что Р^с-вр никак не был придворным «распорядителем полотна», видно особенно наглядно по следующему. Р^с-вр неоднократно именует себя в своей гробнице «распорядителем полотна», но ни разу ни после д.т, ни без него не добавляет определения, которое бы указывало на двор как место службы. Стоило, однако, хозяину гробницы единый раз назвать себя «учителем певцов», как он уже не преминул добавить определение «царя» — «учитель певцов царя Р^с-вр». Здесь речь шла о придворной, государственной службе, и человек, бывший одновременно на частной службе, должен был обязательно указать, что как учитель пения он был служащим царя, а не вельможи, так как у последнего могли быть собственные певцы (ср. «певец, что от дома собственного» в гробнице Тйй, GT LX = LIX). Это противоположение царя и д.т, государственного и частного, очень показательное. С подобным противопоставлением службы по царскому «местожительству» службе частной мы только что имели дело у Мр-св-^снх (№ 7). С явлениями этого рода нам доводилось встречаться и раньше, и им будет посвящена особая глава в дальнейшем.

№ 14. «Собственный (человек хозяина гробницы, именно) топорщик, [имярек]». «Собственный столяр такой-то» такого-то вельможи не вызывает никаких вопросов. Но можно спросить, почему только один из трех изображенных на обломке столяров удостоился обозначения «соб-

ственный»? У двух других надписано только производственное звание и имя: «топорщик Н(й)-к(').в-р^c», «топорщик Йбб». Можно было бы предположить, что последние были государственными ремесленниками, работавшими почему-то на вельможу (примеры этого см. ниже), а тот столяр был его собственным работником. Но тогда мы ожидали бы, как то действительно и оказывается в соответствующих случаях, какого-нибудь указания на то, что двое были государственными работниками, раз третьего сочли нужным выделить как «собственного». Также и то, что у «несобственных» ремесленников указаны их имена, говорит скорее за то, что оба они тоже были своими, а не посторонними людьми. Видеть в д.т перед званием и именем столяра знак какого-то особого его отношения к вельможному хозяину было бы просто странно, поскольку д.т именовались даже служанки, занятые самой тяжелой, самой грубой работой с зернотерками (№№ 11, 12). Потому вероятнее всего, что различие в обозначении столяров — простая случайность, и допытываться о причинах ее также мало полезно, как гадать о том, почему одни изображения работников в гробницах надписаны производственным званием и именем, другие — одним именем, а подавляющее большинство — ни тем, ни другим. В разных случаях тому были разные причины, — чаще всего, надо думать, чисто внешнего порядка. Сохранилось полностью изображение и надписание нашего «собственного» столяра, наименование его одного «собственным» объяснилось бы, наверно, самым непоучительным образом. Мне даже кажется, что и при нынешнем состоянии изображения можно уловить, в чем дело. У второго и третьего столяра было спереди достаточно места, чтобы написать в один столбик звание и имя. У «собственного» же столяра сделать это, за недостатком места в высоту, было нельзя; потому звание и имя пришлось написать не одно над другим, а рядом. Мы не знаем, сколько знаков было в имени, так как оно отбито, — но только, наверно, больше, чем в звании, которое писалось всего одним знаком топора, и то не «стоячим», а «лежащим». Столбик с именем такой плоский знак уравновесить никак не мог; перенести знак-другой из имени к «топорщику» и тем самым уравновесить их мастер не мог или не хотел. Тогда он взял и написал над «топорщиком» д.т и получил два столбика, один со званиями, другой с именем. Сделать это он мог совершенно спокойно, так как д.т можно было написать над любым работником вельможи. Все они были его собственными, в том числе, думается мне, и оба наших «несобственных» столяра.

№ 15. «Собственный (человек хозяина гробницы) Нфр-хр(й)». Если все в порядке в старинном издании, мы имеем здесь случай, сходный с обозначениями пивоварки (№ 10) и мельничих (№№ 11, 12), с тою только разницею, что там хозяин был назван спереди, а здесь подразумевался. «Собственным» человеком вельможи мужчина, ведший скотину, мог быть, конечно, так же, как и те работницы.

№ 16. Вельможа Сндм-йб — «собственный (служащий) [его], (именно) писец череды Птх-[м]--». Умерший был писцом череды, наверно, заупокойных жрецов хозяина, как и один из предшествующих д.т (№ 4). Повторное упоминание этой должности подкрепляет догадку, что в обоих случаях речь идет о писце подразделения заупокойных жрецов. Далее, у Птх-[м]--- только и есть, что это звание после нд[.т]; поэтому частным или личным («собственным») служащим вельможи он был именно как писец череды, а это подтверждает правильность вывода, что Птх-нб-нфр.т (№ 4) был частным писцом череды у своего господина.

№ 17. Фараон Уннос — «собственный (служащий) его», должностное лицо при его пирамиде, заупокойный жрец, важный придворный, уче-

ный заклинатель Хнв. Естественно предположить, что владелец гробницы возле пирамиды, числившийся при ней и бывший заупокойным жрецом и ученым заклинателем, принадлежал к д.т фараона именно в силу таких своих должностей. Неожиданным кажется звание «раб двойника», потому что в поминальных храмах царям служили не «рабы двойника», а «рабы бога». Поскольку, однако, невероятно, чтобы звание «раб двойника» было связано у Хнв со службой при частной гробнице (оно значит между должностью при царской пирамиде и придворным саном), это звание, — как, возможно, и звание заклинателя (хрй-хбв.т), — должно относиться к поминальной службе по фараону. Редкостному обозначению царского слуги наподобие частного служащего («кто от плоти его») отвечало бы редкостное для царской поминальной службы обозначение ее отправителя наподобие частного заупокойного жреца («раб двойника»). Тот же пример сановника Хнв со всею наглядностью показывает, что звание «кто от плоти» такого-то само по себе не означало подневольного положения его носителя: Хнв был важным придворным — «единственным другом» царя! Не приходится и говорить, что под д.т у Хнв не подразумевалась земельная собственность, «отказанная» царем частному лицу: ведь д.т тут не чья иная, как самого царя!

№ 18. «Собственный (служащий) его, писец Вх²й», «собственный (служащий) его, наставник рабов двойника ---ный», «собственный (служащий) его, распорядитель рабов двойника Хб-снй», «собственный (человек) его Х²й» несут приношения покойным сановникам вместе с людьми, которых явно связывают с почившими узы родства или поминальной службы. У Ппй это — двое его сыновей и брат, у Бйв — трое его заупокойных жрецов («рабов двойника, что от плоти его»), из которых один вдобавок его домашний служащий — «руководитель шатра», т. е. столовой. Не приходится сомневаться, что Хб-снй и ---ный состояли первый главным, второй подчиненным начальниками над заупокойными жрецами Бйв, и можно думать, что и Вх²й был писцом не кого иного, как Ппй. Нахождение на службе у частных лиц вполне оправдывало бы наименование всех четырех н(й)-д.т.ф, т. е. «собственными», личными служащими вельмож.

На этом кончается обзор известных мне случаев обозначения людей в их титулах как д.т или нд.т. Мне кажется, что предложенное понимание д.т, основанное на словоупотреблении пирамид, оправдало себя и здесь. Но обзор наш будет неполным, если мы не остановимся на единственном, насколько знаю, случае в Старом царстве употребления нашего обозначения вне титула, не перед именем того или иного лица. Этот случай еще особенно примечателен потому, что выводит нас из круга отношений между отдельными лицами и вводит в употребление изучаемого выражения в государственном быту.

В заупокойном храме второго представителя V царского дома С'хв-р^с в уста одному из божеств царя была вложена к нему речь, полная ныне зияющих пробелов, но поддающаяся до некоторой степени восстановлению на основании родственных надписей того же храма.¹

«[Сказывание слов: Дал (я) тебе]^а --- пишу (?) [всякую (?)]^б --- сотворил ты со[гласно(?) сказ (?)]^ванному (мною).

¹ Восстановление это дано К. Зете в книге: L. Borchardt. Das Grabdenkmal des Königs Saḥu-re^с. Band 2. Die Wandbilder (26. wissenschaftliche Veröffentlichung der Deutschen Orient-Gesellschaft). Text. Leipzig, 1913, S. 95; оно дано также: K. Sethe. Urkunden des Alten Reiches, III (Urkunden des ägyptischen Altertums, herausgegeben von G. Steindorff, I. Abteilung, 3. Heft). Leipzig, 1933, S. 168—169.

«[Сказывание слов: Дал (я) тебе]^a---д.т всяк[ую под сандалию твою (?)],^r [стянул для тебя сер]дц[а н]^харода всякого.

«[Сказывание слов: Дал (я) тебе]^a эфиопов (и) сириян, (чужеземные) нагорья всякие (и) поморье.

«[Сказывание слов: Дал (я) тебе]^a [жизнь (и) процветание]^o всяческие (и) здоровье всяческое, (что) у меня, ноздрям твоим, С'хв-р^o, живи вечно!» (GKS II XIX=UAR 168—169).

^a Восстановлено на основании сходной, но только трехстрочной речи (GKS II V=UAR 168). ^o Чтение и восстановление мои на основании той же речи, — но, если точно издание, предшествующий «пище» знак, от которого уцелел только краешек, не подходит к тому, что стоит в той речи перед «пищею». ^р Восстановлено на основании расположения знаков. ^х Восстановлено на основании сходной речи (GKS II XX=UAR 168), в первом случае предположительно, во втором надежно. ^o Восстановление на основании родственной речи (GKS II V=UAR 168).

Нужное нам слово окружено спереди и сзади досадными пробелами. Передний пробел — строки отвесные — вышиною примерно в пять высоких знаков. Из них два с половиною покроеет в начале строки достоверное восстановление «Сказывание слов: Дал (я) тебе», но за этими словами до д.т останется пробел в два с половиною высоких знака. Если предположить, что наше слово было не д.т, а нд.т, как то делает К. Зэте, перед д.т можно будет восстановить воду н и тем самым свести пробел до вышины в два высоких знака.

Задний пробел может быть заполнен в начале предположительно, к концу достоверно на основании родственной речи:

«[Сказывание слов: Дал (я) тебе]---(?) [(какие-то люди, так как уцелели низы сопроводительных знаков мужчины и женщины, притом собирательное понятие женского рода, так как этого рода последующее прилагательное)] всякая под сандалиею твоею, стянул (я) для тебя сердца народа всякого, доставил (я) тебе [ве]щь всякую [доб]рую, (что) у меня» (GKS II XX=UAR 168).

«Стянул (я) для тебя сердца народа» стояло несомненно и в изучаемой надписи, так как последние слова этого предложения читаются и там, но были ли в ней и предшествующие слова — «под сандалиею твоею» — достоверно решить нельзя. Единственное основание для положительного ответа — наличие в обеих надписях, примерно на одинаковом расстоянии от общего им «стянул (я) сердца народа всякого», женского собирательного обозначения для людей с последующим определением «всякая». Но и тут доказательность ослаблена неизвестностью: действительно ли то было одно и то же обозначение для людей? Ведь в одном случае от слова уцелели только низы сопроводительных людских знаков и звуковой состав неизвестен. Первоначально К. Зэте восстанавливал его как нд.т и соответственно заполнял пробел в другой надписи словами «под сандалиею твоею», заимствованными из этой. Позже он отказался от сближения и взаимного дополнения надписей в этом месте. По неизвестным мне побуждениям он в позднейшем своем восстановлении перед остатками людских знаков в одной надписи восстановил уже не нд.т, а п^с.т — частое, но не ясное людское обозначение, — а после [н]д.т в другой оставил незаполненный пробел. Мне кажется тем не менее, что наличие в обеих надписях слов с людскими знаками и последующим «всякая» на одинаковом расстоянии от несомненно общей части сильно говорит в пользу тождества этих слов и за одинаковое в обоих случаях продолжение.

Все это, однако, возможно и правдоподобно при одном условии — именно, что издатели правильно поместили обломок с д.т относительно

остальной надписи, а это как раз чрезвычайно сомнительно. На воспроизведении надписи Л. Борхардт приписал около обломка: «Не прилагивается?» (GKS II XIX); К. Зете к слову нд.т сделал такое примечание: «Помещенный сюда обломок с остатками этого слова по проф. Борхардту не прилагивается» (GKS II 95 прим. 1). В своих восстановлениях К. Зете не считается с сомнениями Л. Борхардта по поводу несовпадения черты облома у куска и у основы — и, быть может, напрасно. Знак на основе, который К. Зете считает женщиной, приходящейся позади мужчины, что на обломке, в издании снабжен поврежденною на конце бороною. Следовательно, если верить изданию, этот знак изображает вовсе не женщину, а бородатого и длинноволосого иноземца, и как раз такими знаками изобилует данная надпись и родственная ей GKS II V=UAR 168. Если это так, то перед нами последний из трех одинаковых знаков, сопровождавших какое-нибудь обозначение иноземных племен, как то можно неоднократно наблюдать в обеих надписях. Остаток слова «всякий» под нашим знаком этому бы не противоречил. Не в самой, правда, надписи, а в родственной ей GKS II V=UAR 168 обозначения иноземных племен, сопровождаемые тремя знаками иноплеменников, имеют как раз за собою слово «всякие». Но и сама надпись, хотя сохранившиеся в ней имена с тремя знаками иноземцев («эфиопы», «сирияне») не сопровождаются таким определением, имеет к нему явное предрасположение («народ всякий», «(чужеземные) нагорья всякие» и т. д.) и могла приложить его в спорном месте и к обозначению с теми тремя знаками. Далее, если бы обломок был приставлен в должном месте, а издание, вообще очень тщательное, хотя бы приблизительно точно передавало местоположение знаков, змея д. некуда было бы свесить свой хвост с обломка в плоское разрушенное пространство над «бородатою» женщиной.

Когда нет никакой уверенности в правильности положения обломка с д.т, было бы неосторожно делать какие-либо умозаключения о природе последнего на основании ближайшего окружения. Все, что известно об этом д.т, — это то, что оно стояло в речи, обращенной к царю каким-то его богом и сообщавшей о даровании тому последним всей вселенной и всех благ, что оно означало одно из этих дарений и было собирательным обозначением для некоего рода людей, притом мужчин и женщин, поскольку несомненно, что к уцелевшему на обломке сопроводительному знаку мужчины принадлежал некогда такой же знак женщины, только, конечно, не бородатой (оба знака с последующим «всякий» налицо в родственной надписи GKS II XX=UAR 168 после слова «народ» и восстанавливаемого нд.т или п.т). Это, конечно, очень немного, но тем не менее не лишено значения. Как неоднократно упоминалось и будет обстоятельно показано в особой главе, д.т обыкновенно противостояло царскому, точно частное государственному. Здесь же сам царь оказывается обладателем людей, обозначаемых как д.т или нд.т. Я не вижу причин, по которым это обозначение следовало бы обособить в отдельное слово, отличное от д.т/нд.т в титулах частных лиц. То, что за последним никогда не следует непосредственно сопроводительный знак мужчины или женщины, а позади обозначения в царском храме налицо тот и другой, не является, разумеется, достаточным для того основанием. Как хорошо известно, в титулах сопроводительный знак мужчины или женщины — или, что по существу то же, маленькое изображение обозначаемого — помещались не после отдельных званий, входивших в титул, а на самом его конце, позади имени. Потому было бы странно ожидать в чьем-либо титуле знак мужчины или женщины непосредственно за д.т/нд.т; знак же или-изображеньице, стоявшие на концах

титл, относились также и к этому званию. Столь же естественно при употреблении вне титла д.т/нд.т могло получать свой сопроводительный знак и, поскольку в храме С'хв-р^c оно было употреблено в собирательном смысле, такими знаками там были одновременно мужчина и женщина.

В прошлом предложенный перевод д.т/нд.т как «собственный (человек)» неплохо себя оправдывал. Но тогда хозяевами выступали частные лица, теперь же таковым оказывается сам фараон. Кто такие «собственные люди» царя?

Быть может, это лично ему принадлежавшие подневольные производители? Если бы обломок с д.т был помещен правильно, можно было бы при желании вычитать из надписей противоположение д.т/нд.т «народу» (рхй.т) — как личных рабов царя, находящихся у него в полном подчинении («под сандалиею твоею»), «свободному» населению, которому только внушается страх («стягиваются» сердца), как то делалось по отношению к иноземцам. Такое понимание было бы, однако, уже потому неприемлемым, что попираание сандалиями имеет в царских надписях неизменно военный или государственный смысл: царь топчет врагов своими сандалиями, имеет подвластные ему народы под ними, но никогда не попирает ими принадлежащее ему лично рабочее население. Поэтому, если бы обломок был приставлен правильно, ответ на вопрос, не личные ли рабы царя его д.т/нд.т, надо было бы дать отрицательный. Но нам надо ответить на этот вопрос и вне связи с гадательным окружением, поскольку правильность местоположения обломка весьма сомнительна и в другой связи он мог бы дать смысл, вполне согласный с принадлежностью д.т/нд.т лично царю. Конечно, при такой постановке вопроса у нас еще меньше данных для ответа, но и так, я думаю, надо ответить отрицательно. Я не знаю ни одной египетской надписи, где какое бы то ни было египетское божество даровало бы царю лично тому принадлежащих производителей. Единственно правдоподобным мне представляется поэтому, что д.т/нд.т в надписи С'хв-р^c обозначает не личных его рабочих людей, а всех подданных в целом. Как слуги и служащие являлись «собственными» людьми для частного домовладыки, так и все подданные были «собственными» людьми для «владыки обеих земель». Этим я не хочу сказать, что д.т/нд.т не могло употребляться для обозначения лично царю принадлежавших производителей и лично у него в хозяйстве занятых служащих; вполне возможно, что наше слово часто так и употреблялось. Я хочу только сказать, что в надписи С'хв-р^c я не нахожу такого его употребления. Здесь, по-моему, оно употреблено не в частновладельческом, а в государственном смысле.

6. Д.т о вещах

Мне известен только один случай обозначения вещей как д.т, и это очень досадно, — во-первых, потому, что касательно староегипетских понятий о собственности такое словоупотребление могло бы быть особенно поучительным; во-вторых, потому, что содержащая этот пример надпись, очень ясная в целом, как раз в нужной нам частности достаточно темна.

Надпись эта высечена на стене гробницы придворного Вп-м-нфр.т и представляет собою завещание его в пользу старшего сына, в силу которого последнему предоставляется в отчей гробнице не только место для погребения (могила-склеп), но и место для получения заупокойных жертв (каплица). Надпись сопровождается большим изображением завещателя, с приподнятой, в знак речи, рукою. Речь сановника обращена к пятнадцати свидетелям, изображенным каждый за своим именем.

Винovníк торжества, старший сын вельможи, представлен скромного размера, у ног родителя, стоя лицом к нему. Завещание гласит:

«Год соединения обеих земель (т. е. год воцарения не названного по имени фараона), месяц 3-ий Выхождения (т. е. зимы), числа 29-го.

«Друг единственный (придворный чин) Вп (сокращение от Вп-м-нфр.т) рассказывает:

«Дал (я) сыну (моему) старшему, заклинателю Ибйй д.т, (именно) могилу (х'.т) северную с коморою (йз.т) северною, что для возглашения (т. е. заупокойного жертвоприношения), которые в гробнице, что от д.т (моей) (следовательно: что от плоти моей, т. е. собственной моей), что от (места того), что под богом (т. е. на кладбище у подножия пирамиды царя). (Да) погребут его в ней (и) возглашают (т. е. приносят заупокойную жертву) для него там. Состоящий в чести это. Не имеет права брат (мой) всякий на нее, (ни) жена (моя) всякая, (ни) дети (мои) все на нее, кроме сына (моего) старшего, заклинателя Ибйй, коему дал (я).

«Дано было обок (т. е. в присутствии) свидетелей многих. Претворено в письмо обок (т. е. в присутствии) его самого.

«(Свидетели:) Врач Нфр-хр-н(й)-птх; распорядитель дома Нфр-сдм; „отрок“ (воин?) М'(й); врач глаз Нфр-тз; наставник рабов двойника (т. е. надзиратель за заупокойными жрецами) Н(й-?)в(й-?)рдй; строитель Тзв; печатник (т. е. ключник) Тнтй; писец очерка (т. е. начертатель набросков, по которым извдаивались настенные изображения) Р^с-х'й; ваятель Хнв; корабельщик (?) Вр-т; цовиватель (т. е. приготовитель трупов в возможно нетленном виде) Схтй(-?)в(й-?)йнпв; мастер Б^с-к(?) ; кладбищенский (каменосечец) К(?)п'; раб двойника (т. е. заупокойный жрец) Птх-хтп; руководитель (рабочей) дружины Йнб'.» (EG II, между 190 и 191).

Отдельно, около самого изображения завещателя и в направлении, противоположном тому, в котором написано завещание, начертано:

«Сотворено обок (т. е. в присутствии) его самого, живого (и бывшего) на ногах своих, (когда) сотворял он приказание слова» (там же).

Что значит д.т между именем сына и наименованиями частей гробницы, ему предоставленных? Может оно быть словом «вечность»? Нет, не может быть — и по следующим причинам. Во-первых, при таком значении его закономерная последовательность слов, без того уже нарушенная, по староегипетской некоей вольности, постановкою косвенного дополнения «сыну» и т. д. перед прямым «могилу», была бы вконец упразднена помещением не за, а перед последним еще обстоятельства времени д.т «навечно»: «Дал (я) сыну (моему) старшему, заклинателю Ибйй, навечно могилу северную» и т. д. Во-вторых, значение «вечность» невероятно в силу внешнего строения надписи, так как она написана так: (см. на следующей стр.).

Если бы д.т. было существительным «вечность», употребленным как наречие «навечно» и, ввиду крайней пространности прямого дополнения, перенесенным вперед него в начало речи, естественно было бы ожидать д.т в конце 3-й строки после имени Ибйй. Так же это д.т оказывается во главе первой отвесной строки, занятой исключительно прямым дополнением — предметом дарственной. Потому д.т хочется отнести обязательно к последнему, а никак не к содержанию лежащих строк.

Если д.т здесь не «вечность», оно должно быть нашим д.т. Возможность истолковать это д.т как приложение к имени Ибйй исключена. «Сыну (моему) старшему, заклинателю Ибйй, д.т (моему) (т. е. собственному человеку моему)» — ничего похожего на такой оборот невозможно найти в староегипетских надписях. Звание д.т («собственный (человек)») никогда не стоит в виде приложения после имени, как в том легко

Год, месяц, число.			Дано обок свидетелей многих и т. д.
Друг единственный Вп сказал: Дал сыну старшему, заклинателю Йбйй			Свидетели
д. т могилу северную с коморою северной, что от возглашения, которые в гробнице, что от д. т, что от того, что под богом	(Да) погребут его и т. д.	жена всякая и т. д.	

убедиться, пересмотрев собранные выше примеры. Затем остается в полной силе только что приводившийся довод от внешнего строения надписи. Приложение д.т мы ожидали бы в конце 4-й лежащей строки после имени, которому оно было бы придано, а не во главе обозначения предмета дарения, вверху отвесной строки, заполненной донизу одним этим обозначением.

Потому остается только принять мнение издателя, видящего в д.т прямое дополнение к «дал (я)». Тем самым, д.т оказывается здесь обозначением того, что отец предоставил сыну. Но, спрашивается, чем же именно? В прошлом уже не раз доводилось свидетельствовать несостоятельность распространенного понимания д.т как «имение», «заупокойное имение», «земельная собственность». Но, может быть, это толкование оправдывает себя теперь? «Дал (я) сыну (моему) старшему, заклинателю Йбйй, имение (или заупокойное имение), могилу северную с коморою северною, что для возглашения, которые в гробнице, что от д.т (моей)» не дает, конечно, если только вдуматься, никакого приемлемого смысла. Высеченная в скале подземная могила и надземная капличка для поминок внутри чужой гробницы и посреди пустыни могут быть названы именем, простым или заупокойным, или земельною собственностью разве только в шутку. Немного лучше звучит перевод «недвижимость», поскольку могила и каплица — бесспорно, неподвижные предметы. Но только та и другая — не более как частички чужой гробницы, вкрапленные в ее каменную толщу, и эта толща составляет самые их стены. Говорить при таких условиях о сыновней «недвижимости» у меня не хватило бы смелости. Наконец, из разобранных уже нами случаев употребления д.т, будь то в определениях или вне их, многие настолько явно противились переводу д.т каким-либо обозначением земельного порядка, что возможность такого перевода где бы то ни было, в частности в данном случае, представляется заранее почти или вовсе исключенной.

Совсем по-иному пойдет у нас дело, стоит нам лишь понять д.т как «собственность». Такого рода истолкование д.т многократно было нами испытано, неизменно себя оправдывало и превосходно постоит за себя и здесь. «Собственностью» можно перевести загадочное слово независимо от того, будем ли мы читать его, как оно написано (змея д + хлеб т + земля), или мысленно наращивать спереди воду н, как то, видимо, надобно делать, при обозначении нашим словом людей (см. первую часть главы).

Во втором случае мы имели бы нй-д.т «тот, что от плоти», застывшее в неизменное по роду слитное выражение «собственное» — «собственность». Но и без наращения все получается как нельзя лучше, так как тогда то была бы «плоть» (д.т), употребленная в расширительном смысле: первейшая «собственность» — плоть, — распространенная в «собственность» вообще.

Истолкование д.т как собственности находит на этот раз поддержку или даже, пожалуй, прямое подтверждение со стороны самого вещественного предмета, так обозначенного. Словом д.т обозначены в надписи северные склеп и каплица внутри отцовской гробницы, и мы оказываемся в состоянии воочию ознакомиться с тем и другим и их местом и значением в усыпальнице в целом.

Гробница представляет собой в основании почти равносторонний прямоугольник (22 × 20 м), обращенный своими сторонами почти точно на север, юг, восток и запад. Это внушительное каменное сооружение, вышиною не менее чем в три средних мужских роста, отчасти иссеченное из скалы, отчасти сложенное из отесанного камня. Вход внутрь этой громадной каменной гряды — с востока из небольшого дворика. Следует скромная передняя, из которой дверь на юг ведет в тайник с каменными изваяниями, дверь на запад — следовательно, прямо против входа — в каплицу хозяина с двумя ложными дверями в глубине, дверь на север — в каплицу сына. Позади каплиц сквозь толщу гробницы глубоко в скалу уходят колодцы склепов, по одному колодцу за каждой каплицей.

Бросается в глаза странное несоответствие в размерах между каплицею отца и каплицею сына: последняя (9.12 м в длину, 1.98 м в ширину, 3.19 м в высоту) чуть ли не в два раза больше первой (5.10 м в длину, 2.28 м в ширину, 2.37 м в высоту). Но сыновья каплица превосходит отчую не только величиною: она и не в пример той лучше отделана. У отца привозным — из каменоломен по ту сторону реки — белым известняком были облицованы только ложные двери, у сына — самые стены его объемистой каплицы. Кроме того, из белого же известняка был сложен и ее потолок; дверь в нее тоже, по меньшей мере частично, была облицована этим камнем. Даже там, где высекались изображения и надписи, как на притолоках и косяках двери в каплицу, отец довольствовался поверхностью скалы, из которой они были иссечены. Изображения на этих дверях чисто семейного порядка, и надписи не идут дальше титул и заупокойных пожеланий. Заупокойными пожеланиями на имя хозяина они ограничиваются и на притолоках его ложных дверей. Совсем иное дело — каплица сына. Наддверные надписи и изображения не представляют ничего примечательного, но внутри каплицы, помимо завещания и изображений завещателя, его сына и свидетелей с соответствующими приписками, на одной из стен изваяно четыре пояса производственных изображений — медники, лоцильщики, столяры, ваятели, изготовители украшений, пивовары и хлебопеки — со множеством надписанных над ними деловых разговоров и кратких обозначений работников. Отделана в каплице изображениями и надписями только южная часть восточной стены. Остальные стены остались без них, не были отделаны, как не были, по-видимому, доделаны и ложные двери в двух углублениях по концам западной стены. Однако, как замечает издатель, белокаменная обшивка каплицы несомненно была рассчитана на такую отделку.

Чем объясняется поразительное несоответствие по размерам и отделке между двумя каплицами? Объяснение может быть только одно: отец уступил своему рано умершему сыну каплицу, которую приготовил для самого себя. И это не только единственное возможное объяснение, это

свидетельство самих надписей, явственно слышное, стоит лишь внимательно прислушаться. Отец был очень высокопоставленным лицом. Его звания указывают на личную близость к царю, которому он был не только «другом единственным» (высокий придворный чин), но и прямым помощником при облачении (как «энхабовец главный, таинник дома утра»), «руководителем дворца» и распорядителем по столовой части (как «настоятель выдачи во дворе жизни»).¹ Мало того, он состоял в родстве с самим царским домом, так как жена его с громким именем Мр-с(й)-^снх — известны царицы с подобным именем — была «дочерью царя». И вот при подобных связях сын — и внутри своей богатой каплицы, в отчем завещании и в приписке к сопутствующему изображению, и на притолоке над дверью в нее — не может похвалиться ни одним сколько-нибудь звучным званием. «Заклинатель (хрй-хбв.т), таинник (неизвестно чего), писец книги бога, состоящий в чести у владыки своего» — вот самое пышное титуло, какое ему можно было придумать (EG II между 190 и 191). Что то были совсем заурядные звания, подчеркивается наглядно тем обстоятельством, что и другой сын хозяина гробницы был тоже «заклинателем, писцом книги бога» (EG II 186). Естественно поэтому предположить, что Ибйй умер молодым, не успев дослужиться до больших чинов. Только что упомянутый другой сын хозяина титулом своим подтверждает то как нельзя лучше. Отождествлять этого сына с Ибйй нет никаких оснований. В той же передней, где последний над дверью в свою каплицу на обоих притолоках назван «Ибйй» (EG II 189 = LXXII = LXXIII), другой сын на косяке двери в отцовскую каплицу именуется Хв-р^с. «Ибйй», и только «Ибйй», дважды зовется сын внутри своей каплицы, как в полном своем титуле, так и в правовой надписи — в самом отцовском завещании. Поэтому совсем невероятно, чтобы «Ибйй» было кличкою Хв-р^с. В том, что оба сына одинаково именуются «старшими», нет ничего, что говорило бы за их тождество. Ведь «старший», как известно, не значило тогда обязательно «первенец», но прилагалось к любому из здравствующих сыновей, который в данное время был старшим среди своих братьев. По смерти старшего сына Ибйй старшим сыном становился Хв-р^с, и это снова свидетельствует, что Ибйй умер молодым.

Но есть еще одно любопытное обстоятельство, бросающее яркий свет на судьбы каплицы, уступленной Ибйй, и одновременно на его собственную судьбу. Снимки (EG II LXXIV—LXXVI) совершенно ясно показывают, что завещание и связанные с ним приписки к изображениям завещателя, его сына и свидетелей начертаны совсем иначе, нежели приписки к соседним производственным изображениям. В то время как приписки к производственным изображениям выполнены все выпуклыми письменами, требовавшими большого труда, так как надо было вокруг них осторожно снимать окружающую поверхность, завещание и связанные с ним надписи написаны знаками, просто врезанными в камень. Это тем примечательнее, что так написаны даже титулы к изображениям хозяина и его сына. Даже разделительные черты у надписей и изображений выпуклые в производственной и врезанные в завещательной части. Далее, завещание и соединенные с ним изображения и надписи просто прилеплены сбоку и отчасти сверху к поясам производственных изображений, не имеющих к завещанию ни малейшего отношения. Положение представляется вполне ясным. Ко времени смерти Ибйй каплица в гробнице его отца была вся уже изнутри облицована и при-

¹ О значении этих званий см.: A. H. Gardiner. The mansion of life and the master of the king's largess. The journal of Egyptian archaeology, volume 24, London, 1938, pp. 83—91.

готовлена для нанесения на стены ее изображений и надписей, но из тех и других до кончины Йбйй успели выполнить только четыре пояса надписанных производственных изображений. Когда Йбйй умер, отец предоставил для его поминок свою незаконченную каплицу и поместил об этом завещание и соответствующие надписанные изображения около готовых четырех поясов. Последние занимали только часть стены и достигали только половины ее в высоту. Своими добавлениями отец нарастил отделанную часть поверхности как в ширину, так и в высоту, и так получил цельный отделанный сверху до низу кусок стены — внешне представительное целое, хотя и бессвязное внутри. Добавления делались упрощенным способом, и надписи их были только врезаны, но не изваяны. Тогда же были надписаны над дверью в каплицу титул ее нового владельца и заупокойное пожелание на его имя.

Согласно завещанию, отец предоставил сыну северный склеп. И действительно, в склепе внизу колодца позади каплицы Йбйй оказался каменный гроб с человеческими останками.

Поскольку завещание говорит о северном склепе и о северной каплице, южный склеп и южная каплица должны были уже существовать ко времени составления дарственной или, по меньшей мере, быть намечены к выполнению. Во всяком случае оба они или одна каплица не были готовы настолько, чтобы приютить в себе и прах и поминальную службу умершего сына. Южная каплица, впрочем, так никогда и не была закончена, если судить о том по ее голым стенам, лишенным не только белокаменной обшивки, но и каких-либо надписей и изображений. Глубокий колодец позади этой каплицы, ведущий к южному склепу, не был до конца обследован, и потому неизвестно, в каком состоянии был оставлен этот склеп.

После того как мы поучились у самих вещественных носителей обозначения д.т, перевод соответствующего места завещания напрашивается сам собой:

«Дал (я) сыну (моему) старшему, заклинателю Йбйй, собственные (мои) (или собственность (мою)?): могилу северную с каплицею северной, что для возглашения, которые в гробнице собственной (моей), что от (места того), что под богом».

Отец дал сыну свои собственные или свои личные склеп и каплицу в собственной своей гробнице на кладбище, чтоб он был в них погребен и поминаем, и потому никто из родственников не смеет притязать на них.

Трудно решить, как лучше воспринять д.т: как «собственный (предмет)» («Собственный (мой предмет, именно) могила северная» и т. д.) или как «собственность» («собственность (моя, именно) могила северная с каплицею северной»). Если бы второе было правильным, данное место было бы особенно значительным, так как давало бы готовое слово для «собственности», производное от слова «плоть».
